

Выпуск № 2, 2026

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

Вестник Ивановского государственного университета

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

2026. Вып. 2

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Реестровая запись 30 июля 2020 г. ПИ № ФС 77-78823

Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук
(ред. от 22.10.2021 г.)

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Е.М. Тюленева, д-р филол. наук (*главный редактор серии*) (Россия, Иваново)
Д.Г. Смирнов, д-р филос. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
В.М. Тюленев, д-р ист. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
О.С. Горелов, д-р филол. наук (*ответственный секретарь*) (Россия, Иваново)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

А.Ю. Алексеев, д-р филос. наук (Россия, Москва)
М.В. Белов, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
К.В. Воденко, д-р филос. наук (Россия, Новочеркасск)
Н.Ю. Гвоздецкая, д-р филол. наук (Россия, Москва)
Д.И. Дубровский, д-р филос. наук (Россия, Москва)
А.И. Жеребин, д-р филол. наук (Россия, Санкт-Петербург)
А.А. Житенев, д-р филол. наук (Россия, Воронеж)
Ф.И. Карташкова, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
Р.Я. Подоль, д-р филос. наук (Россия, Рязань)
Д.И. Полывянный, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
Ф.А. Селезнев, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
Г.С. Смирнов, д-р филос. наук (Россия, Иваново)
А.А. Федотов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
В.Н. Финогентов, д-р филос. наук (Россия, Орёл)
З.А. Харитончик, д-р филол. наук (Беларусь, Минск)
Ю.Л. Цветков, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
В.Л. Черноперов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
К.А. Юдин, д-р ист. наук (Россия, Иваново)

Адрес редакции (издателя):

153025 Ивановская обл.,
г. Иваново, ул. Тимирязева, 5,
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «The Humanities»

2026. Issue 2

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication,
Information Technology and Mass Communications.
Registry entry ПИ № ФС 77-78823 of July 30, 2020

The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations
(issued on 22.10.2021)

Founded by Ivanovo State University

EDITORIAL BOARD:

E.M. Tyuleneva, Doctor of Philology (*Chief Editor of the Series*) (Russia, Ivanovo)
D.G. Smirnov, Doctor of Philosophy (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)
V.M. Tyulenev, Doctor of History (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)
O.S. Gorelov, Doctor of Philology (*Secretary-in-Chief*) (Russia, Ivanovo)

EDITORIAL COUNCIL:

A.Yu. Alekseev, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)
M.V. Belov, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)
K.V. Vodenko, Doctor of Philosophy (Russia, Novocheboksarsk)
N.Yu. Gvozdetskaya, Doctor of Philology (Russia, Moscow)
D.I. Dubrovsky, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)
A.I. Zherebin, Doctor of Philology (Russia, Saint-Petersburg)
A.A. Zhitenev, Doctor of Philology (Russia, Voronezh)
F.I. Kartashkova, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)
R.Ya. Podol, Doctor of Philosophy (Russia, Ryazan)
D.I. Polyvyannyy, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
F.A. Seleznev, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)
G.S. Smirnov, Doctor of Philosophy (Russia, Ivanovo)
A.A. Fedotov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
V.N. Finogentov, Doctor of Philosophy (Russia, Orel)
Z.A. Kharitonchik, Doctor of Philology (Belarus, Minsk)
Yu.L. Tsvetkov, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)
V.L. Chernoperov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)
K.A. Yudin, Doctor of History (Russia, Ivanovo)

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo region,
Ivanovo, Timiryazew str., 5,
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Index of subscription
in the catalogue «Russian Press» 41512

Electronic copy of the journal can
be found on the web-sites
www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

Литературоведение

- Григорян А.М.** Мотив взгляда в творчестве Н.В. Гоголя: взгляды «в угол», «искоса» и «на самого себя» 5
- Федоровская П.А., Евдокимова О.В.** Цитата и реминисценция в прозе Н.С. Лескова («Котин доилец и Платонида», 1867) 12
- Гавриков В.А.** О серийности в словесном искусстве: концертная практика Е. Евтушенко 20
- Пластинин П.Д.** Специфика жанра диалога в творчестве Оскара Уайльда 29
- Морозова И.В.** «Унесенный ветром, затерялся в толпе аромат этих роз...»: флористическая символика в романе М. Митчелл 35
- Таганов А.Н.** Природа комического в творчестве Альфреда Жарри 43
- Ботвинова Е.Д.** Идея современного художника в американских лекциях У.Х. Одена 52

Языкознание

- Григорян А.А.** О роли традиционной грамматики в преподавании английского языка 61
- Григорьева Е.М.** Английские терминологические словари (на материале справочников лингвистических терминов) 66
- Калачева Т.А.** Лексикографическое наследие и цифровизация: новый взгляд на словарь Джеймисона 77
- Заалишвили И.В.** Объединяющая функция публичного дискурса современной испанской монархии 86

История

- Шемарина А.С., Тюленев В.М.** Частная религиозная инициатива на позднеантичном латинском Западе (постановка проблемы) 96
- Симоненко Е.С., Лихарев Д.В.** Пенсионное обеспечение канадских добровольцев в годы Первой мировой войны 105
- Хрулев С.П., Черноперов В.Л.** Вывод немецких войск из Латвии в контексте борьбы за власть в этой стране (1918—1919 гг.) 113
- Иванов Е.Д.** Англия в оценках М.П. Погодина: к эволюции общественно-политических взглядов историка 122
- Юдин К.А.** «Товарищ Сталин, простите за длинное письмо...»: власть и советское общество в эпистолярном дискурсе (1952—1953 гг.) 131

Философия

- Антохова Е.А., Крынжина М.Д.** Концептуальные основы культуры популяризации научного знания 141
- Палатников Д.Е.** Социально-профессиональное партнерство в подготовке педагогических кадров: динамика научно-философских взглядов 154
- Жульков М.В.** Ноосферное развитие современного мира: фундаментальные и прикладные концепции 167
- Докучаев Д.С., Докучаева Н.А., Стробыкин К.А.** Региональная политическая повестка в малых городах и районах Ивановской области: опыт контент-анализа соцмедиа 181

Юбилейное

- Самотовинский Д.В.** Как Нина Викторовна Ревякина возделывает свой сад 192

CONTENTS

Philology

Literary criticism

- Grigorian A.M.** The motif of the gaze in the works of N.V. Gogol: gazes
“into the corner”, “sideways” and “at oneself” 5
- Fedorovskaya P.A., Evdokimova O.V.** Quotes and reminiscences in Nikolay Leskov’s
prose (“Kotin the Provider and Platonida”, 1867) 12
- Gavrikov V.A.** On seriality in verbal art: the concert practice of E. Yevtushenko 20
- Plastinin P.D.** Specificity of the dialogue genre in Oscar Wilde’s works 29
- Morozova I.V.** “Gone with the wind, flung roses, roses riotously with the throng...”:
floral symbolism in M. Mitchell’s novel 35
- Taganov A.N.** The nature of the comic in the works of Alfred Jarry 43
- Botvinova E.D.** The idea of a modern artist in the American lectures by W.H. Auden 52

Linguistics

- Grigoryan A.A.** On the role of traditional grammar in the process of teaching English 61
- Grigoryeva E.M.** English terminological dictionaries
(based on dictionaries of linguistic terms) 66
- Kalacheva T.A.** Lexicographic heritage and digitalization: rediscovering
Jamieson’s Dictionary 77
- Zaalishvili I.V.** The unifying function of the public discourse of the modern Spanish monarchy 86

History

- Shemarina A.S., Tyulenev V.M.** Private religious initiative in the late antique Latin West
(statement of the problem) 96
- Simonenko E.S., Likharev D.V.** Pension provisions for Canadian volunteers during
the First World War 105
- Khrulev S.P., Chernoperov V.L.** The withdrawal of German troops from Latvia
in the context of the power struggle in that country (1918—1919) 113
- Ivanov E.D.** England in the assessments of M.P. Pogodin: to the evolution of social
and political views of the historian 122
- Yudin K.A.** “Comrade Stalin, forgive me for the long letter...”: power and Soviet
society in epistolary discourse (1952—1953) 131

Philosophy

- Antyukhova E.A., Krynzhina M.D.** Conceptual framework of the science
popularization culture 141
- Palatnikov D.E.** Social and professional partnership in teacher education:
the evolution of scientific and philosophical perspectives 154
- Zhulkov M.V.** Noospheric development of the modern world:
fundamental and applied concepts 167
- Dokuchaev D.S., Dokuchaeva N.A., Strobykin K.A.** Regional political agenda
in small towns and districts of Ivanovo region: content analysis of social media 181

Anniversary

- Samotovinskiy D.V.** How Nina Viktorovna Revyakina tend to her garden 192

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

LITERARY CRITICISM

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 5—11.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 2. P. 5—11.

Научная статья

УДК 81'37:821.161.1.09"18"

EDN <https://elibrary.ru/antcfy>

DOI: 10.46726/И.2026.2.1

МОТИВ ВЗГЛЯДА В ТВОРЧЕСТВЕ Н.В. ГОГОЛЯ: ВЗГЛЯДЫ «В УГОЛ», «ИСКОСА» И «НА САМОГО СЕБЯ»

Алла Маратовна Григорян

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, alla.grigorian@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию мотива взгляда в творчестве Н.В. Гоголя и его роли в формировании психологической и сатирической характеристики персонажей. В центре анализа находятся разновидности отведенного взгляда — «в угол», «искоса» и «на самого себя», рассматриваемые как элементы невербального поведения, обладающие устойчивой семантикой. Показано, что направленность взгляда у гоголевских героев отражает их внутреннее состояние, степень вовлеченности в происходящее, отношение к окружающим и особенности самовосприятия. «Взгляд в угол» интерпретируется как знак замкнутости, статичности и отчужденности личности, а «взгляд искоса» демонстрирует семантическую вариативность: в фантастических повестях он выражает страх, тревогу и внутренний конфликт, тогда как в сатирических и петербургских текстах становится маркером скрытого контроля, психологической игры и властного превосходства. Особое внимание уделяется взгляду, направленному на самого себя, реализующемуся через мотив зеркала, отражения в воде или встречи с двойником. Такой взгляд связан с проблемами самоидентификации, раздвоения сознания и формирования социальной маски. В целом мотив взгляда в прозе Гоголя понимается как многослойное художественное средство, сочетающее психологическую, символическую и гротескно-сатирическую функции и позволяющее глубже раскрыть как индивидуальные характеры, так и типологические черты гоголевского мира.

Ключевые слова: Гоголь, невербальное поведение, взгляд, мотив взгляда, инвариант, семантический вариант

Для цитирования: Григорян А.М. Мотив взгляда в творчестве Н.В. Гоголя: взгляды «в угол», «искоса» и «на самого себя» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 5—11.

В творчестве Н.В. Гоголя значимое место отводится мотиву взгляда, который раскрывается по-разному в зависимости от природы персонажа, его поведения и сопровождающих обстоятельств в сцене или эпизоде. Одним из наиболее распространенных типов глазного поведения можно по праву считать отведенный в сторону взгляд, который, в свою очередь, имеет целый спектр разновидностей. Каждая из них заслуживает тщательного анализа и интерпретации, но в этой статье подробнее остановимся на взглядах «в угол», «искоса» и «на самого себя».

Направленность взгляда гоголевских героев может давать характеристику как объекта, на который устремлен взгляд, так и эмоционального состояния персонажа, его отношения к происходящему. В этом смысле взгляд функционирует как особый знаковый жест, включенный в систему художественной коммуникации, где даже отказ от прямого зрительного контакта приобретает семиотическое значение [Лотман].

В ряде произведений Гоголя встречается взгляд, отведенный в угол. Гоголь использует его в качестве значимого элемента психологической характеристики Собакевича: «Кто такой? — сказал Собакевич, *глядя на угол печи*»; «а сам *все глядел на угол*»; «<Собакевич> редко глядел на того, с которым говорил, но всегда или *на угол печки, или на дверь*» [Гоголь 6: 95].

Последовательное указание на то, что герой не смотрит на собеседника, а устремляет глаза на угол печи или на дверь, выявляет его внутреннюю замкнутость и отстраненность. В отличие от живого, динамичного взгляда, выражающего эмоциональное участие и контакт, взгляд Собакевича обращен к неодушевленным предметам, а не к человеку, что символизирует его отчужденность и неспособность к открытой человеческой связи.

Такое направление взгляда соотносится с общей «угловатостью» и тяжеловесностью природы персонажа. Собакевич, словно сам превращенный в неподвижный «угол», живет в мире устойчивых, материальных ценностей, где нет места духовной гибкости или тонкому чувству. Ирония Гоголя заключается в том, что, обличая окружающих в мошенничестве и прихотях, Собакевич сам предстает фигурой, чья ограниченность и неподвижность выражены даже в простом взгляде. Таким образом, «взгляд в угол» становится знаком статичной, косной природы героя и одним из приемов сатирического раскрытия его характера.

Теперь обратим внимание на такой вариант взгляда, как «взгляд искоса», и его реализацию в гоголевском тексте. Описывая поведение Хомы Брута в церкви («Вий»), автор отмечает его глазное поведение для передачи страха, тревоги и чувства дискомфорта. Философ искоса смотрит на гроб, пока листает книгу: «перелистывая каждую страницу, он *посматривал искоса* на гроб, и невольное чувство, казалось, шептало ему: “Вот, вот встанет!”» [Гоголь 2: 207]. Глагол несовершенного вида «посматривал» придает сцене большую динамику, подразумевая краткие, но частые взгляды на гроб, что усиливает тревожное чувство Брута. Герой ощущает угрозу и подсознательно ожидает сверхъестественное событие, ему неспокойно.

В ряде текстов взгляд искоса ассоциируется с осторожностью, напряженностью и неуверенностью. В повести «Вий» он подчеркивает двойственность восприятия героя: с одной стороны, пытается сохранить сосредоточенность на чтении, с другой — его внимание невольно притягивает источник страха. Такой взгляд отражает внутренний конфликт в душе человека, через свой страх осознающего, что границы между миром *этим* и *тем* (в данном случае инфернальным) проницаемы и что может произойти нечто сверхъестественное.

Несколько иначе взгляд искоса реализуется чуть далее, что осуществляется за счет изменения длительности направленного взгляда: «И вдруг настала тишина в церкви; <...> *взглянув искоса*, увидел он, что ведут какого-то приземистого, дюжего, косолапого человека» [Там же: 217]. В этой сцене взгляд краток, но все еще указывает на атмосферу напряжения и неизвестности. Герой, услышав зловещие звуки и тяжелые шаги, не смотрит на Вия прямо, а обращает на него внимание боковым зрением. Это свидетельствует о смешанных чувствах Хомы — страхе и любопытстве, желании увидеть источник угрозы и одновременно избежать прямого зрительного контакта с ней.

Переходя к петербургским повестям, отметим совершенно иной семантический окрас «взгляда искоса». Он уже сопряжен не со страхом или тревогой, а скорее с любопытством и ожиданием. Это можно рассмотреть в поведении Петровича («Шинель»): «Он очень любил <...> вдруг как-нибудь озадачить совершенно и потом *поглядеть искоса*, какую озадаченный сделает рожу после таких слов» [Гоголь 3: 151]. Герой сознательно вызывает замешательство у собеседника и затем, не вступая в прямой визуальный контакт, изучает реакцию на расстоянии. Такой взгляд подразумевает скрытность, иронию и даже некоторую игру в психологическую власть, где наблюдающий явно доминирует и изучает реакцию другого героя, оказывая на него давление.

В другом фрагменте «Шинели» фиксирование подобного взгляда тоже связано с властным положением персонажа: «А значительное лицо, довольный тем, что эффект превзошел даже ожидание, и совершенно упоенный мыслью, что слово его может лишить даже чувств человека, *искоса взглянул* на приятеля, чтобы узнать, как он на это смотрит...» [Там же: 167]. Быстрый взгляд искоса отражает контроль и манипуляцию. Герой, осознавая силу своего слова, не смотрит в лицо собеседника прямо, а наблюдает за ним как бы со стороны, что подчеркивает его позицию наблюдателя и психологического лидера, привнося чувство самоудовлетворения, сознание значимости и своего социального положения, и сказанного в данной ситуации. Значительное лицо не просто следит за реакцией Акакия Акакиевича, но получает удовлетворение от его растущего страха. Взгляд оказывается оценивающим и контролирующим инструментом.

Другие упоминания «взгляда искоса» можно найти на страницах «Мертвых душ», например, в эпизоде с карточной игрой: «Ну, решаться в банк, значит подвергаться неизвестности, — говорил Чичиков и между тем *взглянул искоса* на бывшие в руках у него карты» [Гоголь 6: 81]. Косой взгляд Чичикова «между тем» направлен на карты, находящиеся у него в руках, что демонстрирует внешнюю вовлеченность героя в разговор и одновременно с этим разоблачает его проверку или оценку карт, проводимую украдкой. Взгляд указывает на двойственность поведения героя, его умение распределять внимание и оценивать ситуацию: возникает психологическая нюансировка поведения персонажа.

В эпизоде встречи с Плюшкиным косой взгляд Чичикова выполняет роль скрытого оценочного жеста, в котором сочетаются наблюдательность и прагматическая избирательность восприятия: «*Искоса бросив еще один взгляд* на все, что было в комнате, он [Чичиков] почувствовал...» [Там же: 121]. Герой не просто осматривает обстановку, но делает это незаметно, словно не желая раскрыть свою заинтересованность и при этом подмечая детали, которые могут рассказать ему о хозяине богатого имения.

Направление взгляда искоса другого героя «Мертвых душ» также высвечивает скрытую заинтересованность (в определенном смысле сближающую персонажа с Чичиковым): «Иван Антонович *уже запустил один глаз назад и оглянул их искоса*, но в ту же минуту погрузился еще внимательнее в писание» [Там же: 143]. Он как бы стремится одновременно контролировать ситуацию и не нарушать

формального образа своей занятости. Глазное движение («запустить один глаз назад») содержит элемент комического гротеска, поскольку физиологически выглядит неуклюже, но характеризует его как человека, создающего видимость полного погружения в работу. Сочетание маски и скрытого любопытства — характерный для Гоголя художественный прием, с помощью которого он тонко показывает поведение чиновников, не выдающих открыто своего корыстно-интересованного отношения к ситуации, способной обернуться материальной выгодой. Таким образом, в контексте гоголевской поэтики взгляд искоса становится элементом не только сатирического (на что обычно обращают внимание при разговоре о Гоголе), но и одновременно психологически нюансированного изображения героев (аспект, который еще не получил достаточно полного освещения).

Особого внимания заслуживает взгляд, обращенный на самого себя, точнее, на собственное отражение. Ссылаясь на фольклорную традицию, С.Н. Кауфман отмечает главную функцию волшебного зеркала — «всегда говорить только правду», а также подчеркивает его значимую роль у Гоголя, заключающуюся в «изменении вектора повествования по законам зеркальности» [Кауфман: 82]. Упомянем сцену, где Параска смотрится в зеркало: «встала она, держа в руках зеркальце, и, *наклонясь к нему головою, трепетно шла по хате...*», «она *пошла танцевать, побрякивая подковами, держа перед собою зеркало и напевая любимую свою песню*» [Гоголь 1: 134]. Автор описывает взгляд косвенно, посредством наклона головы девушки, а не напрямую. Направленный на собственное отражение взгляд становится для героини актом самообнаружения и самолюбования: Параска наблюдает собственное изменение, испытывает живое, эмоциональное отношение к увиденному. Сосредоточенность на зеркале формирует ее самооценку. Одновременно зеркало выступает пространством для игры: движения Параски, согласованные с ее отражением, превращают бытовые жесты в форму самопрезентации, где героиня одновременно занимает позиции наблюдателя и объекта. К тому же выводу пришла С.Н. Кауфман, сказав, что «зеркало <...> удерживает взор Параски, постепенно погружая ее в творящуюся параллельную реальность», оно «оказывается и созерцаемым объектом и воспринимается как созерцающий субъект действия, благодаря эффекту совмещения точек зрения героев и зеркального отражения» [Кауфман: 84—85].

Взгляд в зеркало в «Ночи перед Рождеством» похож по своей природе на вышеупомянутый, поскольку женский взгляд вновь обращен на себя: «С час стоит [Оксана], *глядясь в зеркало, и не наглядится*, и еще хвалит себя вслух» [Гоголь 1: 207]. Героиня становится одновременно и наблюдателем, и объектом наблюдения, а взгляд выполняет функцию саморефлексии и самооценки. Исходя из этого, заключим, что взгляд в зеркало в гоголевской поэтике может показывать раздвоение сознания, переход от обыкновенного созерцания к самолюбования. Отметим также, что помимо саморефлексии герои самоидентифицируют себя, видя свои сильные, привлекательные стороны. Похожую мысль высказал М.Я. Вайскопф: «Идентификация выливается в <...> постоянный у Гоголя мотив зеркального подобия, связанный <...> с глазами как “зеркалом души”» [Вайскопф: 176].

Гораздо более сложно и многопланово изображено визуальное самовосприятие в повести «Вий», где Хома Брут: «*видел ясно, как он отражался в нем [море] вместе с сидевшею на спине старухою*» [Гоголь 2: 186]. Автор использует пространственные и визуальные искажения: трава под ногами Хома кажется растущей глубоко и далеко, а вода расположена над травой. Такое восприятие создает ощущение перевернутого мира, окружающее воспринимается как чуждое или

измененное, а прозрачность воды и ее чистота создают впечатление взгляда на самого себя, свободного от обычных физических и материальных ограничений.

Размышляя о взгляде гоголевских героев на себя через водную гладь, М.Я. Вайскопф сделал важное примечание: «Вода — главная мета обращенного загробного ландшафта» [Вайскопф: 130].

Старуха, сидящая у Хомы на спине, — демоническое, сверхъестественное существо, чье появление является моментом, когда герой вступает в непосредственный, телесный контакт с нечистой силой. Глядя на отражение, Хома видит не только свое тело, но и внешнюю сверхъестественную силу как нечто, включенное в его собственную реальность.

В целом, Гоголь показывает Хому Брута как персонажа, чье восприятие находится на пересечении внутренней рефлексии и столкновения с мистической реальностью. Пространственные и визуальные искажения создают образ сознания, глубоко вовлеченного в собственное восприятие и одновременно подверженного влиянию внешних, сверхъестественных сил. Этот эпизод является примером литературного исследования субъективного сознания через призму фантастической реальности.

Другой случай взгляда, направленного на самого себя, встречается в сцене полета кузнеца Вакулы верхом на черте, однако это созерцание происходит без зеркала или водной глади: «Черт, перелетев через шлагбаум, оборотился в коня, и кузнец увидел себя на лихом бегуне среди улицы» [Гоголь 1: 232]. Вакула видит себя на месте коня в результате подмены его внешнего облика демонической силой. Герой сталкивается с внешним двойником, обладающим его чертами, но лишенным его сущности; это демонизированный облик кузнеца, который принимает черт. Такое столкновение с «чужим собой» создает эффект разрыва между образом и идентичностью, основанный на автономизации внешнего облика и его демонической подмене, что рассматривается как устойчивая черта гоголевской поэтики [Виноградов: 118—123; Есаулов: 54—58].

Несколько иной вариант обращенного на себя взгляда дан в повести «Портрет».

Когда жизнь художника Чарткова переворачивается с ног на голову благодаря внезапному богатству, его взгляд сигнализирует о новом самоощущении: «Он <...> расхаживал по великолепным комнатам, *беспрестанно поглядывая в зеркала*. В душе его возродилось желанье непреодолимое схватить славу сей же час за хвост и показать себя свету» [Гоголь 3: 98]. Зеркало здесь вновь выступает средством самооценки, но герой наблюдает себя так, каким, как ему представляется, его будет видеть социальное окружение. Интересно, что процесс самонаблюдения сопровождается упорядочиванием пространства: герой делит вещи на «лучшие» и «похуже», таким образом проецируя социальную иерархию внешнего мира на собственное «я». Так формируется модель идентичности Чарткова, основанная не на внутреннем содержании, а на внешнем признаке успеха и эффективности внешнего впечатления. Герой воспринимает себя прежде всего как образ, предназначенный для признания и публичного обозрения. Подобная зависимость самоощущения от внешней оценки соотносится с мыслью М.М. Бахтина о том, что целостный образ «я» формируется через взгляд другого и вне этого взгляда оказывается принципиально незавершенным [Бахтин: 27—32]. Взгляд Чарткова на самого себя направлен не внутрь, а вовне — к воображаемому зрителю, что свидетельствует о смещении ценности творческого начала, замещенного социальным статусом и желанным престижем.

Невербальное поведение Чичикова также говорит о его склонности к самолюбанию: «Целый час был посвящен только на одно *рассматривание лица в зеркале*» [Гоголь 6: 161]. Длительное и целенаправленное рассматривание собственного лица в зеркале превращает акт самонаблюдения в репетицию социального поведения. Герой моделирует возможные варианты собственного облика в зависимости от предполагаемой ситуации общения: «Пробовалось сообщить ему *множество разных выражений*: то важное и степенное, то почтительное, но с некоторою улыбкою, то просто почтительное без улыбки; отпущено было в зеркало несколько поклонов в сопровождении неясных звуков...» [Там же]. Перебирание различных выражений лица указывает на отсутствие устойчивого внутреннего образа «я». Самоидентификация Чичикова носит вариативный и функциональный характер: он подбирает не подлинное выражение, а наиболее выгодную маску. Зеркало становится инструментом социальной адаптации, средством предварительного приспособления к чужому взгляду.

Итак, нами были рассмотрены различные варианты инвариантного у Гоголя взгляда в сторону — в угол, искоса, а также взгляд на самого себя посредством зеркала или водной глади. Выясняется, что в гоголевской поэтике взгляд в сторону выступает значимым невербальным маркером как социальной характеристики, так и внутреннего состояния персонажа, элементом значимой и до сих пор недооцениваемой психологической характеристики. Отведение взгляда, отказ от прямого зрительного контакта, как правило, связаны с переживанием внутреннего напряжения, смущения или разных оттенков страха. Одновременно взгляд в сторону функционирует как признак скрытности и лукавства: герой сознательно уводит глаза, стремясь утаить истинные намерения и сохранить иллюзию благопристойности.

Что касается формы поддачи взгляда, то наряду с внешним правдоподобием, взгляд в сторону нередко приобретает у Гоголя ироническое, гротескное звучание. Гипертрофированные описания беглых, «косых» или суетливо мелькающих глаз становятся частью сатирического портрета персонажа, редуцируя сложные внутренние процессы до комически преувеличенных внешних проявлений. В этом случае взгляд функционирует не только как знак индивидуальной тревоги, но и как средство обобщенной социальной характеристики.

В целом, взгляд в сторону в произведениях Гоголя представляет собой многослойное художественное средство, позволяющее одновременно раскрывать внутренний мир персонажа, фиксировать его психологическое состояние, обозначать социальную маску и усиливать ироническое или гротескное звучание текста.

Список литературы / References

- Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 7—180.
(Bakhtin M.M. The author and the hero in aesthetic activity, *Bakhtin M.M. The aesthetics of verbal creativity*, Moscow, 1979, pp. 7—180. — In Russ.)
- Вайскопф М.Я. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст: 2 изд., испр. и расшир. М.: РГГУ, 2002. 686 с.
(Vaiskopf M. Ya. Gogol's Plot: Morphology. Ideology. Context, 2nd ed., Moscow, 2002, 686 p. — In Russ.)
- Виноградов В.В. Поэтика Гоголя. М.: Наука, 1980. 352 с.
(Vinogradov V.V. Gogol's poetics, Moscow, 1980, 352 p. — In Russ.)
- Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: в 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1952.
(Gogol N.V. Complete works: in 14 vols., Moscow, 1937—1952. — In Russ.)

Есаулов И.А. Гоголь и проблема греха. М.: МГУ, 1995. 176 с.

(Esaulov I.A. Gogol and the problem of sin, Moscow, 1995, 176 p. — In Russ.)

Кауфман С.Н. Мотив «девичьего зеркала» в аспекте повествовательной «точки зрения» (на примере повести Н.В. Гоголя «Сорочинская ярмарка») // Сибирский филологический журнал. 2011. № 4. С. 82—85.

(Kaufman S.N. The motif of the “girl’s mirror” in the aspect of narrative “point of view” (using the example of N.V. Gogol’s story “Sorochinsky Fair”), *Siberian Journal of Philology*, 2011, no. 4, pp. 82—85. — In Russ.)

Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.

(Lotman Yu.M. The structure of a literary text, Moscow, 1970, 384 p. — In Russ.)

THE MOTIF OF THE GAZE IN THE WORKS OF N.V. GOGOL: GAZES “INTO THE CORNER”, “SIDEWAYS” AND “AT ONESELF”

Alla M. Grigorian

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, alla.grigorian@bk.ru

Abstract. This article is devoted to the study of the motif of the look in the works of Nikolai Gogol and its role in shaping the psychological and satirical features of his characters. The analysis focuses on variations of averted look — “looking into the corner”, “looking askance”, and “looking at oneself”, considered as elements of nonverbal behavior with settled semantics. It is shown that the direction of the look in Gogol’s characters reflects their inner state, the degree of their involvement in what is happening, their attitude towards others, and features of their self-perception. “Looking into the corner” is interpreted as a sign of introversion, stasis, and alienation of the personality, while “looking askance” demonstrates semantic variability: in Gogol’s fantasy tales it expresses fear, anxiety, and internal conflict, while in satirical and St. Petersburg texts it becomes a marker of hidden control, psychological manipulation, and power superiority. Special attention is paid to the look directed at oneself, realized through the motif of the mirror, reflection in water, or encounter with a double. Such a look is associated with problems of self-identification, splitting of consciousness, and the formation of a social mask. Overall, the motif of the gaze in Gogol’s prose is understood as a multi-layered artistic device combining psychological, symbolic, and grotesque-satirical functions, allowing for a deeper understanding of both individual characters and the typological features of Gogol’s world.

Keywords: Gogol, non-verbal behaviour, gaze, motif of the gaze, invariant, semantic variant

For citation: Grigorian A.M. The motif of the gaze in the works of N.V. Gogol: gazes “into the corner”, “sideways” and “at oneself”, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 2, pp. 5—11.

Статья поступила в редакцию 13.01.2026; одобрена после рецензирования 16.02.2026; принята к публикации 16.03.2026.

The article was submitted 13.01.2026; approved after reviewing 16.02.2026; accepted for publication 16.03.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Григорян Алла Маратовна — аспирант кафедры отечественной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, alla.grigorian@bk.ru, SPIN: 4005-3958

Grigorian Alla Maratovna — postgraduate student, the Department of Russian Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, alla.grigorian@bk.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 12—19.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 2. P. 12—19.

Научная статья

УДК 821.161.1.09:82-3

EDN <https://elibrary.ru/avdham>

DOI: 10.46726/И.2026.2.2

ЦИТАТА И РЕМИНИСЦЕНЦИЯ В ПРОЗЕ Н.С. ЛЕСКОВА («КОТИН ДОИЛЕЦ И ПЛАТОНИДА», 1867)

Полина Александровна Федоровская,

Ольга Владимировна Евдокимова

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия, fedorovskaya_2001@bk.ru, odnodum8@mail.ru

Аннотация. Статья направлена на разрешение одной из самых актуальных для изучения творчества Н.С. Лескова проблем: в чем состоит эстетический смысл взаимосвязи «своего» и «чужого» в текстах писателя. Установлено, что все «отсылки» в рассказе «Котин доилец и Платонида» наделены функциями реминисценций. Лесков вводит «чужой текст» в произведение не как цитату, а как реминисценцию, способную пробудить в памяти читателя цепь воспоминаний. Путь создания образа пролегает от реминисцентного полюса (единому пространству памяти) и к образу. В рассказе «Котин доилец и Платонида» выявлено более тридцати реминисценций, восходящих к античной культуре, ветхозаветной истории пророков, к русскому фольклору, к русской и зарубежной литературе XVI—XIX вв. Подробно анализируется элемент реминисцентного поля «*Робинзон — остров*» в ракурсе образа центрального героя произведения Константина Пизонского — одного из праведников Лескова. Подчеркнуто, что реминисцентное поле составляют и приемы поэтики чужих текстов. В частности, прием нанизывания черт заимствован из народной культуры (корильные песни), прием наслаивания («послойного наложения красок») восходит к иконописи.

Ключевые слова: Н.С. Лесков, рассказ «Котин доилец и Платонида», цитата, реминисценция, реминисцентное поле, художественный образ

Благодарности: работа выполнена при поддержке внутреннего гранта РГПУ им. А.И. Герцена (проект № 54-ВГ).

Для цитирования: Федоровская П.А., Евдокимова О.В. Цитата и реминисценция в прозе Н.С. Лескова («Котин доилец и Платонида», 1867) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 12—19.

В науке о творчестве Н.С. Лескова установлено, что постоянное и активное введение «чужого текста» в «свой» является характерной чертой метода писателя¹. Рассказ «Котин доилец и Платонида» уже попадал в поле зрения

© Федоровская П.А., Евдокимова О.В., 2026

¹ Соотношению «своего» и «чужого» в прозе Лескова посвящены работы Б.М. Эйхенбаума («Чрезмерный писатель»: к 100-летию рождения Н.С. Лескова, 1945), О.Е. Майоровой («Божедомы»). Повесть лет временных. Рукописная редакция хроники «Соборяне», 1997), Т.В. Ивановой (Цитата-реминисценция в хронике Н.С. Лескова «Соборяне», 2001), Т.А. Ильяшенко (Библийские параллели в изображении смерти у Н.С. Лескова («Соборяне» и «На краю света», 2001), А.А. Федотовой (Гоголевские реминисценции в повести Н.С. Лескова «Гора», 2011), Е.С. Шкапы (Интертекстуальные связи в святочных рассказах Н.С. Лескова, 2017), Н.Н. Старыгиной («Библийский текст» рассказа «Христос в гостях у мужика» Н.С. Лескова, 2020), В.Г. Мехтиева (Лермонтовские цитаты и реминисценции в антигигиенистическом романе Н.С. Лескова «Некуда», 2022) и другие.

исследователей², однако, несмотря на большое количество трудов, вопрос о типах включений «чужого текста» в лесковский остается нерешенным. Это обусловлено, во-первых, противоречиями в понимании содержания таких терминов, как «реминисценция», «цитата», «аллюзия», во-вторых, большим количеством полисемантических «отсылок» даже в небольших рассказах Лескова.

В литературоведении не сложилось общее мнение ни о принципах разграничения цитаты и реминисценции, ни об иерархических отношениях между ними. Смешение терминов объясняется тем, что традиционно считается, цитата и реминисценция имеют одну общую функцию: «обогащение текста смыслами текста-источника» [Фоменко: 206]³. В нашем понимании различие между цитатой и реминисценцией заключается в том, как эти элементы текста воздействуют на память читателя: если цитата требует узнавания, то реминисценция пробуждает цепь воспоминаний. Кроме того, функции цитаты и реминисценции зависят от особенностей поэтики текста и автора.

В рассказе Лескова «Котин доилец и Платонида» количество разнообразных включений из других текстов исчисляется десятками. Часть из них была обозначена в примечаниях к тексту в собрании сочинений в 11 томах [Эйхенбаум: 500—501] и в комментариях в Полном собрании сочинений в 30 томах [Ильяшенко: 679—683]. Однако комментарий Б.М. Эйхенбаума только указывает на некоторые из включений, а в комментарии Т.А. Ильяшенко, более подробном, рассмотрены не все цитаты и реминисценции. Кроме того, комментарий здесь не имеет задачи объяснить функции присутствия тех или иных «отсылок».

В процессе анализа рассказа необходимо обратить внимание более чем на тридцать элементов «чужого текста», отсылающих к античной культуре, к ветхозаветной истории пророков, к русскому фольклору и обрядовой свадебной культуре (корильным и величальным песням), к русской и зарубежной литературам XVI—XIX вв. (к произведениям У. Шекспира, Д. Дефо, Ф. Шиллера, В.А. Жуковского, И.И. Козлова, Н.В. Гоголя). Среди них и маркированные, графически выделенные элементы текста (например, эпитафия или стихотворная строфа), прецедентные имена, и отсылки без какой-либо авторской атрибуции.

Если исходить из определения цитаты как графически маркированного элемента «чужого текста», то количество цитат в рассказе «Котин доилец и Платонида» будет крайне мало. Во многих случаях закавыченный текст здесь — это не цитаты из художественных произведений, а текст, акцентирующий внимание читателя на какой-то детали, авторском неологизме или устойчивом выражении («чин и крест», «выплакала очи», «провидущая») либо способ передачи прямой речи каких-либо персонажей: «Не отрицал и народ, что Константин Ионыч лжет, повторяя свое “не знаю, не ведаю”; но народ был уверен, что Пизонский лжет, покрывая чужой грех. Хорошо это или нехорошо, народ не строго разбирает и верит, что “есть ложь во спасение”» [Лесков 7: 42]. «Не знаю, не ведаю» — это слова Пизонского, а «есть ложь во спасение» — народное мнение, дословно повторенное автором. Подобные выражения не являются цитатами в традиционном смысле. Однако даже бесспорные случаи цитирования (эпитафия, стихотворные

---

² Стоит отметить работы В. Бенямина (Рассказчик. Размышления о творчестве Николая Лескова, 1936), Г.А. Шкуты (Фольклорные и древнерусские сюжеты и мотивы в творчестве Н.С. Лескова: мифопоэтический аспект, 2005), С.А. Скурдиной, В.В. Вязовской (Именованные юродивых в произведениях Ф.М. Достоевского и Н.С. Лескова, 2018), Т.Н. Усольцевой (Библейский текст в рассказе Н.С. Лескова «Котин доилец и Платонида», 2024).

³ Различие же между видами усматривают в их принадлежности к определенным уровням текста [Фоменко: 206]. С. П. Белокурова отмечает: цитата «принципиально узнаваема» и имеет маркировку (кавычки) и/или атрибуцию [Белокурова: 197].

фрагменты, библейские цитаты) в тексте Лескова имеют более широкую функцию, чем функция собственно цитаты.

Часто цитатами являются эпитафии, в рассказе Лескова он взят из шекспировского текста: *«Изломанная утварь / Разрушенного дома. Шекспир»* [Лесков 7: 7]. Лесков указывает автора, но не конкретное произведение, которому принадлежит фраза. Цель именно такого авторского атрибутирования «чужого текста» в данном случае в том и состоит, чтобы обратить читателя к имени Шекспира, к шекспировскому художественному миру, взятому в его идейно-эстетической сущности, а не только к определенной трагедии («Тимон Афинский» в переводе П. Вейнберга, 1864 г.). Приведенная цитата из Шекспира очерчивает одну из ключевых тем рассказа «Котин доилец и Платонида» — тему дома. Она же задает этой теме трагическое звучание: дом купца Деева, «не пошедшего к соединению с церковью» [Там же] и отстранившегося от всего Старого города, в финале терпит окончательный крах. Купец клеветает на сына и невестку, обвиняя в попытке отцеубийства, в результате чего Авенир отправляется солдатом на Кавказ, Платонида становится старицей, о дальнейшей судьбе Маркела Семеныча Деева даже не упоминается. И хотя Авенир выслуживает на Кавказе «чин и крест» и женится на генеральской дочери, это никак не поддерживает прежде славное имя Деевых: герой приезжает в родной город, чтобы повидаться только с невесткой-старицей, он строит собственную судьбу один, вдалеке от дома и рода. Судьба Платониды, ставшей старицей Иоилью, тоже говорит о распадении родовых связей: так противоречит ее изначальному облику, полному жизненной силы («белолицая красавица», «высокая молодая женщина с веселым румянцем и прямыми соболиными бровями» [Там же: 16—17]), образ согбенной странницы с «образочками» [Там же: 43] на месте ослепших глаз. В образе главного героя Константина Пизонского в первой части рассказа постоянно подчеркивается тема сиротства, оторванности от родного дома. Пизонский, изгнанный из семьи, становится «собственником и гражданином» [Лесков 7: 30], воспитывает племянниц, но его созидательное домостроительство не направлено на возвращение утраченного родового уклада.

Каждое слово эпитафии несет особую смысловую нагрузку: слово «дом», как уже говорилось, является ключевым. Слова «изломанный», «разрушенный» сообщают трагический пафос, передают излом, совершившийся в судьбе целого рода.

Если обратиться к контексту цитаты, тексту пьесы «Тимон Афинский», то станет понятно, что «утварью» слуга прежде знатного афинянина Тимона называет себя и других слуг дома, утративших всё после разорения своего господина. Вместе с величием старинного рода рушится и мир «маленьких героев», бывших прежде его частью. Знание пьесы «Тимон Афинский» позволит провести и другую параллель: тема противостояния человека и города, возведенная Шекспиром до трагических высот, — «своя» для рассказа Лескова, она оттеняет глубокое различие в образах Тимона и Пизонского. Один становится мизантропом и мечтает о мести Афинам, другой честным трудом и незлобивым нравом заслуживает любовь жителей всего Старого Города, сохраняя свою особость, обретает дом как мир между людьми. Образ Пизонского получает новое освещение в сопоставлении с шекспировским Тимоном, известным афинским мизантропом, но не в этом заключается цель Лескова.

Подчеркнем, что фрагмент «чужого текста», взятый в качестве эпитафии, благодаря авторской атрибуции выступает в первую очередь в роли реминисценции, функция которой заключается не столько в указании на конкретный текст, который нужно узнать, а в том, чтобы пробудить в сознании читателя цепь воспоминаний, ввести темы дома, рода, судьбы и предназначения человека, увековеченные именем Шекспира.

Цитатой в рассказе по оформлению является восклицание «Жено! вперед отпускаются ти вси грехи» [Лесков 7: 32]. Это обращение к Платониде оформлено кавычками и принадлежит некоему «суровому аскету», представляющемуся внутреннему взгляду рассказчика. Фигура аскета, который мог бы произнести такие слова, и сам слог цитаты вызывают воспоминание о библейском тексте. Характерно обращение в звательном падеже («Жено!»), аналогичное библейским «чадо», «Мати», «Отче». Характерны в этом отношении слова, напоминающие речь Христа расслабленному: «держай, чадо, прощаются ти греси твои» (Мф. 9:2), или кровоточивой: «жено, отпущена еси от недуга твоего» (Лк. 13:12). Однако точно такой фразы, какую приводит Лесков, в Евангелии нет, равно как и в других библейских текстах. Можно предположить, что в данном случае речь идет о так называемой «мистифицированной» цитате [Майорова: 59—66]. Однако трудно установить, намеренно ли Лесков искажает евангельский текст, или цитирует неточно по памяти, очевидно, что для писателя точность цитаты не имеет значения, а важен тот пласт воспоминаний, который рождает фраза у читателя. Такая «цитата» не должна быть соотнесена с конкретным фрагментом Евангелия, так как это и сцена исцеления кровоточивой, и исцеления расслабленного, и частое обращение Христа к человеку. Создание фразы, напоминающей библейский текст, имеет функцию — пробудить воспоминание о Христе, взывающем к человеку и исцеляющем его. У «чужих» слов функция не цитаты, а реминисценции, порождающей в памяти евангельский образ Христа.

Прямое цитирование стихотворения Шиллера (в переводе Жуковского) в тексте Лескова выделено графически, но не маркируется кавычками и не атрибутируется: «*Мертвый в гробе мирно спи, / Жизнью пользуйся живущий!*» [Лесков 7: 33]. Авторство не обозначено: строки стихотворения приписываются поэту в его родовом значении, человеку, одаренному поэтическим взглядом на мир, способному воспеть молодость и красоту героини (Платониды). В комментарии к рассказу Эйхенбаум, атрибутируя цитату из Шиллера в переводе Жуковского, указывает на ее неточность: «“Мертвый в гробе мирно спи” и т. д. — цитата (не вполне точная) из баллады Шиллера “Торжество победителей” в переводе Жуковского (“Спящий в гробе, мирно спи”» [Эйхенбаум: 501]. Отметим, «неточность» проявляется не только в лексической замене «спящий» на «мертвый», но и в изменении синтаксической структуры фразы. У Жуковского в строке «спящий в гробе, мирно спи; / Жизнью пользуйся, живущий!» «Спящий в гробе» и «живущий» — это обращения, которые требуют обособления. У Лескова эти слова входят в предложение как подлежащие, и фраза начинает звучать афористично, напоминающая о поэзии. «Чужой текст» у Лескова не предстает готовой формулой, имеющей определенное значение, а включается в «свой» как своеобразный «нервный узел» текста, вызывающий ряды воспоминаний, в данном случае — поэтические.

Образы лесковских героев строятся с ориентацией на образы героев различных текстов и создаются на пересечении разных реминисценций. Однако, несмотря на это многообразие, художественный образ у Лескова остается целостным, не распадающимся на составляющие. Так, образ главного героя Константина Пизонского (Котина) возникает на пересечении реминисценций, принадлежащих к удаленным друг от друга областям культуры. Герой дважды назван Робинзоном, живет на заброшенном острове и много и упорно трудится над его преображением. Наряду с этим герой сравнивается и с библейскими пророками (с Елисеем, Иоанном, Илией), с героем идиллии, с героем корильной свадебной песни, с героями романтических поэм. В свою очередь реминисцирование образа Робинзона

складывается из множества элементов, главный из которых — «остров», на котором поселяется герой. Покажем, как из многосоставности образуется целое.

Образ острова возникает в первом же предложении рассказа, из которого читатель узнает, что герой — «очень скромный человек, обработавший бесплодную почву ныне плодоносного городского острова» [Лесков 7: 7]. Закладывается дихотомия «бесплодный» — «плодоносный», характерная и для библейского текста, и для народной культуры, особенно для величальных и корильных песен, которые по своей функции антонимичны друг другу и строятся на противопоставлении «своего» и «чужого».

Второй раз «остров» упоминается в середине рассказа, в тринадцатой главе, когда горожане пускают Пизонского с сиротами «покормиться под мост на пустой остров» [Там же: 30], в «царство запустения, бурьяна, ужей и крапивы» [Там же: 31]. Рассказчик обстоятельно говорит о трудах героя по преобразованию острова: «В первый же год по получении в свою власть этого острова он поставил здесь хибарочку, выкопал землянку, окопал ровок и поставил воротцы» [Там же]. Характерно использование диминутивов, снижающих пафос сцены преобразования целого острова. Трепетное отношение Пизонского к мелким заботам ежедневного быта приравнивается к поэтическому вдохновению, оно подобно восторженному обожанию, с каким подходит к переписыванию бумаг знаменитый «маленький человек» Гоголя — Акакий Акакиевич (ср. у Лескова: «у него завелись лошадка и тележка, которую он, по любви к искусствам, каждую весну перекрашивал в новую краску» [Там же: 31], у Гоголя: «в этом переписыванье, ему виделся какой-то свой разнообразный и приятный мир. Наслаждение выражалось на лице его; некоторые буквы у него были фавориты» [Гоголь 3: 144]).

Пизонский строит «хибарочку» — так вместо темы «разрушенного дома», заявленной в эпиграфе, зарождается евангельская тема домостроительства. Герой ограждает свое пространство от остального мира «ровком» и «воротцами». Возникает близкий к идиллическому образ счастливого мира, восходящий к представлениям о рае. В этой же тринадцатой главе остров описывается как уже расцветший и преобразившийся: «На другой год пустынный остров был уже бакшою, давшею Пизонскому с сиротами и хлеб, и соль, и все, еже им на потребу. <...> В таком прелестном благополучии, в таком райском житье прошли для нашего Робинзона целые четыре года» [Лесков 7: 31].

Тональность в описании острова как «райского» места, полного «прелестного благополучия», созвучна тональности величальных фольклорных песен, основным художественным принципом которых является «принцип идеализации» [Круглов: 85]. Как отмечал А.Х. Гольденберг, «если персонаж величальной песни — “добрый молодец”, то у него длинные кудрявые волосы, белое, как снег, лицо, алые щеки, черные брови или усы и т. п.» [Гольденберг: 23]. Подобно тому, как в величаниях создается идеальный образ героя, формируется и образ благодатного места. Пизонский растит детей, разбивает бахчу, собирает богатый урожай — это подробное перечисление не только отсылает к жизни Робинзона Дефо на необитаемом острове, но и являет читателю идеальное устройство жизни человека, восхваляемое народной величальной поэзией: «Кто в этом дому: / Наделил бы вас господь / Ему рожь густа, / И житьем, и бытьем, / Рожь ужиниста, / И богатством!» [Круглов: 42]; «Вокруг города, круг Архангельского, Остров мой да зелен мой! Были ворота, трои широкие, Остров мой да зелен мой!» [Там же: 259].

Отметим, что в народной культуре «остров» является устойчивой мифологемой, для которой характерен особый хронотоп и «сакральная семантика» [Горничная: 151], связанная с зоной инициации, обрядом перехода. Действительно, «обустройство» Пизонского на острове становится этапом в его становлении и в признании героя в качестве «собственника и гражданина». С образом острова,

как отмечает Л.И. Горницкая, часто связан и сюжет «царевны в плену», преломлением которого можно считать финал рассказа: «не то женщина, не то, еще вернее, ведьма шибко пробежала по берегу и вдруг где-то исчезла. <...> утверждали, что они ясно видели, как она переплыла в рубашке речку и вышла на бакшу к Константину Пизонскому» [Лесков 7: 42].

Смысл «острова» не только как места деятельности героя-демиурга, каким является Робинзон, но и как места испытания выявляется, если рассматривать «остров» в ракурсе реминисценций к ветхозаветным текстам, а именно к истории пророков. Библейский пласт рассказа, а именно отсылки к истории пророков, рассмотрены в статье Т.Н. Усолицевой «Библейский текст в рассказе Н.С. Лескова “Котин доилец и Платонида”» (2024), в которой автор отмечает нравственно-философскую функцию присутствия библейских имен и сюжетов в рассказе Лескова.

Однако при рассмотрении библейских «отсылок» в ряду с другими реминисценциями (в частности, к Робинзону) оказывается, что ветхозаветный мотив изгнанничества пророка тесно связан с мотивом испытания и преображения героя.

В одиннадцатой главе произведения, еще не получив в свое распоряжение остров, Пизонский вспоминает историю пророка Илии, удалившегося в «степь безлюдную», где к нему прилетал ворон по божественному Промыслу. Герой сравнивает себя с ветхозаветным пророком, ведь и к Пизонскому «летает ... ворон Авенир, и печется ... белая лебедь Платонида Андревна» [Лесков 7: 25].

Пизонский отправляется на пустынный остров, и вскоре «царство запустения» уподобляется раю на земле [Там же: 30]. Называние острова «царством запустения» тоже является реминисценцией к библейской книге пророка Даниила (Дан. 9:27), в которой под «мерзостью запустения» подразумевается покинутое, оставленное святилище, в котором больше не приносятся жертвы во славу Бога.

Острову Пизонского (благодатному месту) противопоставлен город. В библейской истории часто город оказывается притеснителем, гонителем праведника: вефильские дети «вышли из города» и насмеялись над Елисеем (4 Цар. 2:23), прогоняя его от входа в языческий город, в который пророк направлялся; от нечестивого града уходит в пустыню и пророк Илия, скрываясь от преследований. Подобно этим пророкам, с которыми Пизонский сравнивается напрямую, герой «пройдя по всему городу», оказывается «за городской заставой», то есть праведником [Лесков 7: 12].

Таким образом, даже при рассмотрении только одного элемента («остров»), одной реминисценции («Робинзон»), обнаруживается, что реминисценции в рассказе образуют реминисцентное (памятное) поле — целостность, в которой отдельный элемент не реализует свои функции обособленно, а обретает свой образный смысл в единстве с другими реминисценциями.

Связь отдельного воспоминания и всей сферы памяти исследуется, например, в книге Ф.А. Йейтс «Искусство памяти», 1966. Применительно к творчеству Лескова эта связь отмечалась в работе О.В. Евдокимовой [Евдокимова].

В итоге проведенного анализа можно поставить вопрос о соотношениях художественного образа и образа памяти в текстах Лескова. Деятельность Пизонского осознается и демиургическим актом сотворения нового мира, и воплощением народного представления об идеальной жизни, и возвращением к изначальному райскому бытию. В русле каждой из реминисценций тематические элементы образа Пизонского контекстуализируются: одиночество (Робинзон, коримый в корильной песне, изгнанный пророк, бедный чиновник), праведничество (Робинзон, пророк, кроткий), творец нового мира (Робинзон, величаемый в народной песне жених, пророк) и так далее: лесковский праведник оказывается погружен в пространство памяти всей культуры.

Реминисцирование осуществляется и на уровне поэтики: прием нанизывания черт, заимствованный из народной культуры (а именно из корильных песен), использование сигнальных ключевых слов, которые являются знаковыми в различных культурных системах, выстраивание текста с ориентацией на устойчивые дихотомии, которые лежат в основе многих религиозных и фольклорных текстов, например, икон. Реминисценция в данном случае сообщает художественному образу качества образа памяти.

Список источников

- Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Повести. М.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 3. 728 с.
Лесков Н.С. Полное собрание сочинений: в 30 т. М.: ТЕРРА, 2000. Т. 7. 912 с.

Список литературы / References

- Белокурова С.П. Цитата // Словарь литературоведческих терминов. СПб.: Паритет, 2006. С. 197.
(Belokurova S.P. The Quote. *Dictionary of literary terms*, St. Petersburg, 2006, p. 197. — In Russ.)
- Гольденберг А.Х. Архетипы в поэтике Н.В. Гоголя: монография. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2007. 261 с.
(Gol'denberg A. Kh. Archetypes in N.V. Gogol's poetics: monograph, Volgograd, 2007, 261 p. — In Russ.)
- Горницкая Л.И. Мифологема острова в русской культурной традиции // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 4. С. 150—156.
(Gornitskaia L.I. The Mythologeme of the island in the russian cultural tradition, *Journal of historical, philological and cultural studies*, 2010, no. 4, pp. 150—156. — In Russ.)
- Евдокимова О.В. Поэтика памяти и авторская позиция в прозе Н.С. Лескова: «Детские годы (Из воспоминаний Меркула Праотцева)» // Автор и текст: сборник статей. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 1996. С. 288—305.
(Evdokimova O.V. Poetics of memory and the author's position in N.S. Leskov's prose: "Childhood years (From the memories of Merkula Praottsev)", *Author and text*, St. Petersburg, 1996, pp. 288—305. — In Russ.)
- Ильяшенко Т.А. Примечания. Котин доилец и Платонида // Лесков Н.С. Полное собрание сочинений: в 30 т. М.: ТЕРРА, 2000. Т. 7. Сочинения 1867—1869. С. 679—683.
(Il'iashenko T.A. Notes. Kotin the provider and Platonida, *Leskov N.S. Complete works: in 30 vols*, vol. 7, Moscow, 2000, pp. 679—683. — In Russ.)
- Круглов Ю.Г. Русские обрядовые песни: учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.». М.: Высш. шк., 1989. 320 с.
(Kruglov Yu.G. Russian Ritual Songs: A teaching guide for teacher training colleges specialising in Russian language and literature, Moscow, 1989, 320 p. — In Russ.)
- Майорова О.Е. «Непонятое» у Н.С. Лескова: о функции мистифицированных цитат // Новое литературное обозрение. 1993/94. № 6. С. 59—66.
(Maierova O.E. N.S. Leskov's "Incomprehensible": On the function of mystified quotes, *New literary observer*, 1993/94, no. 6, pp. 59—66. — In Russ.)
- Усольтцева Т.Н. Библейский текст в рассказе Н.С. Лескова «Котин доилец и Платонида» // Библия и русская литература: материалы научно-практической конференции, посвященной 85-летию филологического факультета Белорусского государственного университета. Минск: БГУ, 2024. С. 107—112.
(Usol'tseva T.N. The Biblical text in N.S. Leskov's short story "Kotin the provider and Platonida", *The Bible and Russian literature: materials of the scientific and practical conference dedicated to the 85th anniversary of the faculty of philology of the Belarusian state university*, Minsk, 2024, pp. 107—112. — In Russ.)
- Фоменко И.В. Реминисценция // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / под ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной: Intrada, 2008. С. 206—207.
(Fomenko I.V. The Reminiscence, *Poetics: Current terms and concepts dictionary*, ed. by N.D. Tamarchenko, Moscow, 2008, pp. 206—207. — In Russ.)

Эйхенбаум Б.М. Примечания. Котин доилец и Платонида // Лесков Н.С. Собрание сочинений: в 11 т. М.: ГИХЛ, 1956. Т. 1. С. 500—501.

(Eikhenbaum B.M. Notes. Kotin the provider and Platonida. *Leskov N.S. Complete works: in 11 vols*, Moscow, 1956, vol. 1, pp. 500—501. — In Russ.)

QUOTES AND REMINISCENCES IN NIKOLAY LESKOV'S PROSE ("KOTIN THE PROVIDER AND PLATONIDA", 1867)

Polina A. Fedorovskaya, Olga V. Evdokimova

The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, fedorovskaya_2001@bk.ru, odnodum8@mail.ru

Abstract. The article examines one of the essential problems in Nikolai Leskov's literary work studies: the aesthetic meaning of the relationship between "one's own" and "other's" (borrowed) words in the writer's texts. It has been established that all the "references" (including quotes) in "Kotin the Provider and Platonida" are endowed with the reminiscence functions. Leskov included 'borrowed text' into his story not as a quotation, but as a reminiscence capable of awakening a series of memories in readers' mind. The path of creating an image runs from single reminiscences to a reminiscence field (a united space of memory) and then to the image. Above thirty reminiscences going back to ancient culture, the Old Testament history of the prophets, to Russian folklore, to 16th—19th centuries literature have been revealed in "Kotin the Provider and Platonida". The article analyzes the reminiscence field's element ("Robinson" — "island") from the perspective of Konstantin Pison'sky's image (one of Leskov's "righteous men" characters). It is emphasized that the reminiscence field is also composed by the previous texts poetic techniques. In particular, the stringing traits technique is borrowed from folk culture (the teasers), the layering technique ("layer-by-layer paint application") goes back to icon painting.

Keywords: Nikolay Leskov, "Kotin the Provider and Platonida", quote, reminiscence, reminiscence field, image

Acknowledgments: the research was supported by an internal grant of the Herzen State Pedagogical University of Russia (project No. 54-VG).

For citation: Fedorovskaya P.A., Evdokimova O.V. Quotes and reminiscences in Nikolay Leskov's prose ("Kotin the Provider and Platonida", 1867), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 2, pp. 12—19.

Статья поступила в редакцию 11.05.2025; одобрена после рецензирования 13.06.2025; принята к публикации 16.03.2026.

The article was submitted 11.05.2025; approved after reviewing 13.06.2025; accepted for publication 16.03.2026.

Информация об авторах / Information about the authors

Федоровская Полина Александровна — учитель русского языка и литературы, средняя общеобразовательная школа № 222 «Петришуле», магистрант филологического факультета, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, fedorovskaya_2001@bk.ru

Fedorovskaya Polina Alexandrovna — teacher of Russian language and literature at secondary school № 222 "Petrischule", Graduate student of the Faculty of Philology, The Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russian Federation, fedorovskaya_2001@bk.ru

Евдокимова Ольга Владимировна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, odnodum8@mail.ru, SPIN: 7414-9829

Evdokimova Olga Vladimirovna — Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Russian literature, The Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russian Federation, odnodum8@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 20—28.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 2. P. 20—28.

Научная статья

УДК 821.161.1.09:82-14

EDN <https://elibrary.ru/bduhud>

DOI: 10.46726/И.2026.2.3

О СЕРИЙНОСТИ В СЛОВЕСНОМ ИСКУССТВЕ: КОНЦЕРТНАЯ ПРАКТИКА Е. ЕВТУШЕНКО

Виталий Александрович Гавриков

Shenzhen MSU-BIT University, г. Шэньчжэнь,

Китайская Народная Республика, yarosvettt@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается феномен серийности в словесном искусстве, прослеживается его развитие от древних ритуальных текстов до современных эстрадных выступлений. Указывается, что многократное воспроизведение и сценическая интерпретация художественного текста подчас приводят к его существенному смысловому обновлению. Сценическое, концертное бытование произведений — это относительно единая практика, которая объединяет авторов, работающих в разных «жанрах». Речь идет о практиках «эстрадных» писателей и поэтов, «театрализирующих» свой текст, это, например, такие авторы, как Е. Гришковец, М. Жванецкий, А. Вертинский, В. Высоцкий, М. Анчаров, А. Галич, М. Щербаков, В. Цой, А. Башлачев и т. д. Указывается, что «серийные словесники» мыслят циклами, то есть концертными исполнениями, для которых нужно отобрать материал и концептуализировать его. В центре работы — анализ концертных практик Евгения Евтушенко. Отмечается, что поэт мыслит микроциклами, концерт имеет межтекстовую логику, «зачин», «развитие действия» и концовку. Циклизация и контекстность выступления испытывают влияние неавторских «реплик» (в виде записок из зала), то есть «текст жизни» причудливо переплетается в концертной практике Евтушенко с «текстом творчества».

Ключевые слова: эстрадная поэзия, поэтический концерт, Евгений Евтушенко, серийность, интермедиаальный текст, цикл, микроцикл, циклизация, паратекст

Для цитирования: Гавриков В.А. О серийности в словесном искусстве: концертная практика Е. Евтушенко // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 20—28.

Серийность в словесном искусстве так же стара, как и само это искусство. Уже в эпоху синкретизма (дорефлексивного традиционализма) ритуальный текст представлял собой череду относительно стабильных, но каждый раз по-новому воспроизводимых речевых актов. Современное акционное искусство во многом наследует тому древнему ритуально-синкретическому тексту хотя бы по форме бытования — потому, что становится многократно воспроизводимым. Но если древний сказитель, как правило, не имел намерения «раскачать» текст, изменить его, дать ему новое смысловое звучание, то современный автор часто использует многообразные стратегии по трансформации как смысла, так и текста (в его семиотическом понимании). В музыкальной культуре, например, речь идет о производстве ремейков, ремиксов, каверов и т. д. Но такая установка на «расшатывание», изменение исходного текста есть не только черта музыкальной культуры (в частности, песенной поэзии), даже это не только черта в целом акционной поэзии — это особенность любого литературно-сценического действия.

Сразу оговоримся, что в настоящей статье я касаюсь только авторского семиотического комплекса, где авторским является и создание литературного «подстрочника», и его сценическое воплощение в виде чтения, декламации, пения. Проще говоря, меня интересует та часть словесного искусства, где перед нами не только авторская поэтическая интенция, но и исполнительская интенция. Как мы увидим, обе эти стороны текстопорождения — смыслообразующи и напрямую связаны с нынешними культурными установками на «интермедиализацию», «разыгрывание» художественного текста: «Закономерна ориентация современного искусства на телесность, жестуальность» [Тюленева: 25].

Словесно-акционная культура живет по другим правилам. Рискну здесь сформулировать главное из них: каждый интермедiallyно-словесный текст (синтетический, синкретический, креолизованный, поликодовый, полисемиотический... — названий много) разворачивается в череде исполнительско-интерпретационных актов, которые меняют и текст, и контекст. Такие «эстрадные», «театрализирующие» свой текст авторы, как Гришковец, Жванецкий, Вертинский, Высоцкий, Анчаров, Галич, Михаил Щербаков, Цой, Башлачев и т. д. мыслят циклами, то есть концертными исполнениями, для которых нужно отобрать материал и концептуализировать его. То есть, повторю, создать циклический контекст. И главной единицей серийной словесности оказывается не произведение (как в «обычной» поэзии), а цикл: эстрадный концерт, студийная запись, домашний концерт, даже какой-нибудь, допустим, «бутлег» (неавторская подборка) и т. д. Почти всегда фонограмма произведения встроена в тот или иной цикл! Это колоссально увеличивает воспроизводимость (а значит, текстуальную, смысловую подвижность) каждого конкретного произведения. Это не «законсервированный в буквах» книжный текст, а звуковое явление, многократно повторяемое.

Итак, что же такое серийность? В моей терминологической огласовке это не просто постоянное воспроизведение некоего художественно-словесного текста, а его смысловое обновление. Причин такого «содержательного» обновления — масса: от имманентных (нельзя спеть песню точь-в-точь как в прошлый раз, каждое исполнение физически уникально) до интенциональных. То есть серийность есть антоним воспроизводимости, тиражирования, если под двумя последними понимать техническое копирование. В 1936 году В. Беньямин пишет эссе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости». Он отмечает: «Произведение искусства в принципе всегда поддавалось воспроизведению. <...> Подобным копированием занимались ученики для совершенствования мастерства, мастера — для более широкого распространения своих произведений, наконец третьи лица с целью наживы. По сравнению с этой деятельностью техническое репродуцирование произведения искусства представляет собой новое явление, которое, пусть и не непрерывно, а разделенными большими временными интервалами рывками, приобретает все большее историческое значение» [Беньямин: 17]. Мыслитель много рассуждает о подлинности, подходя к произведению чуть ли не с постмодернистских позиций: в тиражных искусствах, типа фотографии или кино, понятие подлинности купируется: с некоего образца можно сделать бесконечное множество не отличимых от него копий. Но, как мы видим, эпоха технической воспроизводимости создает не только новые возможности по копированию произведения, но и новые возможности по его реинтерпретации.

Серийная словесность состоит как минимум из четырех течений (авторские моноспектакли, песенная поэзия, эстрадная поэзия, видеопозэзия). Но можно задействовать и другие типы акционных произведений. Главное для меня, повторю, серийность физической экспликации некоего произведения, то есть его постоянные

исполнения, в которых и рождается рассматриваемая здесь инвариативность (реинтерпретационность). В небольшой статье, разумеется, невозможно разобрать художественные практики множества серийных поэтов. Скажу лишь, что на материале песенной поэзии такие исследования уже проведены. Более всего повезло рок-альбомам, контекстуальному анализу которых посвящено достаточно много научных исследований. Концертные практики «бардов» и «рокеров» исследованы заметно меньше, но и здесь есть единичные работы. Это прозвучит, конечно, нескромно, но, видимо, сейчас есть лишь одно крупное исследование этой темы — моя монография 2016 года «Циклизация и контекстность в поэзии Владимира Высоцкого», где я разбираю концерты поэта в единстве места исполнения, времени, исследую особенности поэтических текстов, их микроциклизацию, а также межпесенные комментарии, доказывая, что перед нами каждый раз выстраиваемый согласно инвариантному замыслу концептуальный цикл с элементами импровизации.

В настоящей статье я хочу хотя бы начать разговор о той же самой заранее заданной концептуализации и ее «взаимоотношениях» с импровизацией на материалах эстрадной поэзии. Конечно, всегда остается риск упустить какие-то научные исследования, но поиск по разным базам научных данных не дал результатов: я так и не смог найти ни одного труда, где рассматривалась бы концертная концептуализация, циклизация в эстрадной поэзии на материалах конкретного эстрадного выступления таких авторов, как Ахмадулина, Вознесенский, Евтушенко, Рождественский. Главная гипотеза настоящей статьи заключается в том, что циклообразующие и концептуализирующие практики поющих поэтов максимально схожи с аналогичными практиками поэтов эстрадных. Подступить к решению этого вопроса я хочу, рассмотрев поэтический концерт Евгения Евтушенко. Это выступление 1979 года в концертной студии Останкино (к сожалению, точной даты мне так и не удалось найти, запись в Интернете растрожирована на множестве видеоплощадок).

Начинается видеозапись еще из гримерки: поэт ходит задумчивый, потом берет целую кипу записных книжек, бумаг, они выпадают, он их подхватывает и с этой внушительной и разношерстной грудой выходит на сцену. Уже в самой этой неуклюжести как бы заложена мысль о спонтанности всего происходящего. Поприветствовав публику, поэт говорит: «Сегодня бы мне хотелось вместе с вами пройти взглядом по моей — уже, к сожалению, двадцатисемилетней — работе в поэзии. Хотелось бы почитать совсем разные стихи». Обратим внимание на этот маркер, который мне сразу «бросился в глаза», — фразу: «с вами». И это не просто дань вежливости, это указание на сопричастность публики к выстраиванию разворачивающегося действия. Эту причастность поэт со всей очевидностью обнажает в следующих словах: «Честно говоря, у меня даже нет какой-то определенной, строго выстроенной программы. И не бойтесь, пожалуйста, я все это не собираюсь сегодня обрушивать на ваши ни в чем не повинные головы». На фразе «все это» Евтушенко показывает руками на ту хаотичную кучу книжек и листов, что покоится на столике возле артиста. То есть поэт как бы говорит: я взял с собой много материала для того, чтобы была возможность выбрать из него то, что вам будет угодно.

В этом жесте, в этой огромной поэтической «куче», на мой взгляд, кроется важное послание публике, Евтушенко как бы говорит: мне есть что выбрать, я опытный поэт, у меня длинный творческий путь, я уже, можно сказать, патриарх... Фраза о двадцати семи годах в поэзии не требует комментариев. То есть огромную и неряшливую «кучу» листов и книг можно воспринимать как сценический жест (в широком смысле), который встроен в череду других, организующих

пространство концерта. Вообще на сцене Евтушенко многое делает демонстративно. Вот лишь один пример. 28 ноября 1982 года был вечер в ЦДЛ, посвященный сборнику «День поэзии 1982». Авторы сборника читали свои произведения. Это событие вспоминает известный советский поэт А.В. Жигулин: «Женя Евтушенко, сидя рядом со мною за столом, при выступлениях первых трех поэтов демонстративно читал-листал какую-то рукопись. Но когда меня объявили, он рукопись оставил. Потом выразил мне одобрение — люблю, мол, твои стихи про японца и махорку» [Колобов: 109]. Комментарии к этому нарочитому «сценическому жесту» излишни.

Но вернемся к записи 1979 года. Мне кажется, поэт лукавит, когда говорит, что у него нет никакого предварительного замысла: трудно себе представить, чтобы он такую солидную для его поэтической карьеры запись хотя бы частично не «срежиссировал» заранее. Скорее речь идет об имитации свободной беседы — перед нами как бы уход от официоза, задушевный разговор «со своими». Есть и второй важный момент. Евтушенко понимал, что репутация «придворного поэта» может закрыть перед ним многие двери, в том числе и за рубежом. Известно, например, что он хотел стать членом международного ПЕН-клуба... Так что важно было создать образ искреннего человека, не боящегося (в случае чего) сказать правду. То есть для «балансировки» иногда требовалась и умеренная критика СССР, опять же работающая на такую сценическую «сему», как искренность: «В свои первые непродолжительные заезды в США Евтушенко неизменно зачитывал нелицеприятные зарисовки русской жизни советского периода, которые воспринимались весьма толерантно дома, поскольку и “бунт” его всегда был направлен не на разрушение, а на упрочение социальных и духовных ценностей социализма, певцом которого он себя ощущал и которому честно служил» [Соколов: 101].

О том, что первоначальный замысел все же есть, свидетельствует следующая реплика, в которой Евтушенко несколько сужает вариативность своего цикла, говоря: «Мне хотелось бы почитать стихи разного характера». Потом поэт рассуждает о широте своей тематической палитры (стихи о любви, «публицистика» и т. д.). Далее следует очевидная «домашняя заготовка»: Евтушенко рассуждает о роли детства в жизни человека, то есть как бы исходит от истоков, тем самым приравнивая текст концерта к тексту бытия. Перефразируя известную песню, можно сказать, что концерт, по Евтушенко, «это маленькая жизнь». И действительно уже ближе к концу проявятся темы смерти и бессмертия (то есть «советского бессмертия», понимаемого как память поколений).

Евтушенко начинает с двух автобиографических произведений о своей малой Родине и детстве. Вначале звучит отрывок «По ягоды» из поэмы «Станция Зима», затем стихотворение «О, свадьбы в дни военные...». Все, вступление окончено. Поэт говорит: «Ну а теперь давайте посмотрим записки» (два вступительных текста даны в том числе и для того, чтобы люди успели что-нибудь написать). На первый вопрос об известности ответ короткий — не хочет артист рассуждать об этом. Второй вопрос о молодых поэтах. Евтушенко говорит, что не хотел бы, чтобы такой вопрос был задан, но раз уже он прозвучал... «Технический уровень стихов вырос, а вот духовный — упал», — указывает артист. Потом говорит об «усредненном, среднеарифметическом стиле», который царствует в стихах молодых поэтов. Ну и далее критикует молодежь примерно в том же духе.

Звучит стихотворение «Окно выходит в белые деревья...»: о профессоре, от которого ушла жена, вероятно, потому, что ходит профессор «в костюме и немодном, и неновом» — то есть стареет и, если так можно выразиться, устареваает в своих взглядах. Уж не потому ли кончился этот брак, что жена профессора молода?

Уж не намек ли это на гонящуюся за всем модным и шикарным молодежь, мыслящую легковесно? В сопряжении с прозвучавшей выше критикой стихотворение приобретает оттенок некоторой инвективности. Но главное: на него, возможно, навел артиста этот вопрос о юных поэтах и ответ, в котором недвусмысленно звучит мысль о конфликте поколений. И вот тут можно говорить об элементе импровизационности.

Потом, видимо, по ассоциации с предыдущей темой Евтушенко выходит к лирическим рассуждениям о размолвке с другом: «Со мною вот что происходит...». Но важнее то, что в этом стихотворении есть строки:

Со мною вот что происходит:
совсем не та ко мне приходит,
мне руки на плечи кладет
и у другой меня крадет.
А той —
скажите, бога ради,
кому на плечи руки класть?
Та,
у которой я украден,
в отместку тоже станет красть.

Снова тема измены и неразделенной любви. И снова диптих, уже второй на этом концерте. Навел ли на него вопрос о молодых поэтах? Может быть, но это не ясно наверняка. Зато ясно, что вопрос инспирирует появление следующего произведения, пятого по счету. Евтушенко говорит: «Со мной сейчас произошла какая-то странная вещь: я отругал сначала молодых поэтов и читал вам стихи. А вот какая-то часть моей души жила мыслью, не совпадавшей... Ну что же это я их так жестоко обидел. Может, это им полезно будет... Но все-таки я хотел вам сказать: есть молодые поэты, на которых я надеюсь». Потом называет некоторые имена, указывает на то, что его критическая оценка может быть связана и с незнанием талантливых молодых авторов. А далее говорит, что следующее стихотворение «как раз об ожидании этого нового замечательного мальчика и юноши, который придет когда-нибудь и скажет все те новые и сильные слова, так необходимые нашей Родине и всему человечеству» (звучит произведение «Зависть»).

Завидую я.
Этого секрета
не раскрывал я раньше никому.
Я знаю, что живет мальчишка где-то,
и очень я завидую ему.
Завидую тому,
как он смеется, —
я так смеяться в детстве не умел.
Завидую тому,
как он дерется, —
я не был так бесхитростен и смел.
Он вечно ходит в ссадинах и шишках, —
я был всегда причесанней, целей.
(Это теперь смешно звучит.)
Все те места, что пропускал я в книжках,
он не пропустит.
Он и тут сильней.

Особенно важны для меня последние слова фрагмента — о книжках: вот оно, покаяние за напрасную критику «племени молодого, незнакомого». То есть

мы видим, что реплики из зала задали тональность выступления, навели на мысли, разбередили душу Евтушенко. А еще в этом метании «между полюсами» очень ярко проявляется противоречивость человека: сейчас он такой, через минуту — иной. И все это отливается в форму творческого акта с его главной циклообразующей установкой у Евтушенко — установкой на импровизацию, на живой диалог, на искренность.

Причем импровизация не только в выборе стихов и в паратекстах (межпесенных комментариях): изменен и текст произведения, пусть добавлена лишь строка, но какая (она дана в цитате в скобках)! Данная интерполяция как бы уничтожает высокий пафос этого произведения, добавляет в него чужеродный элемент — шутку. Дело в том, что Евтушенко коротко острижен, почти налысо. Он начинает концерт именно с иронии по поводу своей новой внешности, которой он обязан съемкам фильма, где играет роль лысого Циолковского. Кстати, вставки таких «жизненных» комментариев — лишних строк — частый прием у Евтушенко, особенно у позднего.

Подобные фрагменты оживляют диалог со зрителем. Мы знаем, что усредненная публика не очень хорошо воспринимает сложную поэтическую речь и ее, эту речь, нужно чем-то разбавлять, желательнее шуткой. То же самое в точности делает и Высоцкий, который обычно чередует одну серьезную, трудную для восприятия песню с несколькими более легкими. Ну и активно шутит со сцены в межпесенных паузах. То есть Евтушенко понимает, что эстрадный концерт должен быть разнообразным, в чем-то развлекательным, рассчитанным на широкую публику: «В сущности, Евтушенко был эдаким предтечей современных блогеров. Он также старался высказываться напрямую, обращался к аудитории не слишком взыскательной в художественном отношении, но желающей вести диалог о серьезных социальных проблемах» [Гринфельд: 127].

Закончив читать стихотворение «Зависть», поэт надолго умолкает. Как говорится, невооруженным глазом видно, что он размышляет, прикидывает, что бы еще прочесть. Потом говорит: «Вот тоже стихотворение того периода». Снова перед нами образуется диптих, уже третий! На сей раз он связан хронологически. Но и не только: звучит произведение «Карьера», где тот же пафос, что и в предыдущем стихотворении: пафос обновления себя и мира, пафос смелости и дерзновения.

Далее продолжают перемежаться стихи и ответы на записки... А завершают все два произведения: отрывок из поэмы «Казанский университет» и стихотворение «Я часто спутывался с ложью...». Второе анонсируется так: «о самом дорогом для нас» (имеется в виду Родина). Что же значит эта сцепка? Все просто: диптих замыкает цикл, и замыкается он на «официальной ноте». В первой части диптиха возникает образ «старой плохой» России, то есть царской, где все поголовно пьяны, где поправа мораль. Между тем царская Россия с ее обществами трезвости и введением «сухого закона» в 1914 году была не просто не пьяной, а, наоборот, позднее правление Николая Второго — самый трезвый период в нашей истории. Причем сухой закон он вводил не по-горбачевски, неумело и необдуманно, а постепенно, год за годом приучая людей к трезвости...

Правда, Евтушенко мог поднять современную проблему, для прикрытия облачив ее в «исторические одежды». Как отмечается в открытых источниках, в нашей стране с 1960 по 1979 годы продажи алкоголя выросли в четыре раза. А ведь концерт проходит именно в 1979 году! Нет ли здесь скрытого подтекста? Может, произведение, как пел Высоцкий, «про нас про всех»? А вовсе не про царя...

На контрасте с предыдущим звучит последнее стихотворение «Я часто спутывался с ложью...» — это пафосная точка ситуативного цикла, видимо, заготовленная заранее:

Я часто спутывался с ложью,
но, если, чистое тая,
хранил в ладонях искру божью,
то это — Родина моя.
Без славы жить небезнадежно,
но если все-таки, друзья,
жить без чего-то невозможно,
то это — Родина моя.

И далее в том же духе. Это необходимое «публицистическое» завершение концерта — маркер лояльности. Публицистическая направленность творчества Евтушенко общеизвестна. Это подтверждают множественные выступления на разных площадках. Возьмем, к примеру, мексиканское турне поэта. Вот что происходило на поэтическом концерте 10 марта 1968 года, Евтушенко выступил в амфитеатре им. Хувентино Росаса в рамках программы «Поэзия в Чапультепек»: «Тот вечер записывался на аудио пленку, и в Интернете доступны некоторые стихотворения в исполнении автора и мексиканского актера Игнасио Лопеса Тарсо. Этот источник позволяет установить, что Евтушенко предпочел острополитические сюжеты, прочитав, среди прочего, “Бабий Яр”, “Западные кинопечатления” и “Под кожей статуи свободы”» [Буйнова: 80].

Кстати, несмотря на обязательность такого идеологического завершения, здесь мы тоже, возможно, имеем дело с вариативностью. Ведь «на роль» финала могло быть выбрано любое из множества публицистических произведений поэта. Однако среди вопросов в записках была такая, где спрашивалось: всегда ли Евтушенко в жизни соответствует тем высоким идеалам, которые воспевает в своих стихах. Поэт признался, что не всегда. Может быть, это «Я часто спутывался с ложью...» есть продолжение ответа на ту записку? Только уже стихотворное продолжение, а не паратекстовое?

Предполагаю, что поэт свое статусное выступление на одной из главных площадок Москвы не мог закончить какой-нибудь там лирикой о профессоре, от которого ушла жена. Это чувствовалось по всему складу концерта, где, наверное, треть вещей была если не «партийной», то отчетливо советской направленности: о плохих царях и прочих «мракобесах», а также о человеке, по-коммунистически преодолевающем все на пути к «светлому будущему». Итоговый текст — это сильная позиция. Последняя реплика, как говорил Штирлиц, всегда запоминается. Однако Евтушенко все же не скатывается к откровенному «плакату», все-таки держит дистанцию с «партийной повесткой», то есть себя не «под Лениным чистит», а «под Родиной».

Все сказанное наводит на важные выводы: Евтушенко, по крайней мере в рассмотренном концерте, мыслит микроциклами, делает сцепки из двух-трех произведений. Свойственна ему и циклообразующая интенция: концерт явно имеет межтекстовую логику, сегментацию, а также свой «зачин», концовку. И все это преломляется через неавторскую интенцию, а значит, контекстность Евтушенко — во многом не авторская, то есть испытывает влияние Другого, а также влияние «текста жизни», референции.

Понятно, что многократные упражнения в таких импровизационных практиках серьезно обогащают не только сценическое поведение, но и влияют на творчество, на развертывание и «смысловое наполнение» тех или иных

текстов. Конечно, при обращении к эстрадным поэтам нужно работать с длинной летописью концертов, чтобы понять, насколько сильна была установка на трансформацию смыслов. То, что я отчетливо зафиксирую на материалах песенной поэзии, здесь оставляю в виде версии. Но одно ясно: для Евтушенко циклообразующая импровизационность была важной составляющей его концертной практики. Ранее проведенные мною исследования концертов Высоцкого, Башлачева приводят, в целом, к тем же выводам: импровизация у поющих поэтов проявляется, по сути, в тех же формах. Ограниченные рамки научной статьи не позволяют мне провести эти аналогии более развернуто, но уже сейчас для меня очевидно, что сценическое, концертное бытование произведений — это относительно единая практика, которая объединяет авторов, работающих в разных родах литературы, в разных направлениях, в разных жанрах.

Список литературы / References

- Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: избранные эссе. Москва: Медиум, 1996. 239 с.
(Benjamin V. The work of art in the age of technical reproduction: Selected essays, Moscow, 1996, 239 p. — In Russ.)
- Буйнова К.Р. Латиноамериканское турне Евгения Евтушенко (1968 г.) Мексика. «Победа была полной» // Латинская Америка. 2025. № 5. С. 77—101.
(Buinova K.R. Yevgeny Yevtushenko's Latin American Tour (1968) Mexico. "Victory Was Complete", *Latin America*, 2025, no. 5, pp. 77—101. — In Russ.)
- Гринфельд (Соболь) В.А. Публицистика в поэтическом измерении. Случай Евтушенко // Современные СМИ в контексте информационных технологий: сб. научных трудов VII Всероссийской научно-практической конференции. СПб., 2022. С. 125—129.
(Grinfeld (Sobol) V.A. Publicism in the poetic dimension. The case of Yevtushenko, *Contemporary Media in the Context of Information Technology. Collection of Scientific Papers of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference*, St. Petersburg, 2022, pp. 125—129. — In Russ.)
- Колобов В.В. Из поколения «шестидесятников» (дневниковые записи А.В. Жигулина о Е.А. Евтушенко) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2016. № 4. С. 107—111.
(Kolobov V.V. From the Generation of the "Sixties" (A.V. Zhigulin's Diary Entries about E.A. Yevtushenko), *Bulletin of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 2016, no. 4, pp. 107—111. — In Russ.)
- Соколов В.А. Американские опыты поэтической журналистики: Евгений Евтушенко в США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2018. № 3 (579). С. 100—106.
(Sokolov V.A. American Experiments in Poetic Journalism: Yevgeny Yevtushenko in the USA, *USA and Canada: Economics, Politics, Culture*, 2018, no. 3 (579), pp. 100—106. — In Russ.)
- Тюленева Е.М. Постструктуралистские теории как источник концепции «пустого знака»: версия Жюль Делеза // Филологос. 2010. № 3—4 (7). С. 20—27.
(Tyuleneva E.M. Poststructuralist Theories as a Source for the Concept of the "Empty Sign": Gilles Deleuze's Version, *Filologos*, 2010, no. 3—4 (7), pp. 20—27. — In Russ.)

ON SERIALITY IN VERBAL ART: THE CONCERT PRACTICE OF E. YEVTUSHENKO

Vitaliy A. Gavrikov

Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, People's Republic of China, yarosvettt@mail.ru

Abstract. This article examines the phenomenon of seriality in verbal art, tracing the development of performative literature from ancient ritual texts to contemporary pop performances. Repeated reproduction and stage interpretation of a literary text sometimes lead to a significant

renewal of the work's meaning. The author demonstrates that all poets and writers performing on stage work within a single algorithm. A work in a pop adaptation, by its very nature, differs from a traditional text of “paper culture”. There are numerous approaches to theatricalizing literary text: one-man shows, song poetry, pop poetry, etc. Representatives of this performative verbal culture include the following authors: E. Grishkovets, M. Zhvanetsky, A. Vertinsky, V. Vysotsky, M. Ancharov, A. Galich, M. Shcherbakov, V. Tsoi, A. Bashlachev, and others. “Pop” and “action” poets create specific cycles, primarily concert performances. The author selects a series of works for stage performance and arranges them in a specific order, thereby executing a cycle and conceptualization. This research article focuses on the concert practices of the “pop” poet Yevgeny Yevtushenko. His poetry recitals have a strict semantic logic: “beginning”, “development of the action”, and ending. At the same time, improvisation is also important to Yevtushenko. He responds to notes from the audience, answers questions, and sometimes uses poems as responses. Yevtushenko blends the “text of life” with the “text of creativity”, creating an atmosphere of dialogue with the audience. Thus, Yevtushenko's concerts are an interplay of two factors: the original concept and improvisation.

Keywords: pop poetry, poetry concert, Yevgeny Yevtushenko, seriality, intermedial text, cycle, microcycle, cyclization, paratext

For citation: Gavrikov V.A. On seriality in verbal art: the concert practice of E. Yevtushenko, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 2, pp. 20—28.

Статья поступила в редакцию 07.10.2025; одобрена после рецензирования 12.11.2025; принята к публикации 16.03.2026.

The article was submitted 07.10.2025; approved after reviewing 12.11.2025; accepted for publication 16.03.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Гавриков Виталий Александрович — доктор филологических наук, доцент филологического факультета, Университет МГУ-ППИ, г. Шэньчжэнь, Китайская Народная Республика, yarosvettt@mail.ru, SPIN: 8336-0340

Gavrikov Vitaliy Aleksandrovich — Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of philology, MSU-BIT University, Shenzhen, People's Republic of China, yarosvettt@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 29—34.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 2. P. 29—34.

Научная статья

УДК 821.111.09:82.0

EDN <https://elibrary.ru/buyczd>

DOI: 10.46726/H.2026.2.4

СПЕЦИФИКА ЖАНРА ДИАЛОГА В ТВОРЧЕСТВЕ ОСКАРА УАЙЛЬДА

Павел Дмитриевич Пластинин

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,

г. Санкт-Петербург, Россия, pashenka.plastinin@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются два критических эссе Оскара Уайльда — «Критик как художник» и «Упадок лжи», входящие в его авторский сборник «Замыслы», изданный в 1891 году, в период наиболее активной творческой деятельности автора. Оба эти текста выполнены в жанре философского диалога и являют собой квинтэссенцию эстетических исканий Оскара Уайльда и манифестацию его эстетического мировоззрения, утверждающего примат формы над содержанием и отрицающего автоматизм в суждениях, их нарочитую серьёзность. Произведена попытка прояснения особенностей интерпретации английским писателем классического философского жанра в указанных эссе с учётом специфики их композиции и фабулы. Исследование ведётся с точки зрения жанрового подхода к литературному материалу. Автор статьи приходит к выводу, что классический философский диалог в уайльдовском исполнении под воздействием его эстетического мировоззрения, иронического остранения от «серьёзности» рассуждений и тяготения к драматизации художественного произведения вне зависимости от рода и жанра превращается в эстетический диалог, авторское жанровое построение, сочетающее в себе элементы драматического и эссеистского произведения. Автор полагает, что именно эстетический диалог во многом образует уайльдовскую поэтику и имеет большое влияние на его художественные произведения, в том числе роман «Портрет Дориана Грея» и сказки.

Ключевые слова: Оскар Уайльд, эстетизм, романтизм, английская литература, декаданс

Для цитирования: Пластинин П.Д. Специфика жанра диалога в творчестве Оскара Уайльда // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 29—34.

Как известно, начиная уже с эпохи романтизма, традиционная система жанров была разрушена и произведение, подчинённое заданному канону, перестало быть центральным «героем» литературного процесса. Вместо него им стал создатель, а центральной категорией поэтики — автор. Фридрих Шлегель утверждал, что каждое поэтическое произведение есть само по себе особый жанр. Однако так называемое внежанровое состояние литературы не означает отсутствие внутренней жанровой установки, опирающейся на память жанра. С этим связана актуальность вопроса об изучении индивидуальных жанровых систем, обусловленных эстетическим мировоззрением того или иного писателя.

Один из наиболее выразительных примеров индивидуальной авторской системы жанров мы находим в творчестве английского писателя, главного лица английского эстетизма Оскара Уайльда. За свою относительно короткую карьеру

© Пластинин П.Д., 2026

литератора, продолжавшуюся около пятнадцати лет, Уайльд писал лирические стихи, поэмы, стихотворения в прозе, рассказы, новеллы и прозаические миниатюры, салонные комедии, драмы и трагедии. Особое место в его творческом наследии занимает критическая проза. Четыре наиболее известных и хорошо изученных текста — «Упадок лжи», «Перо, полотно и отравка», «Критик как художник» и «Истина о масках» — нашли своё место в книге «Замыслы» (1891). Написанные в конце 1880-х — начале 1890-х годов, они, с одной стороны, подводят итог долгим эстетическим исканиям автора, с другой же — ставят перед читателем ряд вопросов о сущности искусства.

Традиционно тексты Оскара Уайльда в научной литературе, а также в массовых изданиях принято определять как эссе. С нашей точки зрения, жанровая природа этих текстов должна быть выяснена более конкретно.

Уайльд продолжает традиции эстетической критики, заложенные его учителями-эстетами Уолтером Пейтером и Джоном Рёскином, на которых Уайльд то и дело ссылается в своих произведениях, а также другими важными для него деятелями искусства, которые сочетали практику творчества с его теоретическим осмыслением (среди них Данте Габриэль Россетти, Томас Браунинг и Шарль Бодлер). Как критические эссе определял эти тексты и сам Уайльд (например, в конце текста «Истина о масках»).

Уайльд любил давать поясняющие подзаголовки и авторские жанровые определения. Так, «Кентервильское привидение» названо «романтической историей, где материальное тесно сплетается с духовным»; «Преступление лорда Артура Сэвила» — «Размышление о чувстве долга»; «Сфинкс без загадки» — «Офорт»; «Натурщик-миллионер» — «Дань восхищения». Имеются подобные подзаголовки и у текстов из «Замыслов»: «Упадок лжи» назван «Диалогом», «Перо, полотно и отравка» — «Этюдом в зелёных тонах», а «Истина о масках» — «Заметками об иллюзии».

Доминирующей жанровой формой в книге «Замыслы» является диалог. Одно из эссе — «Упадок лжи», как было сказано выше, имеет соответствующий жанровый подзаголовок, а жанр другого текста «Критик как художник» угадывается в силу формального сходства и контекстуальной близости.

Мы предпримем попытку посмотреть на уайльдовский диалог как на специфический авторский жанр, вернее, как на авторскую интерпретацию давно известной жанровой формы, имеющую непосредственное отношение к его эстетическому мировоззрению.

У Уайльда классический философский жанр, возведённый в абсолют его кумиром Платоном, сплавляется с драмой. В «Словаре литературоведческих терминов» под редакцией Л.И. Тимофеева и С.В. Тураева мы можем прочесть, что диалог как жанр «отличается от эпического произведения отсутствием сопроводительного текста, а от драмы — отсутствием системы действия» [Словарь...: 67]. Оба уайльдовских диалога содержат такие формальные драматические элементы, как афиши и ремарки, оформленные по всем правилам драматического текста. Присутствует и своеобразное развитие действия: герои прерываются на обед, строят планы на ближайшее время. Скажем, в эссе «Критик как художник» диалог завершается, так как наступает рассвет, и герои отправляются в Ковент-Гарден полюбоваться розами. В том же тексте один из героев, эстет Джилберт, фактически оказывается принуждённым к диалогу своим собеседником Эрнестом, что можно назвать своего рода внутренним конфликтом этой пьесы-диалога.

Исследователи творчества Оскара Уайльда, в частности А.А. Тетельман в своей диссертации «Взаимодействие жанров в творчестве Оскара Уайльда»,

выделяют черты, свойственные всему наследию британского писателя вне зависимости от выбранного жанра. В их числе — стремление к диалогизации текста, превалирование драматического начала над эпическим и лирическим [Тетельман: 6]. В основе подавляющего большинства уайльдовских прозаических текстов — диалог (либо полилог), насыщенный идеологически. Диалоги становятся сценообразующими не только в критических эссе, которые мы можем отнести к этому жанру, но и в некоторых сказках (например, в «Преданном друге») и рассказах («Сфинкс без загадки»). Высшим воплощением диалогизации становится роман «Портрет Дориана Грея», который мы вполне могли бы назвать эссеистическим романом. Многие сцены этого произведения (в частности, вступительный эпизод в мастерской Бэзила Холлуорда) строятся на диалогах между героями, притом один из них, как правило, является проводником эстетических взглядов самого Уайльда, а другой — либо противником его идеологии, которого эстетугедонисту предстоит просветить, либо своего рода *tabula rasa* — потенциальным единомышленником, которого предстоит наставить.

Элементы диалогизации мы находим и в тексте, наиболее близком к классическому пониманию критического эссе, в «Истине о масках». М.А. Козырева и М.Р. Заботина в статье «Художественное своеобразие эссеистики О. Уайльда» отмечают, что «эссе написано как своеобразный ответ некоему лорду Литтону, с которым Уайльд ведет заочную полемику на протяжении всего произведения, приводя все новые и новые аргументы в пользу своей точки зрения» [Козырева, Заботина: 141]. Более показательными, однако, представляются те случаи, когда диалог ведут сами герои произведения и формальные признаки драматизации присутствуют в рамках самого текста.

В драматизированных диалогах Уайльда присутствует первый из выделенных нами типажей — противник героя-эстета. В «Упадке лжи» — это Сирил, а в эссе «Критик как художник» — Эрнест. Персонажи располагаются в интерьерах уютных гостиных и библиотек, где и ведут свои беседы. Опираясь на выводы С.С. Аверинцева, мы можем отнести уайльдовские диалоги к «ложным» диалогам, то есть таким, которые не изображают «живого процесса мышления» [Аверинцев: 109]. Истина как бы предустановлена и всегда на стороне героя-эстета, который неизменно одерживает верх над своим оппонентом. Перед нами не рождение истины в диалоге, а, выражаясь словами Аверинцева, «архив готовых результатов мысли, доктрин и систем» [Там же]. Диалог для Уайльда превращается в чисто эстетический приём, позволяющий более увлекательно донести до читателя свои идеи.

Тем не менее диалоги Уайльда лишены аподиктичности. Разными исследователями уайльдовского творчества, например, биографом Ричардом Эллманом, многократно утверждалось, что герои не стремятся убедить друг друга в своей правоте. «Наслаждение самой беседой сильнее, чем желание утвердить свою правоту», — говорит биограф Уайльда [Эллман: 347]. И действительно, герои нередко прерывают свои беседы, не доведя их до логического конца. Они нередко иронически отстраняются от своих суждений, когда эти самые суждения становятся слишком серьёзными. В этом специфика уайльдовского мировоззрения: он презирал безапелляционность суждений и «железную» уверенность в чём бы то ни было. И потому диалоги Уайльда хоть и становятся для него удобной формой изложения своих идей (он сам называет диалог формой «особенно привлекательной для

мыслителя»^{*}), по сути своей вполне согласуются с основополагающим эстетическим принципом «искусство ради искусства». Этот признак роднит диалоги-трактаты Уайльда с художественным творчеством, превращая автора в того самого критика-художника, которого он воспел в эссе под соответствующим названием.

Хотя равноправное совместное искание истины в уайльдовском диалоге отсутствует, позиции собеседников не равноправны, эстет стремится доминировать, заронить мысль в сознание своего собеседника. Эстетская позиция не предполагает торжества абсолютной истины, сохраняя за «учеником» право принять или не принять точку зрения «учителя» по собственной воле и под обаянием его личности. Между тем интеллектуальная дистанция в диалогах Уайльда не так велика и не так подчёркнута, как у Платона в упомянутом С.С. Аверинцевым диалоге «Федр». Хотя оппозиция «ученик» — «учитель» остаётся неизменной, ей придаётся совершенно особое значение.

Тема ученичества, влияния старшего на младшего проходит красной нитью через всё творчество Уайльда. Она нередко присутствует как в художественных произведениях автора, так и в лекциях, статьях и эстетических миниатюрах. Уайльда занимает вопрос влияния одного человека на другого. Об этом он рассуждает на страницах своего романа «Портрет Дориана Грея», где в образе учителя предстаёт лорд Генри Уоттон. В приведённом ниже отрывке мы видим яркий пример такого уайльдовского «учительства». Обращает на себя внимание и тот факт, что размышления лорда Генри здесь даны в виде несобственно-прямой речи — таким образом речь героя и речь автора причудливым образом смешиваются: “*There was something terribly enthralling in the exercise of influence. No other activity was like it. To project one's soul into some gracious form, and let it tarry there for a moment; to hear one's own intellectual views echoed back to one with all the added music of passion and youth; to convey one's temperament into another as though it were a subtle fluid or a strange perfume; there was a real joy in that—perhaps the most satisfying joy left to us in an age so limited and vulgar as our own, an age grossly carnal in its pleasures, and grossly common in its aims...*” [Wilde: 63].

Такие мысли посещают лорда Генри Уоттона по пути к леди Агате. Обращают на себя внимание слова “*exercise of influence*” (рус. — «упражнение во влиянии»). Они прекрасно раскрывают отношение лорда Генри к своим философствованиям.

Подобным образом ведут себя и эстеты из диалогов Уайльда. При помощи личного обаяния, элегантного и умелого обращения со словом они стремятся лишь пробудить в своём собеседнике те или иные мысли, однако следующие шаги «ученик» должен сделать самостоятельно.

Вместе с тем диалог Уайльда не так бесцелен, как это может показаться, а вернее, как в том хочет нас убедить автор. Герои-идеологи доносят свои мысли до собеседника в полном объёме, нарочито обрывая диалог тогда, когда главное уже сказано. Уайльду важно создать впечатление лёгкости и непринуждённости живого коммуникативного акта. Так, эстет Джильберт из эссе «Критик как художник» решает отправиться на лоно природы после того, как очертания его концепции уже ясны. Нарочитая оборванность — это эстетский приём, который призван идеологически «обесценить» весь состоявшийся диалог, сводя серьёзный обмен

---

^{*} «Диалог, это прекрасный жанр, который облюбовали критики всего мира от Платона до Лукиана, и от Лукиана до Джордано Бруно, и от Бруно до великолепного старого язычника, так восхищавшего Карлейла, — диалог, конечно, всегда останется формой выражения, особенно привлекательной для мыслителя» (пер. А. Зверева) [Уайльд 2015: 250].

мнениями к упражнениям в салонной болтовне, к искусству остроумной беседы ради неё самой. Таков диалог в стиле эстетизма. Из слияния драматических элементов и условной незавершённости коммуникативного акта создаётся намеренное противоречие формы и содержания.

Таким образом, Оскар Уайльд своеобразно трансформирует жанр классического философского диалога, превращая его в эстетический диалог, в котором больше художественной литературы, нежели философии. В эстетическом диалоге мысль возвращается в сферу словесности. Игра мысли неотделима от ситуации диалога с её бытовым и эмоциональным фоном. Условием диалога как «уайльдовского жанра» является встреча двух индивидуальных точек зрения, контролируемых автором-режиссёром, чьё сознание вбирает в себя ту и другую.

Список источников

- Уайльд О. Портрет Дориана Грея: роман, повести, рассказы / пер. с англ. М. Абкиной и др. СПб.: Искатель, 2015. 414 с.
 Wilde O. The Picture of Dorian Gray. М.: АСТ, 2023. 384 с.

Список литературы / References

- Аверинцев С.С. Классическая греческая философия как явление историко-литературного ряда // Аверинцев С.С. Образ античности. СПб., 2004. 480 с.
 (Averintsev S.S. Classical Greek philosophy as a phenomenon of historical and literary series, *Averintsev S.S. Image of antiquity*, St. Petersburg, 2004, 480 p. — In Russ.)
 Козырева М.А., Заботина М.Р. Художественное своеобразие эссеистики О. Уайльда // Вестник ТГГПУ. 2014. № 2 (36). С. 140—144.
 (Kozyreva M.A., Zabolina M.R. Artistic originality of O. Wilde's collection of essays, *Vestnik TGGPU*, 2014, no. 2 (36), pp. 140—144. — In Russ.)
 Тетельман А.И. Взаимодействие жанров в творчестве Оскара Уайльда: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2007. 18 с.
 (Tetelman A.I. Interaction of genres in the works of Oscar Wilde: abstract of the dis. ... Candidate of Sciences (Philology), Kazan, 2007, 18 p. — In Russ.)
 Словарь литературоведческих терминов / ред. и сост. Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. М., 1974. 509 с.
 (Dictionary of literary terms, ed. and compiled by L.I. Timofeev, S.V. Turaev. Moscow, 1974, 509 p. — In Russ.)
 Эллман Р. Оскар Уайльд. Биография / пер. с англ. Л. Мотылева. М., 2000. 681 с.
 (Ellmann R. Oscar Wilde. Biography, ed. by L. Motyleva, Moscow, 2000, 681 p. — In Russ.)

SPECIFICITY OF THE DIALOGUE GENRE IN OSCAR WILDE'S WORKS

Pavel D. Plastinin

Herzen University of Russia, Saint-Petersburg, Russian Federation,
 pashenka.plastinin@mail.ru

Abstract. The article analyzes two critical essays by Oscar Wilde, “The Critic as Artist” and “The Decay of Lying”, included in his collection “Concepts”, published in 1891, during the period of the most active creative work of the author. Both of these texts are written in the genre of a philosophical dialogue and represent the quintessence of Oscar Wilde's aesthetic research and the manifestation of his aesthetic worldview, which asserts the primacy of form over content and denies automatism in judgments, their deliberate seriousness. An attempt is made to clarify the features of the interpretation of the classical philosophical genre by the English writer in these essays, taking into account the specifics of their composition

and plot. The author of the article comes to the conclusion that the classical philosophical dialogue in Wilde's performance, under the influence of his aesthetic worldview, ironic estrangement from the "seriousness" of reasoning and the gravitation towards dramatization of a work of art regardless of its type and genre, turns into an aesthetic dialogue, the author's genre construction, combining elements of a dramatic and essayistic work. The author believes that it is the aesthetic dialogue that largely forms Wilde's poetics and has a great influence on his artistic works, including the novel "The Picture of Dorian Gray" and fairy tales.

Keywords: Oscar Wilde, aestheticism, romanticism, English literature, decadence

For citation: Plastinin P.D. Specificity of the dialogue genre in Oscar Wilde's works, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 2, pp. 29—34.

Статья поступила в редакцию 04.06.2025; одобрена после рецензирования 07.07.2025; принята к публикации 26.10.2025.

The article was submitted 04.06.2025; approved after reviewing 07.07.2025; accepted for publication 26.10.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Пластинин Павел Дмитриевич — аспирант Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, pashenka.plastinin@mail.ru, SPIN: 8530-7025

Plastinin Pavel Dmitrievich — postgraduate student at Herzen University of Russia, Saint-Petersburg, Russian Federation, pashenka.plastinin@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 35—42.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 2. P. 35—42.

Научная статья

УДК 821.111(73).09:82.0

EDN <https://elibrary.ru/cakhzf>

DOI: 10.46726/И.2026.2.5

«УНЕСЕННЫЙ ВЕТРОМ, ЗАТЕРЯЛСЯ В ТОЛПЕ АРОМАТ ЭТИХ РОЗ...»: ФЛОРИСТИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА В РОМАНЕ М. МИТЧЕЛЛ

Ирина Васильевна Морозова

Российский государственный гуманитарный университет,

г. Москва, Россия, irinamoro@gmail.com

Аннотация. В статье роман «Унесенные ветром» рассматривается с точки зрения продолжения традиции женского южного письма, заложенного еще писательницами Старого Юга. В целом в женском южном тексте четко проявляется определенный набор художественных образов и средств, характерных для мифологического восприятия Юга, — солнечный край с буйной вечнозеленой растительностью и благоухающими неувядающими цветами. В романе Митчелл точно так же особое внимание уделяется сосне, дубу, кедру, символизирующим жизненную силу, долголетие, мудрость, выносливость, бессмертие. После войны картина разоренного Юга воплощена в виде поместий, где все мощные прежде деревья утратили, подобно самому Югу, всю свою жизнеспособность, становясь унылыми, чахлыми и лишенными возможности к росту. В описании довоенной Тары Митчелл виртуозно использует флористическую символику (магнолия, белый жасмин, мирт), чтобы подчеркнуть жизнестойкость, радость, гармоничное соединение семейных ценностей и превосходства «белизны» в жизни южан-плантаторов. Описание садов и прилегающих к дому дворов имеет очень важное значение в создании образа Юга и, безусловно, связано с образом «огражденного сада». Сад у Митчелл является главным локусом, вокруг которого выстраиваются судьбы героев и философия всего романа. Так, в начале романа Тара предстает как цветущий, самодостаточный мир. Зеленые луга, сочные плоды, аллеи — это символ невинности и стабильности довоенного Юга. После войны в описании сада появляются готические мотивы разорения и умирания. Используя символику розы, Митчелл показывает постепенное умирание настоящего эталона женственности после Гражданской войны, подчеркивает несоответствие своей героини идеалу южной феминности. Заметно, что если в первой части описание довоенного Юга и южанок всегда сопровождается описанием цветов и цветущих пространств, то в последующих частях эти картины являются лишь в щемящих ностальгических воспоминаниях. Маргарет Митчелл продолжает женскую традицию южного письма и для нее флористический код также имеет особое значение, о чем свидетельствует выбранное ею название — цитата из третьей строфы стихотворения Э. Доусона “Non Sum Qualis eram Bonae Sub Regno Cyraeae”, где унесенными ветром оказываются розы и лилии.

Ключевые слова: Маргарет Митчелл, «Унесенные ветром», южный миф, женское письмо, флористическая символика, Старый Юг, южная леди

Для цитирования: Морозова И.В. «Унесенный ветром, затерялся в толпе аромат этих роз...»: флористическая символика в романе М. Митчелл // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 35—42.

В июне 2026 г. исполняется 90 лет со дня выхода в свет романа М. Митчелл «Унесенные ветром» (*Gone with the Wind*, 1936), изложившего трагическую историю гибели южного сообщества. Маргарет Митчелл нарисовала такой чарующий

© Морозова И.В., 2026

портрет Старого Юга, что он, на что сетуют многие американские историки, «доминирует в американской популярной культуре и очевидно уничтожает все наши попытки демистифицировать эту эру» [Clinton: 6]. В известной степени можно сказать также, что Митчелл удалось запустить процесс коммерциализации этого мифа, усилившегося после выхода в свет экранизации романа в 1939 г.

Основу этого мифа составляет образ Старого Юга как «прекрасно организованного патриархального общества, в котором каждый южанин, черный или белый, мужчина или женщина, богатый или бедный, занимал полагающееся ему место и был там счастлив» [Scott: 77]. Роман М. Митчелл в целом продолжает традицию жанра «романа домашнего очага» (domestic novel) первой половины XIX столетия, который позволил южным писательницам соединить политические и религиозные аргументы самобытности Юга с общенациональными проблемами строительства гражданского общества и социальной функции женщины в нем и выстроить концепцию особого «южного дома», его особого предназначения как оплота христианства и гражданских добродетелей. Долгое время исследователи в изучении этой традиции и мифа Старого Юга базировались на произведениях известных писателей-южан Д. П. Кеннеди и У. Г. Симмса, игнорируя литературное наследие их современниц, чей художественный талант, безусловно, не позволяет включить их произведения в сокровищницу мировой литературы. Тем не менее южные писательницы первой половины XIX в. — К. Хенц, К. Гилман, А. Эванс и многие другие — сыграли огромную роль в процессе создания мифопоэтической концепция «южности» как особого образа мировосприятия, что способствовало становлению южной традиции в литературе, а также в самом процессе создания и увековечивания южного мифа в американской культуре.

Объединенные общей идеей исключительности Юга в национальной истории и его особой миссии по спасению демократических установлений, все романы, созданные писательницами довоенного Юга, в совокупности образуют единый текст, который можно назвать «южным текстом». В этом тексте Юг настойчиво имплицитно свой образ, в котором материнство, счастливые семьи, всемогущие мужчины, довольные черные рабы как существенные элементы образа органичного патриархального мира закрепляются в качестве содержательно-структурных единиц южного мифа.

Монолитность текста, исходящая из общности идейной установки рассматривать Юг в качестве единственного места, где возможно сохранение нравственных ценностей христианства и демократических принципов, обеспечивается и общностью качественных характеристик всех субстратов этого объекта и его отличительных признаков на всех уровнях материальной и духовной жизни. Так, заметно проступает единообразие в климатических, пейзажно-ландшафтных, бытовых и культурных характеристиках объекта. Описание теплого солнечного климата, пышного южного пейзажа с неувядающей зеленью, буйством красок и цветов вызывают в сознании архетип Эдема и формируют устойчивое представление о Юге как о райском саде, месте гармонии, избранном Богом. В качестве примера можно привести отрывок из романа «Унесенные ветром», ясно демонстрирующий типичную для южного текста очаровательную картину природы Юга: «Сочно-красная земля в глубоких, размытых зимними дождями придорожных канавах просвечивала сквозь нежную зеленую поросль куманики. Голые глыбы гранитных валунов, разбросанные по красной глине, уже оплетались стеблями диких роз, а полчища нежно-лиловых фиалок шли в наступление со всех сторон. Осыпанные белым цветом кизилловые леса на холмах за рекой блистали на солнце, подобно вершинам снежных гор. Бело-розовое буйство весны увенчало цветами

ветви яблонь, а под деревьями, там, куда проникали солнечные лучи, испещренный бликами многоцветный пестрый ковер жимолости отливал пурпурным, оранжевым и алым. Легкий ветерок приносил откуда-то тонкий аромат цветущих кустарников, и воздух был так насыщен благоуханием, что его пряный привкус, казалось, можно было ощутить на языке» [Митчелл 2025а: 107].

Все описания природного мира Юга можно разделить на два уровня: уровень естественной природной среды, и искусственной — это сады, разбитые около дома, творение рук человеческих. И тот, и другой уровень представляют собой целостную картину необыкновенной величественности и красоты южной природы, особой роли южного сообщества.

Пейзаж в «южном тексте» своим великолепием обязан не только реалиям, но и применяемому писательницами принципу отбора и сортировки материала, который формируется исходя из основной цели, заключающейся в изображении сути южной жизни и восхвалении Юга. Поэтому и упоминаемые деревья и растения, и преобладающие в описании цветы и цвета имеют особое символическое значение, тем более, что, как справедливо отмечают исследователи, «женщины Викторианского Юга воспринимали себя и свои отношения с другими в пределах определенного набора символов <...>, южанки были неотделимы от своей культуры и тех символов, которые они использовали в процессе самоидентификации» [Friedman: 39]. Отметим, что такое мировосприятие сохранилось на Юге и по сей день, о чем свидетельствуют многие современные женщины, например, поэтесса из Луизианы Бренда Осби: «Один из способов, которым южане завоевывают женское сердце — это беседы о деревьях, цветах и прочей растительности <...>. Мы все здесь идентифицируем с помощью растений» [Lowe: 100].

В целом в женском южном тексте четко проявляется определенный набор художественных образов и средств, характерных для мифологического восприятия Юга, — солнечный край с буйной вечнозеленой растительностью и благоухающими неувядающими цветами. Прежде всего очевидно особо пристальное внимание авторов текстов к описанию деревьев. Дерево как таковое, без отнесения его к какому-либо определенному роду, является одним из центральных традиционных символов, и в наиболее общем смысле символизм дерева обозначает неистощимую жизнь, ее согласованность, процессы зарождения и возрождения. Поэтому неслучайно в текстах подчеркивается величественность, высота деревьев, их мощь, чем подчеркивается мысль о неистощимости жизненных процессов на Юге. Особенного внимания заслуживает выделение в тексте пышных и красивых крон деревьев, что является символом защиты Творца и Божьего благоволения.

Наиболее часто в текстах упоминаются дуб, сосна, кедр, апельсиновое дерево и магнолия, которые становятся ключевыми символами природы в южном тексте. Символизм указанных деревьев (дуб — сила, долголетие, мудрость и выносливость; сосна, подобно всем вечнозеленым растениям, — бессмертие, а также прямота, жизненная сила, плодовитость, сила характера; кедр — сила, честность, долголетие, апельсиновое дерево — плодородие и одновременно целомудрие; магнолия — чистота и царственность), подкрепленный частотностью их упоминания в тексте, порождает устойчивое представление о Юге как о царственном месте, наделенном бессмертием и необыкновенной жизненной силой и радостным мироощущением, где, по выражению М. Митчелл, «прекрасное было повседневностью, частицей жизни, как воздух, как вода» [Митчелл 2025а: 37].

В романе Митчелл точно так же, как во всем южном тексте, особое внимание уделяется сосне и дубу: «В этом призрачном полумраке высокие сосны в пойме реки, такие сочно-зеленые при свете дня, казались совершенно черными на

блеклой пастели неба — могучие, величественные гиганты, они стояли сомкнутым строем, преграждая доступ к неспешно бегущей желтой воде. Белые трубы усадьбы Уилксов на том берегу реки, на холме, меркли все больше среди густой темной зелени дубов, и только мерцавшие кое-где огоньки зажженных к ужину ламп манили на ночлег» [Там же]. В такой картине усадьбы Двенадцать Дубов, даже название которой связано с символикой дерева, присутствуют все самые важные характеристики Старого Юга — сила, выносливость, защищенность, гостеприимство.

Те же символы задействованы и при описании Тары: «Древние дубы, еще выдавшие пробравшихся по лесу индейцев, обступали дом со всех сторон, простирая над его кровлей густой зеленый шатер ветвей. На лужайке, очищенной от сорняков, буйно разросся клевер и свинорой, и Джералд следил за тем, чтобы газону оказывался должный уход. Все в Таре — от подъездной кедровой аллеи до белых хижин на участке, отведенном для рабов, — выглядело солидным, прочным, сделанным на века» [Там же: 63].

После войны картина разоренного Юга воплощена в виде той же Тары, где все мощные прежде деревья утратили, подобно самому Югу, всю свою жизнеспособность, становясь унылыми, чахлыми и лишенными возможности к росту: «А теперь плантацию за плантацией пожирал лес, и унылый раkitник, чахлые дубки и низкорослые сосны исподволь выросли вокруг молчаливых развалин, завладели бывшими хлопковыми плантациями <...>. Казалось, будто едешь по мертвой земле» [Митчелл 2025b: 561].

Особого внимания в южном тексте заслуживает белый цвет, который чаще всего коррелирует с магнолией — цветком, который традиционно воспринимается как эмблема всего Юга. С одной стороны, очевидно, что символизм белого цвета отражает мысль о нравственной чистоте Юга, с другой — именно для этого региона он чрезвычайно значим, поскольку напрямую связан с идеей утверждения «белизны» (whiteness) южного сообщества. Совмещая символизм магнолии как растения и символизм ее цвета, южный текст таким образом утверждал мысль о царственности «белизны» на Юге, о господстве белого человека. Собственно, роман «Унесенные ветром» открывается сравнением белой кожи Скарлетт с цветком магнолии: «На белом, как лепесток магнолии, лбу — ах, эта белая кожа, которой так гордятся женщины американского Юга, бережно охраняя ее шляпками, вуалетками и митенками от жаркого солнца Джорджии! — две безукоризненно четкие линии бровей стремительно взлетали косо вверх — от переносицы к вискам» [Митчелл 2025a: 5].

В описании довоенной Тары Митчелл виртуозно использует флористическую символику, чтобы вновь подчеркнуть жизнестойкость, радость, гармоничное соединение семейных ценностей и превосходства «белизны» в жизни южан-плантаторов: «Тенистая, темно-зеленая кедровая аллея, ведущая от дороги к дому, — обязательная принадлежность каждого плантаторского особняка в Джорджии, — создавала приятный для глаз контраст с яркой зеленью остальных деревьев, окружавших дом. Оплетавшая веранды глициния красиво выделялась на белой известке стен, а курчаво-розовые кусты мирта возле крыльца и белоснежные цветы магнолий в саду хорошо маскировали угловатые линии дома [Там же: 74].

Помимо магнолии здесь указывается на глицинию, которая имеет разный нежного оттенка цвет — от белого до лилового — и символизирует бессмертие, мудрость, удачу, и на мирт, во время цветения имеющий белые цветы и символизирующего вечную любовь, супружескую верность, семейное благополучие

и счастье. Таким образом, использование цветов здесь однозначно характеризует весь уклад дома семейства О'Хара.

Точно так же, как в случае с деревьями, Митчелл по мере развития событий показывает иное восприятие магнолии в связи с изменяющимися жизненными обстоятельствами. Так, например, в сцене совершенного Скарлетт убийства янки Митчелл, передавая психологическое состояние героини, обращает внимание не на царственность и нежность цветка, а на — дословно — «грубый шорох» (*rough rustling*) листьев магнолии, что связано как с самоощущением самой героини, так и с новым состоянием Юга, защищающего свой уходящий мир, и смертью, вошедшую в жизнь южан: «Минуту, равную вечности, она стояла неподвижно, и все звуки, все запахи, разлитые в теплом летнем воздухе, приобрели вдруг какую-то несообразность и, казалось, многократно усилились: частый стук ее сердца, похожий на барабанную дробь, жесткий глухой шелест магнолии за окном, далекий жалобный крик болотной птицы, сладкий аромат цветов, летящий из сада» [Там же: 544].

Подобное изменившееся семантическое поле присутствует и в другой сцене, связанной со смертью. На похоронах отца Скарлетт слышит “the harsh whisper of the wind in the magnolia leaves” [Mitchell: 431] (буквально — «жесткий шепот ветра в листьях магнолии», в переводе Т. Кудрявцевой — «хрустящий шепот»), словно красота цветка, символизирующего Юг, оборачивается против южан.

Уровень естественной природы Юга гармонично сочетается в южном тексте с уровнем «искусственного» растительного мира, созданного уже не Творцом, а самими южанами. Описание садов и прилегающих к дому дворов имеет очень важное значение в создании образа Юга. Сад выполняет не просто эстетическую функцию; его изображение, безусловно, связано с образом «огражденного сада». Это и Эдем с его изолированностью от греха, и библейская аллегория чистоты, непорочности, он может быть воспринят и как один из главных символов Девы Марии. В южном тексте забота о саде — исключительно женская прерогатива. «Унесенные ветром», где описываются сады в Двенадцати Дубах, а также Таре, наследуют эту символику. Сад является главным локусом, вокруг которого выстраиваются судьбы героев и философия всего романа. Так, в начале романа Тара предстает как цветущий, самодостаточный мир. Зеленые луга, сочные плоды, аллеи — это символ невинности и стабильности довоенного Юга. После войны в описании сада появляются готические мотивы разорения и умирания: «Цветущие кусты и трава газона — все было истоптано, истерзано, выворочено» [Митчелл 2025a: 487].

Несомненно важным для южного текста является символика произрастающей в саду розы, цветка, воплощающегося женское начало и ассоциирующегося с Богородицей, чистотой, завершенностью, совершенством. Женщина на Юге кажется вознесенной на пьедестал для поклонения, поскольку она служит своеобразным мериллом соответствия мужчины кодексу чести. Как пишет Митчелл, «Рыцарское отношение южан к женщине защищало ее. Южанка-леди может солгать про джентльмена, но южанин-джентльмен не может оболгать леди или — еще того хуже — назвать леди лгуньей» [Митчелл 2025b: 138]. Настоящая южанка — это южная леди, воплощение любви, нежности, дружелюбия и всех прочих христианских добродетелей. Южная леди — это высшая этическая норма, к которой должна стремиться любая женщина Юга. Примером настоящей южной леди служат мать Скарлетт Эллин и Мелани.

Используя символику розы, Митчелл показывает постепенное умирание настоящего эталона женственности после Гражданской войны. Привлекает внимание описание бала в Атланте, где цветы символизируют единение всех южных леди

в их желании поддержать мужчин, показать им свою верность. Груды разного цвета роз были положены к портретам вождей Конфедерации, однако «самые нежные и самые душистые украшали девушек: чайные розы, прикрепленные к волосам над ухом; бутоны роз и веточки жасмина, сплетенные венком, придерживали каскады кудрей; букетики цветов стыдливо выглядывали из-за атласных кушаков. Всем этим цветам суждено было еще до исхода ночи перекочевать в качестве драгоценных сувениров в нагрудные кармашки серых мундиров» [Митчелл 2025а: 213].

Вид разоренного поместья Двенадцать Дубов и уничтожение роз после войны фиксирует катастрофу Юга, где женщина была мерилем чести южного общества: «Она обошла пепелище и направилась к огороду, мимо вытоптаных розовых клумб, за которыми так заботливо ухаживали сестры Уилкс» [Там же: 527].

Представляет несомненный интерес в связи с флористической символикой противоречивый образ Скарлетт, которую, как известно, сама Митчелл отнюдь не только не считала положительной героиней, но и, конечно, не относила ее к типу настоящей южной леди. Тем не менее, тема южной леди играет очень значительную, если не центральную роль, в изображении трагедии Юга. На протяжении всего романа Митчелл демонстрирует, что Скарлетт не является истинной южной леди, противопоставляя ее Мелани. И, казалось бы, жизнестойкость Скарлетт должна была бы доказывать несостоятельность идеала южной леди, его хрупкость, однако после ухода Мелани Скарлетт признается, что именно в ней она и черпала свою силу, и вместе с Мелани уходит и эта сила, «на которую, сама того не понимая, столько лет опиралась Скарлетт» [Митчелл 2025b: 607]. Вместе со смертью Эллин, с которой Скарлетт мысленно вступает в диалог, анализируя свои бесчестные поступки, а затем и смертью Мелани, из жизни южан навсегда уходят представления о благородстве, чести и достоинстве.

Митчелл очень изящно использует флористическую символику, чтобы подчеркнуть несоответствие своей героини идеалу южной феминности. Так, разбогатевшая Скарлетт настаивает на строительстве эклектичного и бросающегося в глаза дома, где есть зимний сад, куда она собирается поставить пальмы. На Юге произрастают пальмы, но в южном мифе им нет места, поскольку пальма не вписывалась в патриархальный миф «огражденного сада», а имела непосредственное отношение к Африке, несла в себе оттенок «чужеродной экзотики», не давала защитной тени и тем самым нарушала мысль о защищенности и величии Юга. Таким образом, здесь, думается, выделяется мысль о своего рода «непринадлежности» Скарлетт истинному Югу, как и в эпизоде выбора Реттом платья для визита к Мелани после известной сцены с Эшли: «<...> он вытащил ее новое, нефритово-зеленое муаровое платье. Оно было низко вырезано на груди; обтягивающая живот юбка лежала на турнюре пышными складками, и на складках красовался большой букет бархатных роз» [Там же: 509]. На платье Скарлетт искусственные розы, конечно же, указывают на отсутствие в ней той самой чистоты южной леди, на которую указывали живые розы как обязательный элемент туалета южанки.

Маргарет Митчелл довольно искусно использует флористический код, чтобы показать увядание Юга. Заметно, что если в первой части описание довоенного Юга и южанок всегда сопровождается описанием цветов и цветущих пространств, то в последующих частях эти картины являются лишь в щемящих ностальгических воспоминаниях, как например, в завершающем роман эпизоде: «И снова Скарлетт очутилась в пронизанном ветром фруктовом саду Тары <...>. Она с минуту стояла, припоминая отдельные детали: аллею темных кедров, ведущую к Таре, раскидистые кусты жасмина, ярко-зеленые на фоне белых стен, колеблющиеся от ветра белые занавески» [Там же: 634—637].

Таким образом, совершенно очевидно, что Маргарет Митчелл продолжает женскую традицию южного письма и для нее флористический код также имеет особое значение, о чем явно свидетельствует выбранное ею название — цитата из третьей строфы стихотворения Э. Доусона “Non Sum Qualis eram Bonae Sub Regno Syonae”:

I have forgot much, Cynara! gone with the wind,
Flung roses, roses riotously with the throng,
Dancing, to put thy pale, lost lilies out of mind...

Как отмечает в своем исследовании И.Л. Галинская, всего было предложено редактору 24 названия, и только семнадцатым по счету писательница поставила эти строки [Галинская]. Однако именно они совпали не только с основной темой произведения — умирание старого мира, — но и демонстрировали принадлежность текста к южному женскому письму. Унесенные ветром розы и лилии — это не только разрушенный патриархальный Юг, но прежде всего уничиженный южный женский мир истинных леди, образ которых имел такое серьезное значение в старом мире южных ценностей.

Список источников

- Митчелл М. Унесенные ветром: в 2 т. / пер. с англ. Т.А. Озерской. М.: АСТ; Эксмо, 2025а. Т. 1. 640 с.
Митчелл М. Унесенные ветром: в 2 т. / пер. с англ. Т. Кудрявцевой. М.: Проспект, 2025b. Т. 2. 656 с.
Mitchell M. *Gone with the Wind*, London, 1974, 1011 p.

Список литературы / References

- Галинская И.Л. Ключи к роману М. Митчелл «Унесенные ветром». М., 1997. 64 с. (Galinskaya I.L. *Keys to Mitchell's novel "Gone with the Wind"*, Moscow, 1997, 64 p. — In Russ.)
Clinton C. *The Plantation Mistress: Woman's World in the Old South*, New York: Pantheon Books, 1982, 331 p.
Friedman J.E. *The Enclosed Garden: Women and Community in the Evangelical South, 1830—1900*, Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1985, 180 p.
Lowe J. *An Interview with Brenda Marie Osbey, The Future of Southern Letters*, New York: Oxford University Press, 1996, 198 p.
Scott A.F. *The Southern Lady: From Pedestal to Politics, 1830—1930*, Chicago: University of Chicago Press, 1970, 247 p.

“GONE WITH THE WIND, FLUNG ROSES, ROSES RIOTOUSLY WITH THE THROG ...”: FLORAL SYMBOLISM IN M. MITCHELL’S NOVEL

Irina V. Morozova

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation, irinamoro@gmail.com

Abstract. This article examines the novel *Gone with the Wind* from the perspective of the continuing tradition of Southern women's writing, established by writers of the Old South. In general, Southern women's writing clearly displays a certain set of artistic images and devices characteristic of the mythological perception of the South — a sunny land with lush evergreens and fragrant, unfading flowers. Mitchell's novel similarly places special emphasis on pine, oak, and cedar, symbolizing vitality, longevity, wisdom, endurance, and immortality. After the war, the image of a devastated South is embodied in the form of estates where all

the formerly mighty trees, like the South itself, have lost all vitality, becoming sad, stunted, and deprived of growth. In her description of antebellum Tara, Mitchell masterfully utilizes floral symbolism (magnolia, white jasmine, myrtle) to emphasize resilience, joy, and the harmonious blend of family values and the superiority of “whiteness” in the lives of Southern planters. The description of the gardens and surrounding yards is crucial in creating the image of the South and is undoubtedly linked to the image of the “enclosed garden”. Mitchell's garden is the central locus around which the characters' destinies and the philosophy of the entire novel are built. Thus, at the beginning of the novel, Tara appears to be a flourishing, self-sufficient world. Green meadows, juicy fruits, and avenues symbolize the innocence and stability of the antebellum South. After the war, the description of the garden becomes replete with Gothic motifs of ruin and decay. Using rose symbolism, Mitchell demonstrates the gradual demise of the true standard of femininity after the Civil War, emphasizing her heroine's inconsistency with the ideal of Southern femininity. It's noticeable that while in the first section the description of the antebellum South and Southern women is always accompanied by descriptions of flowers and blooming spaces, in subsequent sections these images appear only in poignant nostalgic memories. Margaret Mitchell continues the female tradition of Southern writing, and for her, the floral code also has a special significance, as evidenced by her choice of title – a quotation from the third stanza of E. Dawson's poem “Non Sum Qualis Eram Bonae Sub Regno Cynarae”, where roses and lilies are carried away by the wind.

Keywords: Margaret Mitchell, “Gone with the Wind”, Southern myth, floral symbolism, Old South, Southern lady, women's writing

For citation: Morozova I.V. “Gone with the wind, flung roses, roses riotously with the throng...”: floral symbolism in M. Mitchell's novel, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 1, pp. 35—42.

Статья поступила в редакцию 02.03.2026; одобрена после рецензирования 10.04.2026; принята к публикации 30.04.2026.

The article was submitted 02.03.2026; approved after reviewing 10.04.2026; accepted for publication 30.04.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Морозова Ирина Васильевна — доктор филологических наук, профессор кафедры сравнительной истории литератур, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, irinamoro@gmail.com, SPIN: 7160-1399

Morozova Irina Vasilyevna — Doctor of Sciences (Philology), Professor, Comparative Literature Department, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, irinamoro@gmail.com

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 43—51.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 2. 43—51.

Научная статья

УДК 821.133.1.09:82.0

EDN <https://elibrary.ru/cmzynz>

DOI: 10.46726/И.2026.2.6

ПРИРОДА КОМИЧЕСКОГО В ТВОРЧЕСТВЕ АЛЬФРЕДА ЖАРРИ

Александр Николаевич Таганов

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, shishtag@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено рассмотрению природы комического в творчестве французского писателя Альфреда Жарри. На первый взгляд, она обусловлена традиционными структурными особенностями, в основе которых лежит принцип противопоставления противоположных явлений. При восприятии текстов Жарри у читателя вполне может возникнуть мысль о выступлении писателя против безобразных сторон жизни и человеческой природы. В таком случае Жарри оказывается сопоставим с Рабле и другими знаменитыми мастерами смеха. Однако при определении специфики смехового начала Жарри следует учитывать, что оно носит универсально концептуальный характер. Основным противоречием, лежащим в основе его комизма, является противопоставление метафизическому способу мышления учения, обозначаемого Жарри словом «'патафизика». Становясь основным средством преодоления метафизического мироощущения, комическое генерируется в текстах Жарри через феномен, обозначаемый Жарри термином «клинамен», восходящим к учению Эпикура об атоме, который способен осуществлять незначительные произвольные отклонения от прямой линии падения, что является свидетельством наличия свободы в природе. Комическое у Жарри, теряя привычный смысл, является средством преодоления метафизического образа мышления через отклонения от нормы разумности, но не для того, чтобы восстановить ее, как, например, у Рабле, а напротив, окончательно уничтожить всякую нормативность через патафизическое разрушение логоцентризма с его бинарной структурой.

Ключевые слова: Жарри, комическое, смех, метафизика, патафизика, клинамен

Для цитирования: Таганов А.Н. Природа комического в творчестве Альфреда Жарри // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 43—51.

Категория комического в эстетике до сих пор остается одной из самых дискуссионных. Со времен античности существует множество попыток определить природу и суть этого явления. В разные времена, как известно, подобную задачу решали Аристотель, Цицерон, И. Кант, Г.В.Ф. Гегель, Ф. Шлегель, А. Шопенгауэр, Н.Г. Чернышевский, Ф. Ницше, А. Бергсон, З. Фрейд, В.Я. Пропп, М.М. Бахтин и многие другие. Рассматривая различные теории комического, нетрудно заметить, что в основе определения этого феномена неизменно присутствует наличие противопоставления или конфликта между противоположными явлениями. В этой связи Ю.Б. Борев отмечает: «Сущность комического — в *противоречии*. Комизм — результат контраста, разлада, противостояния: безобразного — прекрасному (Аристотель), ничтожного — возвышенному (И. Кант), нелепого — рассудительному (Жан-Поль, А. Шопенгауэр), бесконечной предопределенности — бесконечному

© Таганов А.Н., 2026

произволу (Ф. Шеллинг), автоматического — живому (А. Бергсон), ложного, мнимо основательного — значительному, прочному и истинному (Гегель), внутренней пустоты — внешности, притязающей на значительность (Н.Г. Чернышевский), низсреднего — вышесреднему (Н. Гартман) и т. д.» [Борев: 83].

Это противоречие может затрагивать как низменные, житейские, бытовые слои жизни, так и высокие, морально-нравственные, социально-бытийные сферы. В связи с этим в искусстве возникают и разные формы смеха — от самых простых, незамысловатых до сложных, наполненных философским содержанием: шутка, каламбур, юмор, ирония, сарказм, гротеск, сатира и т. д., которые соответственно присутствуют в разных жанровых разновидностях, связанных с комическим: фарс, буффонада, комедия, и т. п.

Обращаясь к проблеме комизма у Жарри (1873—1907), мы сталкиваемся с определенными трудностями. Прежде всего, сложно судить о смеховом начале в его произведениях, исходя из специфики жанра, поскольку чрезвычайно трудно определить жанровую доминанту комического в творчестве этого писателя, ибо оно необычайно разнообразно, многолико и включает в себя самые разные смеховые регистры, которые используются в различных родовых (драма, эпос, лирика) и жанровых разновидностях: фарс, гиньоль, буффонада, хроники, альманахи, трагикомедия, роман). Кроме того, вызывает трудность и выявление единого объединяющего основания такого разнообразия.

Первоначально создается впечатление, что комическое у Жарри, как и у других авторов, построено на традиционных противоречиях и, кроме того, обусловлено общей особенностью, подмеченной еще Аристотелем, с точки зрения которого «смешное есть часть безобразного: смешное — это некоторая ошибка и безобразие, никому не причиняющее страдания и ни для кого не пагубное» [Аристотель: 53]. При восприятии текстов Жарри у читателя вполне может возникнуть мысль о протесте писателя против «безобразных» сторон жизни и человеческой природы, при этом у него действительно возникает некая чувственная отстраненность в силу парадоксальности произведений этого автора. В таком случае Жарри оказывается сопоставим с Рабле и другими знаменитыми мастерами смеха. Однако тогда не вполне ясным остается, почему Жарри ставится у истоков таких радикальных явлений, идущих на разрыв с традициями, в том числе и в сфере комического, как дадаизм, сюрреализм, «театр абсурда», Коллеж патафизики, объединение УЛИПО, постмодерн.

В свое время попытку определения сути комического у Жарри попытался осуществить А. Бретон, включив его тексты в свою «Антологию черного юмора». Несмотря на то, что понятие «черный юмор» приобрело довольно широкое значение и до сих пор не имеет достаточно четкого определения (об этом свидетельствует и круг имен, представленных в антологии), оно помогает выявить некоторые существенные черты в комическом, характерном для произведений Жарри. Это, в первую очередь, присущее «черному юмору» соединение воедино серьезного, страшного, циничного и смешного. В отличие от традиционного понимания комического, «черный юмор» в противопоставлении разумного и неразумного часто отдает предпочтение последнему. Вполне понятно, что Бретон, основываясь на фрейдистских теориях, особо настаивает в случае с Жарри на противопоставлении рассудочного и подсознательного. Имея в виду центрального персонажа его творчества — Папашу Убю, глава сюрреализма пишет: «Учитывая, что юмор представляет собой реванш принципа удовольствия, связанного со *Сверх-Я*, над принципом реальности, связанным с *Я*, когда последнее оказывается в особенно плохом положении, в образе Убю легко обнаружить мастерское воплощение

нищанско-фрейдистского *Оно*, которое обозначает совокупность неизвестных, бессознательных и подавляемых сил, из которых *Я* является лишь допустимым проявлением, полностью подчиненным благоразумию...» [Breton: 273].

В какой-то степени это дополняет характеристику комического у Жарри, в то же время и в этом случае вполне укладывается в его аристотелевское определение, поскольку здесь ужасное, опасное, смертельное — то, что непосредственно относится к любой личности и причиняет страдания — подвергается смеховому снятию через остранение, которое «обезвреживает» его: «Агрессивность гиперморального *Сверх-Я* по отношению к *Я* передается предельно аморальному *Оно*, предоставляя полную волю его деструктивным наклонностям» [Там же: 273]. Юмор для Бретона — «способ, позволяющий дистанцироваться от реальности в её самых неприятных аспектах» [Там же: 274].

Думается, однако, что все традиционные определения комического, как и понятие «черный юмор», не в полной мере могут объяснить природу смеха у Жарри. В этой связи стоит прислушаться к словам французского философа Жюль Делёза, который считает Жарри «неведомым предшественником Хайдеггера» [Делёз: 125] и видит в его творчестве своеобразный способ преодоления традиционного, метафизического мышления, которое ведет к «забвению бытия» [Хайдеггер: 181].

Это замечание дает ключ к пониманию сути комического у Жарри. Оно носит универсально концептуальный характер. Основным противоречием, лежащим в основе его комизма, является противопоставление метафизическому способу мышления учения, которое Жарри обозначает словом «'патафизика» и которое ложится в основу его творчества, начиная с ранних произведений вплоть до последних. Главным его носителем в практическом плане является уже упомянутый сквозной персонаж многих текстов Жарри — Папаша Убю, в теоретическом — доктор Фаустроль, герой романа «Деяния и суждения доктора Фаустролля, патафизика» (*«Gestes et opinions du docteur Faustroll, pataphysicien»*, 1898). По замыслу Жарри, «*Патафизика есть наука о воображаемых решениях, которая образно наполняет контуры предметов свойствами, пока что пребывающими лишь в потенции*» [Жарри 2002: 274—275]. Это учение о том, что «дополняет метафизику как в рамках оной, так и за ее пределами, причем за эти самые пределы 'патафизика простирается столь же далеко, как метафизика — за границы обычной физики», предметом ее описания будет «мир, который мы можем — а вероятно, и должны — видеть на месте привычного...» [Там же: 274].

Исходным понятием для Жарри оказывается изначальный хаос бытия, включающий в себя все сущее. В результате «смерти Бога» человек в художественном мире Жарри перекладывает божественные функции на себя: «Если души независимы и свободны, человек есть Бог (Мораль)» [Там же: 346]. Он отныне претендует как на земную власть, подобно папаше Убю, так и на небесную: доктор Фаустроль объявляет себя Богом и творит мир наоборот: в течение семи дней, лишая жизни все живое вокруг, считая, что «вселенная есть опровержение самой себя» [Там же: 336]. То ли Бог, то ли Антихрист, скорее, и то и другое в одном, он проповедует свое учение, создает свой Завет и на этом основании — новую реальность бытия. В начале и в конце творения Фаустролля находится слово, и слово это — «'патафизика», а в основании слова — образ мира-хаоса.

Если у Рабле смех, по определению М.М. Бахтина, амбивалентный, то есть отменяющий застарелые, косные нормы жития и утверждающий позитивные гуманистические идеи, то у Жарри комизм отвергает всякие, в том числе и гуманистические, метафизические принципы и проповедует патафизическое

восприятие мира, которое разрушает любые нормы, утверждая принципы относительности познания.

Пределы знания, границы смысла в творчестве Жарри все время отодвигаются: так, в уже упомянутом романе Фаустролля и его спутники пускаются, подобно героям Рабле, в путешествие в поисках абсолютной истины. Однако путешествие это принимает фантазмагорически-абсурдные формы, оказываясь путешествием по кругу, замкнутым на себе странствием из Парижа в Париж по земной тверди на челне. Его конечный итог — констатация того, что «Бог есть точка, в которой сходятся нуль и бесконечность». А финальная фраза («*Патафизика есть наука...*» [Там же: 346]) переводит проблему поиска смысла бытия в разряд гипотетических, виртуальных смыслов. Этот процесс затрагивает как художественный дискурс Жарри в целом, так и отдельные его элементы.

С точки зрения традиционной аксиологии, самым комичным героем Жарри, бесспорно, является Папаша Убю. В нем, на первый взгляд, в качестве конструктивного основания заложено обычное для смеховой культуры противопоставление разумной благопристойности и неограниченного разгула эгоизма. Однако комизм Убю особого рода, поскольку этот персонаж всецело обусловлен учением Фаустролля / Жарри. Его повседневная жизненная практика простирается далеко за пределы существования, обусловленного физическими и метафизическими законами. Уже в одном из ранних произведений Жарри — в книге «Песочные часы памяти» («*Les Minutes de sable memorial*», 1894) можно найти такую самохарактеристику героя: «Подобно яйцу, тыкке или пролетающему метеору, я качусь по этой земле, где буду делать всё, что захочу» (*Semblable à un oeuf, une citrouille ou un filgurant météore, je roule sur cette terre où je ferai ce qu'il plaira*) [Jarry 1932: 184].

Убю обладает множеством различных ипостасей. В книге «Цезарь-Антихрист» («*César-Antéchrist*», 1895) и в пьесе «Убю король» («*Ubu roi*», 1896) он сначала драгунский капитан, затем — самозванный монарх-деспот, а в «Песочных часах памяти» еще и профессор патафизики. В романе «Деяния и суждения доктора Фаустролля» он член ордена иезуитов. В иллюстрированных альманахах Папаши Убю за 1899 и 1901 годы («*Almanach du Père Ubu illustré (janvier, février, mars 1899)*», *Almanach illustré du Père Ubu (XXe Siècle)*») — разносторонняя личность, претендующая на знания в различных областях человеческой практики, в том числе и в сфере искусства, судя по специальным разделам, в которых упоминается множество имен реальных творческих личностей того времени, с которыми Убю явно хорошо знаком. Поскольку упоминаемые лица составляют и круг знакомства самого Жарри, можно говорить еще об одной ипостаси его персонажа — он патафизическое альтер эго автора.

Убю — существо безмерное, пребывающее вне времени и пространства. Представляя пьесу «Убю король», Жарри поясняет, что действие происходит в Польше, «а проще говоря — Нигде» [Жарри 2002: 135]. В альманахе 1901 года в беседе со своей совестью, которая существует отдельно от Убю, герой заявляет: «<...> я больше не заглядываю слишком далеко, в те давние времена, когда я был Наполеоном или Фараоном и когда заставлял моих солдат восхищаться веками, громоздящимися на пирамидах...» [Там же: 215]. Таким образом он представляет собой проекцию фаустроллевского учения на пространство земной жизни и воплощает в себе множественную вечную относительность человеческой природы.

Становясь основным средством преодоления метафизического мироощущения у Жарри, комическое генерируется в его текстах через феномен, который обозначается термином «клинамен», присутствующим в одной из глав романа «Деяния и суждения доктора Фаустролля, патафизика». Понятие «клинамен»

восходит к учению Эпикура об атоме, который, с его точки зрения, способен осуществлять незначительные произвольные отклонения от прямой линии падения, что является свидетельством наличия свободы в природе и необходимым условием образования различных форм материи. Развивая эту мысль, Лукреций пишет в поэме «О природе вещей»:

<...> уносясь в пустоте, в направлении книзу отвесном,
Собственным весом тела изначальные в некое время
В месте неведомом нам начинают слегка отклоняться,
Так что едва и назвать отклонением это возможно.
Если ж, как капли дождя, они вниз продолжали бы падать,
Не отклоняясь ничуть на пути в пустоте необъятной,
То никаких бы ни встреч, ни толчков у начал не рождалось,
И ничего никогда породить не могла бы природа [Лукреций: 85].

Главное отличие комического у Жарри — парадоксальное отклонение от нормы на всех уровнях личностного бытия: на эпистемологическом, идеологическом, моральном, эстетическом, художественном. При этом все формы комического подчинены единой цели: разрушению иерархических, логоцентрических стереотипов метафизического способа освоения реальности. Одной из важнейших форм разрушения метафизического образа мышления становится пародия — художественная форма, паразитирующая на различных жанровых разновидностях и устойчивой образности.

Так, например, идея богооставленности человека, играющая важнейшую роль в духовной жизни того времени, может подвергаться у Жарри пародийному обыгрыванию. Обращаясь в одном из текстов сборника «Зеленая свеча» (“*La chandelle verte*”, 1907) к пьесе Октава Мирбо «Дела есть дела», он парадоксально переосмысливает ее в духе своего учения. В пьесе речь идет о скупом XX века, некоем богаче Лёша, сын которого, Ксавье, погибает в автомобильной катастрофе, вылетев на повороте из машины и разбившись о стену. Этот случай для Жарри — пример реализации в XX веке знаменитого античного театрального приема, приобретающего, однако, особый смысл: «В данном случае машина одна и сама по себе выполняет работу Бога. *Deus ex machina*. БОГ БЫЛ ИЗВЛЕЧЕН ИЗ МАШИНЫ. И машина от этого испытывала лишь меньшее трение» [Jarry 2007: 253]. Знакомое изречение, вынесенное в заголовок хроники, трактуется здесь в духе патафизической теории Жарри: «Бог из машины» — Бог, находящийся в машине, (т. е. в сознании человека, управляющего машиной), превращается в Бога, «извлеченного из машины», Бога, покинувшего машину. Машина обретает свободу. Привычная нам фраза, фраза-клише поворачивается новыми, неожиданными смысловыми гранями. Мир, оставленный Богом, развивается по законам имманентного саморазвития, божественная целесообразность заменяется клинаменом.

Эта идея «извлечения» Бога из машины-цивилизации, а вернее из сознания человека, претендующего на управление машиной-цивилизацией, у Жарри может осуществляться в разных жанровых формах: в буффонно-бурлескной (пьеса «Леда»), в мистической (роман «Любовь абсолютная»), в научно-патафизической (роман «Деяния и суждения доктора Фаустролля, патафизика»).

В одной из хроник того же сборника под названием «Страсти Христовы в свете гонок по пересеченной местности» (“*La Passion considérée comme course de côte*”), написанной по поводу пасхальных праздников, эта тема обретает форму пародийного евангелия. Автор представляет путь Христа на Голгофу как часть первой мировой велосипедной гонки в гору. При этом он парадоксально соединяет

материал, содержащийся в евангелиях, с совершенно иными жизненными сферами, подчеркнуто трактуя его с позиции своего времени. В начале текста возникает евангельский Варавва, который объявляет о своем неучастии в гонках. Здесь же обыгрывается жест Понтия Пилата с умыванием рук: он выступает в роли стартового судьи, следящего за временем с помощью водяного хронометра, отчего у него мокрые руки. По обычаям того времени, о которых мы узнаем от «известного спортивного обозревателя, святого Матфея», как замечает Жарри, на старте было положено бичевание, чтобы стимулировать стартующих и сделать гигиенический массаж. В самом начале гонок у Христа оказывается пробитым шипами терновника колесо, в силу чего оно напоминает терновый венец. Пастизируя научно-технический дискурс, Жарри подробно описывает устройство велосипеда, напоминая, что велосипедная рама — изобретение сравнительно недавнее, появившееся лишь в 1890 году. До этого корпус машины состоял из двух перпендикулярно расположенных по отношению друг к другу трубок, что называлось «велосипед с прямым корпусом» или крестообразный велосипед. После аварии с колесом Иисус продолжил гонку, поднимаясь в гору, взвалив велосипед «или, если угодно, свой крест на плечо» [Там же: 281]. История Христа, как и сам Бог, для Жарри — всего лишь химера, рожденная сознанием и запечатленная в Слове, из которого и с помощью которого можно сотворить новую химеру. На наших глазах Жарри создает одну из них, облекая ее в хроникально-парадоксальные формы.

Идея отсутствия, ухода, гибели Бога может приобретать форму оперетты-буфф, как это происходит в пьесе под названием «Леда» (*“Léda”*, 1899—1900). Здесь возникает опереточный вариант ницшеанской формулы «Бог умер». *Deus ex machina* в очередной раз терпит фиаско. Человек у Жарри остается один на один со своей земной жизнью, страстями и желаниями (См. подробнее: [Таганов]).

Принцип клинамена у Жарри принимает форму универсальной трансгрессии и присутствует на всех взаимосвязанных уровнях комического в его произведениях. Пьеса Жарри «Убью король» начинается со слова “merdre” («дерьморь»), не существующего во французском языке, но за которым легко угадывается хорошо известное слово “merde” (дерьмо). По законам французского языка внедрение в данном случае буквы «г» в это слово производит смысловую и функциональную трансформации, давая повод рассматривать его и как существительное, и как глагол. Первоначальный смысл слова затушевывается, словно бы стыдливо пытается прикрыться вуалью благопристойности, но при этом становится еще более вызывающим, еще более выпячивает свою pejоративную сущность. Оно мимикрирует, хамелеонничает, создает игру смыслов, в которой и вызов, и выпад против ханжества, и вынужденная сервильность, необходимость подчиняться моральным устоям. Слово это, открывая произведение, являясь инициальным, задает логику и семантику текста, является одновременно и главным его содержанием — существительным (все есть “merdre”), и главным действием — глаголом (существовать, быть, делать — значит “merdre”). Слово это «разворачивается» через угадываемую в нем семантику, создавая вокруг себя пространство патафизического текста, впитывающее и умножающее «затаившиеся» «потенциальные» смыслы. Принцип «клинамена» порождает в художественном мире Жарри свою орфографию: “rhynance” («фуйнансы»), “oufficiers” («уфицеры»), “oneilles” («ухи»). Механизм «клинамена» проявляет себя в творчестве Жарри и на уровне фразового единства, образуя причудливые связи между словами, создавая «перекрестки из слов», «ошеломляющие образы», предвещающие дадаистские и сюрреалистические опыты, примером чему может служить, скажем, названия

уже упоминавшихся книг писателя: заголовок “*Les minutes de Sable memorial*” может быть прочитан как «Минуты памятного песка» или же «Песочные часы памяти»; “*La chandelle verte*” может переводиться как «Зеленая свеча», и в этом случае позволяет думать о свете, знаниях... Однако этот смысл в духе патафизического учения сосуществует здесь с другими потенциальными прочтениями слова “*la chandelle*”, характерными для разговорного языка: сопля, фаллический образ, женщина легкого поведения.

Еще одним ярким подтверждением участия художественного языка Жарри в патафизически-смеховом переделе метафизических моделей бытия может служить эпиграф, предшествующий пьесе «Убю король»: «Ибо затрясоху Папаша Убю башкою, то агличане с той поры его прозвали Шекеспером, и под сим именем до вас дошло премногое число отменнейших трагедий» [Жарри 2002: 11]. (“*Adonc le Père Ubu hocha la poire, dont fut depuis nommé par les Anglois Shakespeare, et avez de lui sous ce nom maintes belles tragcedies par escript*” [Jarry 1962: 30]). Здесь комическое у Жарри основывается на полном произволе, на отклонении (клинамене) от логики, произвольном соотношении означающего и означаемого. Папаша Убю получает прозвище «Шекеспира» в силу того, что он «затряс башкою». Шекспир реальный оказывается фикцией, точно так же, как и его имя, которое означает «потрясающий копьём». При этом речь идет не столько о языковой игре, сколько о полном освобождении от связи высказывания с объективной реальностью и от внутриволюлогической связности высказывания, которое основывается в данном случае на одном языковом элементе, присутствующем в имени реального Шекспира — тряссти, потрясать. Далее следует произвол, копьё превращается в «башку», Шекспир становится персонажем пьесы Жарри, а его имя оказывается своеобразным псевдонимом Убю — автора трагедий. Поскольку Шекспир как реальный автор отменяется, все, приписываемое ему, переходит к герою Жарри. Вымышленный персонаж Убю заменяет историческую личность.

Смех у Жарри, будучи всецело обусловленным патафизической идеей, вступает в противоречие с самим понятием комического в традиционном его понимании. Весьма любопытным в этом плане представляется дискуссия, которая возникла по поводу смеха Жарри между Р. Домалем, Ж. Торма, и Коллежем патафизики [См.: Хьюгилл: 246—250]. Предлогом спора послужило эссе Домаль «Патафизика и явление смеха», опубликованное во втором выпуске альманаха “*Bifur*” (1929). Домаль, писатель близкий по эстетическим ориентациям к сюрреалистическим кругам, считает, что: «Патафизический смех — это глубокое осознание абсурдной двойственности, которая не может не бросаться в глаза; в этом смысле он является единственным человеческим выражением единства противоположностей». Смех патафизика, с его точки зрения, — «единственное выражение человеческого отчаяния» [Домаль: 52]. Для Торма¹, с которым соглашались и представители Коллежа патафизики, даже такой радикальный вывод смеха Жарри за пределы традиции недостаточно патафизичен, поскольку продолжает оставаться в определенной иерархии ценностей: «Поставьте метафизику сзади

---

¹ Ж. Торма — личность в какой-то мере сама по себе тоже патафизическая, в силу того что о биографических фактах его жизни известно чрезвычайно мало, и они документально никак не подтверждены. Это же касается и его загадочной смерти, в связи с чем возникают подозрения, что он — очередная литературная мистификация, созданная или одним, до сих пор не установленным автором, или порожденная коллективной фантазией Коллежа патафизики (любопытно, кстати, что даты его создания и рождения Торма совпадают, это оказывается важным аргументом для сторонников теории мистификации).

патафизики, и вы сделаете из нее всего лишь фасад веры. Так вот, суть патафизики в том, что она фасад фасада, за которым ничего нет». С точки зрения Торма, патафизика находится вне пределов смеха и даже улыбки. Торма упрекает Домалья в том, что, говоря о хаосе, он верит в него «точно в какое-то божество», что его патафизик «слишком много смеется»: «Не могу представить себе, чтобы Фаустроль смеялся <...>. Как же вы можете писать “Фаустроль ухмыляется” <...> Фаустроль невозмутим» (Цит. по: [Хьюгилл: 244]).

Даже не вникая глубоко в суть спора, можно понять, что он выявляет главную особенность комического у Жарри. В его творчестве, впрочем, как и в его личной жизни (о чем свидетельствуют многочисленные анекдотические истории, связанные с его именем (см., например: [Lot: 28—38]), комизм теряет привычный смысл, являясь средством преодоления метафизического образа мышления через отклонения от нормы разумности, но не для того, чтобы восстановить ее, как, например, у Рабле, а напротив, окончательно уничтожить всякую нормативность через патафизическую трансгрессию, направленную против логоцентризма с его бинарной структурой, разрушая границы между смешным и страшным, реальным существованием и творчеством, жизнью и смертью и т. д. Перефразируя определение, данное учению Фаустролля, можно сказать, что смех Жарри простирается за пределы комического столь же далеко, как патафизика за пределы метафизики. Подобно тому, как существует понятие раблезианский смех, можно говорить и об особом — патафизическом — смехе Жарри.

Список источников

- Домаль Р. Великий запой: роман; Эссе и заметки. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2012.
 Жарри А. «Убью король» и другие произведения. М.: Б.С.Г. ПРЕСС, 2002. 603 с.
 Jarry A. La chandelle verte. Le Castor Astral, 2007.
 Jarry A. Les Minutes de sable mémorial *Suivi* de César-Antéchrist, Paris: Fasquelle éditeurs, 262 p.
 Jarry A. Tout Ubu, Paris: Librairie Générale Française, 1962, 502 p.

Список литературы /References

- Аристотель. Поэтика. М.: ГИХЛС, 1957. 183 с.
 (Aristotle. Poetics, Moscow, 1957, 183 p. — In Russ.)
 Боров Ю.Б. Эстетика. М.: Политиздат, 1988. 496 с.
 (Borev Yu. B. Aesthetics. Moscow, 1988, 496 p. — In Russ.)
 Делёз Ж. Критика и клиника. СПб.: Machina, 2002. 240 с.
 (Deleuze G. Critique and Clinic, St. Petersburg, 2002, 240 p. — In Russ.)
 Лукреций. О природе вещей. Л.: Изд-во АН СССР, 1945. 452 с.
 (Lucretius. On the Nature of Things, Leningrad, 1945, 452 p. — In Russ.)
 Таганов А.Н. Буффонное слово в творчестве Альфреда Жарри (Оперетта-буфф «Леда») // Художественное слово в пространстве культуры. Функции и трансформации. Иваново: ИВГУ, 2006. С. 85—92.
 (Taganov A.N. Buffoonery in the works of Alfred Jarry (Operetta-buffo “Leda”), *Artistic expression in cultural space. Functions and transformations*, Ivanovo, 2006, pp. 85—92. — In Russ.)
 Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.
 (Heidegger M. Time and being: Articles and speeches, Moscow, 1993, 447 p. — In Russ.)
 Хьюгилл Э. Патафизика. Беспольный путеводитель. М.: Гилея, 2017. 430 с.
 (Hugill A. Pataphysics. A useless guidebook, Moscow, 2017, 430 p. — In Russ.)
 Breton A. Anthologie de l’humour noir, Paris: Jean-Jacques Pauvert, 1966, 446 p.
 Lot F. Alfred Jarry: son, oeuvre, portrait et autographe, Paris: Ed. de la Nouvelle Revue Critique, 1934, 80 p.

THE NATURE OF THE COMIC IN THE WORKS OF ALFRED JARRY

Alexandr N. Taganov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, shishtag@mail.ru

Abstract. This study examines the nature of the comic in the work of the French writer Alfred Jarry. At first glance, it is explained by traditional structural features, based on the principle of the juxtaposition of opposing phenomena. When perceiving Jarry's texts, the reader may think that the writer protests against the ugly aspects of life and human nature. If that is so, Jarry is comparable to Rabelais and other famous masters of laughter. However, when determining the specificity of Jarry's comic principle, one must consider its universal conceptual nature. The fundamental contradiction underlying his comic style is the opposition to a metaphysical mode of thought of the doctrine which Jarry characterises as “pataphysics”. Becoming Jarry's primary means of overcoming a metaphysical worldview, the comic is generated in his texts through a phenomenon he designates as “clinamen”, a term deriving from Epicurus's teaching on the atom, which is capable of making minor, arbitrary deviations from a straight line of fall, thus demonstrating the presence of freedom in nature. In Jarry, the comic, while losing its familiar meaning, serves as a means of overcoming a metaphysical way of thinking through deviations from the norm of rationality. Not for the purpose of restoring it, as in Rabelais, for example, but rather to ultimately destroy all normativity through the pataphysical destruction of logocentrism and its binary structure.

Keywords: Jarry, comic, laughter, metaphysics, pataphysics, clinamen

For citation: Taganov A.N. The nature of the comic in the works of Alfred Jarry, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 2, pp. 43—51.

Статья поступила в редакцию 11.12.2025; одобрена после рецензирования 16.01.2026; принята к публикации 16.03.2026.

The article was submitted 11.12.2025; approved after reviewing 16.01.2026; accepted for publication 16.03.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Таганов Александр Николаевич — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры зарубежной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, shishtag@mail.ru, SPIN: 8947-6147

Taganov Alexandr Nikolaevich — Doctor of Sciences (Philology), Professor, Professor of Foreign Philology Department, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, shishtag@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки 2026. Вып. 2. С. 52—60.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 2. P. 52—60.

Научная статья

УДК 82.01:111.852:141.32

EDN <https://elibrary.ru/tyhwqt>

DOI: 10.46726/И.2026.2.7

ИДЕЯ СОВРЕМЕННОГО ХУДОЖНИКА В АМЕРИКАНСКИХ ЛЕКЦИЯХ У.Х. ОДЕНА

Екатерина Дмитриевна Ботвинова

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия,
katybotvinova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена американским лекциям У.Х. Одена, прочитанным в Новой школе социальных исследований в 1946—1947 гг. Анализируется контекст лекций, их связь с модернистской традицией. Освещаются особенности лекторской стратегии У.Х. Одена, направленной на актуализацию шекспировских пьес и деканонизацию образа драматурга. Проблема, вокруг которой строится исследование, связана с оденовской интерпретацией «Гамлета» и Гамлета. Оден не только соглашается с утверждением Т.С. Элиота о «художественной неудаче» Шекспира, но и фокусируется на Гамлете как на герое-актере, интерпретируя этого персонажа через призму теории «эстетического» существования С. Кьеркегора. В статье показано, что У.Х. Оден связывает теорию «эстетического» существования с критикой романтического движения. Поэт проводит параллели между Гамлетом и Шекспиром, Шекспиром и современным художником. У.Х. Оден, обращаясь к концепции С. Кьеркегора, переосмысливает как образ Гамлета, так роль художника в современном мире.

Ключевые слова: современный художник, Шекспир, Гамлет, Кьеркегор, эстетическое существование, модернизм

Для цитирования: Ботвинова Е.Д. Идея современного художника в американских лекциях У.Х. Одена // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 52—60.

У.Х. Оден прочитал лекцию о «Гамлете» в 1947 году в Новой школе социальных исследований (New School for Social Research) в Гринвич-Виллидж, районе Нью-Йорка, в котором поэт поселился по возвращению из поездки в послевоенную Германию. По свидетельству Питера М. Руткоффа, Новая школа, основанная группой прогрессивных интеллектуалов в 1918 году, была задумана в качестве альтернативы традиционному университетскому образованию в Америке [Rutkoff, Scott 1986: xii]. Новая школа воплотила модель высшего образования, где можно было свободно учиться и обмениваться идеями с учёными и деятелями искусства.

Идея возникла, когда в 1933 году первый директор школы Элвин Джонсон основал Университет в изгнании (University in Exile) для еврейских ученых. Среди ученых, читавших лекции в университете, были экономисты Адольф Лоу и Роберт Хайлбронер, социологи Эмиль Ледерер и Питер Бергер, психологи Макс Вертгеймер и Джером Брунер, историк Чарльз Тилли, философы Ханна Арент и

Лео Штраус. Университет в изгнании позднее был переименован в Новую школу социальных исследований [Там же].

В качестве приглашенного лектора Оден читал в Новой школе курс по всем пьесам и сонетам Шекспира с октября 1946 по май 1947 года. Впоследствии Артур Кириш восстановил эти лекции по конспектам студентов, слушавших курс, и объединил их в сборник «Лекции о Шекспире» [Kirsch: 191]. Ч. Миллер, один из студентов Одена, вспоминал о провокационной манере подачи материала, «напускной легкомысленности» по отношению к Шекспиру [Miller: 29]. Эта манера, согласно Миллеру, была непосредственно связана со стремлением Одена рассказать о Шекспире как живом явлении, а не литературном памятнике.

Лекторская стратегия Одена отражена в языке «Лекций», в которых поэт соединяет формы массовой и высокой культуры: газетные статьи, эпизоды из кинофильмов и комиксов соседствуют с теориями С. Кьеркегора и З. Фрейда. Поэт сравнивает персонажей «Троила и Крессиды» с героями комиксов У. Стейга, а в лекции о «Ромео и Джульетте» проводит параллель между героями кинофильмов и трагедий. В лекции об «Антонии и Клеопатре» Оден, рассуждая об особенностях трагической вины в пьесе, говорит о героях трагедий Шекспира не как о застывших характерах, а о «живых» персонажах (людях), чья психология, желания и поступки, знакомы современникам поэта: «Мы видим злобу и честолюбие Ричарда III, невежество Ромео и Джульетты, уныние Гамлета, честолюбие Макбета» [Оден: 420]. Однако Оден не столько исследует психологию шекспировских персонажей, сколько обращается к обыденному опыту аудитории, желая актуализировать пьесы Шекспира, сделать их «живыми», современными.

Разговорный, шутивно-пренебрежительный тон отчетливо слышится в характеристике второстепенных персонажей «Гамлета»: «Полоний — эдакий горе-прагматик, раздающий советы направо и налево и подглядывающий за интимной жизнью своих детей. Лаэрт хочет выглядеть блестящим светским франтом, который всюду вхож, — но только не тронь мою сестру!» [Там же: 282]. Оден приглашает слушателей поразмышлять над пьесой вместе с ним, разрушает стереотипы, чтобы представить Шекспира как живого, современного художника, который близок и самому поэту, и слушателям его лекции.

Рассуждая о Шекспире, Оден, как правило, выбирает глаголы настоящего времени: «В это время Шекспира интересуют разные техники письма» [Там же: 285]. По мысли Одена, драматический поэт может вообразить чувства любого человека, и поэтому задается вопросами: «Что есть я? Что я чувствую? Могу ли я чувствовать?» [Там же]. В лекции о «Троиле и Крессиде» Оден размышляет о Шекспире как о художнике-экспериментаторе, который пребывает в постоянном поиске новых художественных задач. Шекспир, подобно Вагнеру или Пикассо, всегда пробует себя в чем-то новом. Шекспир, по мысли Одена, остается живым и современным, потому что, исследуя новое, не боится риска и неудачи, он готов к «провалу». В лекциях поэт проводит параллель между Шекспиром и современным художником, Шекспиром и самим собой.

Очевидно, неортодоксальность лекций Одена отвечала свободному духу Новой школы, которая с момента своего основания стала оплотом новаторской мысли, но не только: Шекспир интересует Одена как художник, прямо обращающийся к современному человеку. Как пишет Джовани Чианчи, в этом Оден следует за такими модернистами, как Т.С. Элиот, Э. Паунд, которые стремились деканонизировать Шекспира, разрушить «памятник» (“monumental Shakespeare”), воздвигнутый романтиками и академической критикой XIX века [Cianci: 77—78]. Стоит упомянуть, что особое значение для Одена имели работы У. Найта, который стоял в авангарде модернистской критики. Найт фокусировался не на сюжете

и характерах, а на образах и символах, которые раскрывают художественный потенциал пьес Шекспира [Murtagh:12].

Лекцию о «Гамлете», прочитанную 12 февраля 1947 года, Оден начинает с язвительной шутки о выступлении Сары Бернар, которая во время выступления сломала ногу [Оден: 282]. Иронический эффект в этой фразе создается за счет двойственности смысла. С одной стороны, фраза “break a leg” связана с реальным событием: Сара Бернар действительно повредила ногу во время выступления, однако позднее, в 1905 году, в финальном акте «Тоски». С другой, идиома “break a leg” означает пожелание удачи актеру перед выступлением. В этой фразе Оден делает комплимент Саре Бернар, рискнувшей сыграть Гамлета, но в то же время подчеркивает, что ее попытка оказалась несостоятельной и комичной, так как актриса играла роль, которая в пьесе не определена, «оставлена открытой». Однако вслед за этим Оден всерьез обращается к важной проблеме: Гамлет-персонаж и его функция в художественном целом «Гамлета» Шекспира.

Размышляя о Гамлете-персонаже, Оден цитирует эссе «Гамлет и его проблемы» и соглашается с Элиотом в том, что пьеса — «художественная неудача» [Там же]. В статье «Гамлет и его проблемы» Элиот писал: «это, безусловно, художественная неудача драматурга» [Элиот: 152]. Но понимание «художественной неудачи» у Одена и Элиота разнится. В эссе Элиот соглашается с Э.Э. Столлом, который представил новое понимание Гамлета в книге «Гамлет: исторический и сравнительный анализ» (1919) в том, что необходимо сосредоточиться на самой пьесе, ее художественной форме, а не на психологической характеристике Гамлета. «Мало кто из критиков признавал, что главный вопрос в “Гамлете” — сама пьеса, а личность Гамлета — вопрос второстепенный», — пишет Элиот [Там же: 151]. Оден, в свою очередь, «художественную неудачу» связывает с увлеченностью Шекспира драматическими монологами, которые «можно *отделить* как от персонажей, так и от пьесы» [Оден: 282].

Расхождения наблюдаются и в анализе первоисточников. Элиот, ссылаясь на книгу Дж.М. Робертсона «Проблема Гамлета» (1919), замечает, что «Гамлет» представляет собой «напластование», текст, который воспринимается как «наложение на гораздо более грубую основу» [Элиот: 152]. Оден считает нужным упомянуть первоисточники пьесы (от Грамматика до Бельфоре), чтобы показать концептуальные различия между текстами и обнажить художественные промахи и новшества Шекспира. Так, Оден обращает внимание на то, что в отличие от «Орестеи» Эсхила или «Испанской трагедии» Кида мотив мести в пьесе Шекспира остается не проясненным. Промахи Оден видит и во второстепенных сюжетных линиях, которые плохо согласуются с основным сюжетом, будь то «наспех набросанный портрет Фортинбраса» или побочные эпизоды с Лаэртом [Оден: 286].

В эссе «Гамлет и его проблемы» Элиот связывает неудачу Шекспира не с сюжетом, но с Гамлетом. Принц неспособен выразить свои чувства, найти им соответствие в реальных событиях и ситуациях, именно поэтому он «медлит с отмщением» [Элиот: 155]. Шекспиру, по мысли Элиота, не удалось найти ту драматическую форму, которая смогла бы представить спектр эмоций Гамлета: «В нем это буффонада чувства, которое не может найти выход в действии; в драматургии же это буффонада эмоции, которую он не может выразить средствами искусства» [Там же: 155]. По этой причине пьеса «Гамлет» лишена художественного единства.

Оден, на первый взгляд следует за Элиотом, объясняя, что Гамлет — «бездействующий персонаж», который «плохо вписывается в ткань пьесы» [Оден: 282]. Оден продолжает мысль о том, что чувства, которые испытывает Гамлет, не только оттягивают момент мести, но и мешают персонажу стать частью сюжета:

чувства, которые Гамлет испытывает к матери, «представляется совершенно несоизмеримым ее фактическому поведению» [Там же: 286]. Элиот писал, что Гамлет «столкнулся с тем, что испытываемое им чувство отвращения связано с матерью, но целиком это чувство мать не воплощает — оно и сильнее, и больше ее» [Элиот: 155]. В отличие от него, Оден заостряет внимание на чувстве меланхолии, которая выбивается из «сюжетной канвы пьесы» [Оден: 288]. Поэт замечает, что в прощальной речи Гамлета «сквозит тщеславие, как во многих предсмертных записках самоубийц» [Там же]. Думается, Оден здесь указывает на то, что принц не столько стремится восстановить справедливость, сколько обеспокоен своим образом в глазах других: в последний момент он просит Горацио «поведать правду» о себе, а не покорствуется судьбе. Гамлет, желая быть услышанным, будто бы драматизирует момент смерти, до последнего цепляясь за собственный образ. Оден, помещая в одно контекстуальное поле меланхолию и тщеславие, намечает новый путь в понимании «меланхолического принца».

В лекции обыгрывается значение глагола “act” — действовать, играть: «Гамлету хотелось бы стать героем античной трагедии, жертвой рока. Отсюда его неспособность действовать, ибо он может только играть — играть возможностями выбора» [Там же: 290]. По мысли Одена, принц оказывается порождением ситуации, однако, например, в греческой трагедии выбор героя уже предопределен судьбой и его действия обусловлены необходимостью (роком). Гамлет же не может довериться судьбе, и даже когда он сталкивается с необходимостью отомстить, то глубокие размышления заставляют отложить месть. В то же время Оден противопоставляет Гамлета герою античной трагедии, используя конструкцию “He would like to become” («хотел бы стать»). Гамлету открывается множество возможностей, но в последний момент он отрекается от выбора. Иными словами, Оден не находит в пьесе злого рока (стимула извне), который бы заставлял Гамлета действовать. Согласно Одену, существование принца пронизано скукой, которая нивелирует необходимость действия (“He is fundamentally bored”). Поэтому «поведение принца театрально»: он обдумывает различные сценарии, «играет возможностями», но не воплощает ни одну из них. Гамлет не обладает собственным бытием, он — актер, который играет самого себя. Вот почему «Гамлет <...> вынужден определять свое бытие в категориях других людей» [Там же: 290]. Гамлет, по мысли Одена, замкнут на себе самом, ему не по силам выйти за пределы собственного «Я»: «его задача найти себя и принять настоящее» [Там же: 290]. Показательно, что понятия «меланхолия» и «скука» в лекции Одена выступают контекстуальными синонимами. Эта связь становится очевидной благодаря длинной цитате из С. Кьеркегора, меняющей оптику восприятия как персонажа, так и пьесы: «мне угодно доставить им удовольствие, и потому оттолкнуться от следующего принципа — все люди скучны. <...> Если же кто-то пожелает достичь максимальной мощности импульса, так, чтобы под угрозой оказалась сама движущая сила, нужно только сказать себе: скука — корень всех зол» [Там же: 291].

Поэт был хорошо знаком с философским наследием Кьеркегора, большая часть которого была переведена на английский язык ещё в 1935 году Дэвидом и Лилиан Свенсон и Уолтером Лоури под чутким руководством Чарльза Уильямса [Lisi: 18—19]. Известно, что Оден, помимо рецензии на перевод «Или — Или» (1944), составил антологию из фрагментов ключевых произведений Кьеркегора «Живые мысли» (1952). Работы Кьеркегора «Страх и трепет», «Болезнь к смерти» перевел Уолтер Лоури в 1941 году. Дэвид и Лилиан Свенсон в 1944 году перевели на английский язык «Или — или. Фрагмент из жизни».

Л.Ф. Лиси подчеркивает, что Кьеркегор оказал значительное влияние на жизнь и творчество Одена [Там же: 20].

Впервые понятие «меланхолия» (“*tungsind*”) появилось в магистерской диссертации Кьеркегора «О понятии иронии с постоянной ссылкой на Сократа» (1840), в которой философ критиковал романтическое представление об иронии. В.О. Пигулевский в книге «Ирония и вымысел: от романтизма к постмодернизму» пишет, что романтическая ирония отрицает реальный мир, освобождая «Я» художника, которое становится абсолютом [Пигулевский: 247]. В этом отъединении свободного «Я» от универсума кроется причина, почему Кьеркегор критикует романтическую иронию. Она дает свободу, но в негативном смысле: ирония, отрицающая реальность, обнаруживает «противоречие уникального “Я” и универсального мира» [Там же: 248]. Как замечает Уодхемс, ирония у романтиков, обнажая разлад между человеком и миром, приводит к состоянию отчужденности, скуки и меланхолии [Wadhams: 13—14]. Ироник не преодолевает отчуждение, он занимает позицию наблюдателя, цепляясь за мир собственных грез и мимолетных настроений. П. Гайденко в статье «Кьеркегор и философско-эстетические истоки экзистенциализма» отметила один из путей преодоления этого конфликта, выбранный Кьеркегором: перенести конфликт личности и мира во внутренний мир самой личности [Гайденко]. «Меланхоличный принц» Одена обнаруживает разительное сходство с кьеркегоросским ироником — Гамлет лишь наблюдатель, терзаемый скукой: «Гамлет мог немедленно отомстить за отца или же сказать, что не его дело судить других, это удел Божий. Гамлет не делает ни того, ни другого. Он лишь находит ситуацию интересной» [Оден: 290].

С. Кьеркегор размышлял о «меланхолии» в книге «Или — или». О. Старцева в статье «Ангел эстетики. Об истории, красоте и меланхолии» указывает на то, что Кьеркегор в книге «Или — или» определяет меланхолию как болезнь духа, состояние, при котором человек пребывает в вечной нерешительности и отчуждении: он не может понять свои чувства и мотивы, постичь сущность своего бытия [Старцева: 30—32]. Меланхолик, попав в плен своих возможностей, не в состоянии их реализовать. По мысли Кьеркегора, только тот, «кто обладает собою самим в своей вечной значимости, конечно же, находит для себя смысл в этой жизни» [Кьеркегор: 667] — только он может преодолеть меланхолию. Таким образом, Кьеркегор переносит конфликт между «Я» и миром в сферу внутреннего выбора, самопознания, благодаря которому возможно преодолеть меланхолию. Скука, сопутствующая меланхолии, о которой пишет Кьеркегор в «Или — или», представляет собой состояние человека, потерявшего интерес к жизни: занятия, которые изначально приносили удовольствие, превратились в напоминание о тривиальности существования. Оден, цитируя Кьеркегора, соглашается с мыслью том, что человек, заражённый меланхолией, становится пленником самого себя, он не может открыться другому. Под «другими» Оден подразумевает не только окружение принца, но и Бога: Гамлету, не достает «ни веры в Бога, ни в самого себя» [Оден: 290]. Меланхолия у Одена, как и у Кьеркегора, означает духовный кризис, однако Гамлет, погруженный в свой внутренний мир, не предпринимает попыток, чтобы его преодолеть.

Исследователи Кьеркегора связывают состояние меланхолии с эстетической стадией существования, которая знаменует первую ступень в стадильной концепции философа (где вторая ступень — этическое существование, третья — религиозное). На эстетической стадии, по Кьеркегору, жизнь человека наполнена удовольствиями: чувственными, интеллектуальными, художественными. Как показывает Е.Н. Левичева, в наслаждениях эстетик спасается от осознания пустоты,

зияющей там, где должно находиться его внутреннее «я», «убегает от бремени личностного самоопределения» [Левичева: 62—68].

Как утверждает А. Гельцер-Говатос, стадийная концепция Кьеркегора получает художественное воплощение в его поэзии и прозе Одена [Gelzer-Govatos: 154]. По свидетельству А. Кирша, поэт обращается к мысли Кьеркегора после переезда в Америку в 1939 году. В предисловии к книге «Свирепый потоп» Оден интерпретирует стадийную концепцию Кьеркегора с точки зрения героической власти: эстетическому герою судьба преподносит исключительные дары, будь то талант или положение в обществе. Этический герой, как например Сократ, обладает большим знанием, чем другие; религиозный герой, в свою очередь, преданно служит «абсолютной истине, своему богу» [Kirsch: 99].

Поэтическим примером стадийной концепции служит поэма «Море и зеркало», где шекспировские персонажи распределены в соответствии с триадой: эстетическое — этическое — религиозное: Просперо воплотил эстетическую ступень; Миранда, Фердинанд и Гонзало — этическую, Калибан — религиозную. Э. Каллан так же указывал на то, что сборник эссе «Рука красильщика» (“The Dyers Hand And Other Essays”, 1962) был составлен Оденем согласно этой же концепции [Callan: 134]. Точка зрения Э. Каллана подкрепляется письмом Одена Стивену Спендеру, в котором поэт описал сборник «Рука красильщика» как книгу, в которой лейтмотивами звучат темы искусства и христианства [Kirsch: 74].

Гамлет Одена, на первый взгляд, не столь очевидно вписывается в стадийную концепцию Кьеркегора. Однако образ Гамлета появляется вновь в лекции 1949 г., которую Оден читал в Виргинском университете [Там же: 99]. Позднее лекция стала частью книги «Свирепый потоп: романтическая иконография моря» (1950). Здесь Оден пишет о Гамлете как о «первом герое романтического типа» [Auden 1985: 97]. Поэт называет Гамлета романтическим героем-мстителем, который не может найти свое призвание, выбрать его для себя, поэтому оно дается ему извне, поскольку он «боится, что не найдет свое призвание, и все же не может выбрать его для себя, как это делает Дон Кихот» [Там же]. Романтический герой, в понимании Одена, становится заложником обстоятельств, обнажая паралич собственной воли.

Подобная характеристика персонажа связана с неоднозначным представлением Одена о романтизме. Как замечает А. Джейкобс, в понимании поэта романтизм представляет собой не застывшее, монументальное целое, а сложное, противоречивое явление, «живую силу, питающую поэзию настоящего времени» [Jacobs: 61]. Оден, с одной стороны, критикует романтическое представление о поэте как о «свидетеле истины», убеждение в преобразующей силе искусства. С другой, обращается к собственному поэтическому опыту: после переезда в Америку он переосмысливает творческий путь, отвергая представление о силе поэтического слова, которое направляет и совершенствует человека. Представление поэта о романтизме накладывается на концепцию эстетического существования Кьеркегора. В «Свирепом потоке» Оден, распределяя персонажей по стадиям, относит капитана Ахава, Дон Жуана к плеяде романтических героев и в то же время пишет об их эстетическом существовании. Таино, Дон Кихот занимают противоположную сторону, оставаясь примерами религиозных героев.

Наиболее отчетливо концепция Гамлета-эстетика проговаривается в «Свирепом потоке», где Гамлет противопоставляется Дон Кихоту как эстетический герой — религиозному. Дон Кихот уподобляется апостолу, «рыцарю веры», который беспрестанно терпит поражения в приключениях и все равно упорствует. А Гамлет, подобно герою античной трагедии, стремится определить себя через

ситуацию, стать заложником рока: «я человек, чья мать вышла замуж за дядю, брата и убийцу своего мужа» [Auden 1985: 97].

Образ Гамлета-актера, на котором Оден акцентирует внимание как в лекции, так и в эссе, как будто связан с метафоричностью самой пьесы. Как пишет Энн Райтер, «Гамлет» — это трагедия, в которой доминирует идея театрального представления: «актер держит зеркало перед природой, а та, в свою очередь, отражает особенности пьесы» [Righter: 142—143]. Как писал Л. Пинский, принц в пьесе выступает в роли актера и режиссёра, ясно осознавая свое время, его театральность. Гамлет «знает природу театра как художественного искусства, природу иллюзии и правды в театре» [Пинский: 564]. Постановка «мышеловки» открывает Гамлету новое амплуа, амплуа драматурга.

В лекции Оден утверждает, что пьеса написана Шекспиром с «пренебрежением к ремеслу актера»: «Сложность роли Гамлета в том, что он — актер, а играть самого себя невозможно. Самим собой можно только *быть*» [Оден: 291]. Фраза, с одной стороны, указывает на сущность образа принца-актера, а с другой — вторит оденовскому представлению об эстетическом существовании. В то же время Оден приравнивает Гамлета к драматургу, чей спектакль «вызывает страшные страдания» [Там же: 289]. Искусство Гамлета-драматурга трагически влияет на судьбы других персонажей пьесы. В эту оценку «мышеловки» Оден вкладывает свою критику романтического представления об искусстве как о действенной, преображающей силе. В «Предисловии» к «Морю и зеркалу» он подчеркивал, что «ни одна метафора не в силах передать» трагедии и катастрофы внепоэтической реальности [Auden 2005: 4].

Подобное понимание Гамлета сближает его с другим персонажем — Просперо. В комментарии к лекции о Гамлете Оден пишет, что Просперо — «это Гамлет, превратившийся в кукловода» [Auden, Kirsch: 300]. Действительно, Просперо, подобно Гамлету, определяет себя через события, также лелея возможность отомстить. Однако, в отличие от Гамлета, Просперо раскаивается, иными словами — встает на путь искупления. Таким образом, Гамлет в интерпретации Одена представляет собой прообраз Просперо. Просперо, в свою очередь, воплощает одновременно романтического героя и раскаивающегося художника, осознает границы своего искусства и совершает решительный поступок — отпускает Ариэля, отрекаясь от своей силы. Меланхолия Гамлета, его скепсис, лишают принца возможности выйти за пределы собственного «я», а значит и решительного действия. Важно, что это убеждение касается и самого Шекспира, «который никогда не воспринимал себя слишком серьезно» и поэтому «не пытался сделать больше, чем может» [Оден: 554]. Поэт, размышляя о современном художнике, выстраивает параллель: Гамлет — Просперо — Шекспир. Очевидно, в эту триаду Оден включает и самого себя. Современный художник, по мысли Одена, не может быть сосредоточен на своем «Я», верить, что его искусство способно что-либо изменить.

Список источников

- Оден У.Х. Лекции о Шекспире / пер. с англ. М. Дадына. М.: Изд-во Ольги Морозовой, 2008. 576 с.
- Auden W.H. The Sea and the Mirror: A Commentary on Shakespeare's The Tempest, Princeton: Princeton University Press, 2005, 154 p.
- Auden W.H. The Enchafèd Flood: or, The Romantic Iconography of the Sea, London: Faber & Faber, 1985, 136 p.
- Auden W.H., Kirsch A.C. Lectures on Shakespeare, Princeton University Press, 2019, 431 p.

Список литературы / References

- Гайденко П. Кьеркегор и философско-эстетические истоки экзистенциализма // Вопросы литературы. 1967. № 7. С.133—157.
(Gaidenko P. Kierkegaard and the philosophical and aesthetic source of existentialism, *Voprosy literatury*, 1967, no. 7, pp. 133—157. — In Russ.)
- Кьеркегор С. Или — или. Фрагмент из жизни: в 2 ч. / пер. с дат., вступ. ст., коммент., примеч. Н. Исаевой и С. Исаева. СПб.: Издательство Русской Христианской Гуманитарной Академии: Амфора. ТИДАмфора, 2011. 829 с.
(K'erkregor S. Either/Or: A fragment of life, ed. by N. Isaeva, S. Isaev, Saint Petersburg, 2011, 829 p. — In Russ.)
- Левичева Е.Н. Религиозная антропология Сёрена Кьеркегора: дис. ... канд. филос. наук. М.: МГУ, 2006. 158 с.
(Levicheva E.N. Religious anthropology by S. Kierkegaard, dis. ... Candidate of Sciences (Philosophy), Moscow, 2006, 158 p. — In Russ.)
- Пинский Л. Шекспир. М.: Молодая гвардия, 1956. 601 с.
(Pinskii L. Shakespeare, Moscow, 1956, 601 pp. — In Russ.)
- Пигулевский В.О. Ирония и вымысел: от романтизма к постмодернизму. Ростов-на-Дону: Фолиант, 2002. 418 с.
(Pigulevskii V.O. Irony and fiction: from romanticism to postmodernism, Rostov-on-Don, 2002, 418 pp. — In Russ.)
- Старцева О. Ангел эстетики. Об истории, красоте и меланхолии // Terra Aestheticae. 2019. № 1 (3). С. 28—42.
(Startseva O. The angel of aesthetics. About history, beauty and melancholy, *Terra Aestheticae*, 2019, no. 1 (3), pp. 28—42. — In Russ.)
- Элиот Т.С. Назначение поэзии. Статьи о литературе / пер. с англ. Киев: AirLand, 1996. 350 с.
(Eliot T.S. The Purpose of poetry. Articles on literature, Kiev, 1996, 350 p. — In Russ.)
- Callan E. Auden's Ironic Masquerade: Criticism as Morality Play, *University of Toronto Press*, vol. 35, no. 2, January 1966, pp. 133—143.
- Cianci G., Patey C. M. Will the Modernist: Shakespeare and the European Historical Avant-Gardes, *Cultural Interactions: Studies in the Relationship between the Arts*, Berlin: Peter Lang, 2014, 312 p.
- Gelzer-Govatos A. From the Papers of One Still Living: Kierkegaard and British Literature, 1932—1995: PhD diss., St. Louis: Washington University in St. Louis, 2020, 245 p.
- Jacobs A. What Became of Wystan, Fayetteville (Arkansas): University of Arkansas Press, 1998, 160 p.
- Kirsch A. Auden and Christianity, New Haven: Yale University Press, 2008, 240 p.
- Lisi L.F. W.H. Auden: Art and Christianity in an Age of Anxiety, *Kierkegaard's Influence on Literature, Criticism and Art*, vol. 4: The Anglophone World, ed. by Jon Stewart, Farnham: Ashgate, 2013, pp. 20—46.
- Miller Ch. H. Auden, an American Friendship, N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1983, 180 p.
- Murray N. Hamlet and Character in Modernist Criticism, *The Review of English Studies*, 2020, vol. 71, no. 35, pp. 952—968.
- Rutkoff P.M.R., Scott W.B. New School: A History of The New School for Social Research, N.Y.: Free Press, 1986, 346 p.
- Righter A. Shakespeare and the Idea of the Play, N.Y.: Barnes & Noble, 1962, 212 p.
- Wadhams L. Kierkegaard's Theory of Boredom and the Development of Personality: PhD diss., University of Kentucky, 2020, 231 p.

THE IDEA OF A MODERN ARTIST IN THE AMERICAN LECTURES BY W.H. AUDEN

Ekaterina D. Botvinova

Russian state university for the humanities, Moscow, Russian Federation,
katybotvinova@mail.ru

Abstract. The article examines the lectures delivered by W.H. Auden at the New School for Social Research in 1946—1947. The context of the lectures and their connection with the modernist tradition are analyzed. The article highlights W.H. Auden's lecturing strategy and shows how Auden 'decanonized' Shakespeare's image. The article addresses Auden's interpretation of Hamlet and the character of Hamlet. Auden not only agrees with T.S. Eliot's statement about Shakespeare's "artistic failure", but also focuses on Hamlet as an actor, interpreting the character through the lens of S. Kierkegaard's theory of "aesthetic" existence. The article shows that W.H. Auden connects the idea of "aesthetic" existence with his own criticism of the Romantic movement. The poet draws parallels between Hamlet and Shakespeare and between Shakespeare and the modern artist. Referring to the concept of S. Kierkegaard W.H. Auden reinterprets both the image of Hamlet and the role of the artist in the modern world.

Keywords: a modern artist, Shakespeare, Hamlet, aesthetic existence, Kierkegaard, modernism, Auden

For citation: Botvinova E.D. The idea of a modern artist in the American lectures by W.H. Auden, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 2, pp. 52—60.

Статья поступила в редакцию 24.12.2025; одобрена после рецензирования 29.01.2026; принята к публикации 16.03.2026.

The article was submitted 24.12.2025; approved after reviewing 29.01.2026; accepted for publication 16.03.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Ботвинова Екатерина Дмитриевна — аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, katybotvinova@mail.ru

Botvinova Ekaterina Dmitrievna — postgraduate, Russian state university for the humanities, Moscow, Russian Federation, katybotvinova@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 61—65.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 2. P. 61—65.

Научная статья

УДК 811.111'36:372.881.111

EDN <https://elibrary.ru/edrtjg>

DOI: 10.46726/H.2026.2.8

О РОЛИ ТРАДИЦИОННОЙ ГРАММАТИКИ В ПРЕПОДАВАНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Ашот Арамович Григорян

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, yerkat@yandex.ru

Аннотация. В преподавании языка вообще и грамматики в частности, существуют два почти не пересекающихся подхода: прескриптивный и дескриптивный. Сторонники первого предпочитают применять к изучению грамматики некий набор довольно жестких, не допускающих двоякого толкования правил. По мнению прескриптивистов, язык должен подчиняться этим правилам. Дескриптивисты пытаются описать и объяснить реальное функционирование тех или иных языковых форм. По сути, они пытаются говорить не о правилах, а о причинах, по которым, возможно, эти правила изначально появились. В статье ставятся под сомнение польза ряда традиционных грамматических правил и предлагаются иные подходы к явлениям грамматического строя языка, позволяющие лучше понять его функционирование.

Ключевые слова: прескриптивный и дескриптивный подходы, правила, причины, изолированные предложения, широкий контекст/текст

Для цитирования: Григорян А.А. О роли традиционной грамматики в преподавании английского языка // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 61—65.

Представляется, что в каком-то смысле историю создания и применения правил педагогической грамматики к процессу освоения иностранного языка можно сравнить с историей попыток покорения человеком природы (например, путем создания крепостей / городов, дорог, дамб и т. д.). Это сравнение, при всей кажущейся парадоксальности, может быть признано не лишённым уместности хотя бы потому, что и тем и другим люди занимаются уже очень длительное время. В частности, известно, что первые грамматики санскрита датируются 5 веком до нашей эры. Если говорить о более близких к нам по времени явлениям, то, например, известно, что грамматика В. Буллокара “Bref Grammar for English”,

положившая начало английской грамматической традиции, была издана в 1586 году, что тоже совсем не мало [Dons]. Думается, однако, что, кроме фактора времени, есть еще как минимум один возможный аспект сопоставления. Мы имеем здесь в виду то, что в обоих случаях успехи, достигнутые человечеством, весьма относительны. Наши попытки обуздать природу нередко оборачиваются неудачами. Точно так же и язык, если понимать его как нечто «живое», сопротивляется попыткам грамматистов навязать ему своеобразное прокрустово ложе, сотканное из некоего набора жестких правил, созданных по принципу «правильно/неправильно».

К грамматике английского языка, равно как и к грамматикам других европейских языков, можно применить термины классическая или традиционная, имея в виду то, что все грамматические пособия английского (и множества других языков) в качестве основы использовали латинский или греческий языки. Влияние классических грамматик на английский язык все еще ощущается и сегодня. Самым очевидным проявлением этого является сохраняющиеся грамматические определения (например, номенклатура и дефиниции частей речи). Кроме того, под влиянием традиционных подходов сформировался взгляд на то, как *следует / не следует* использовать язык. Речь идет о так называемой прескриптивной грамматике. В частности, прескриптивисты считают, что два отрицания в структуре английского предложения неуместны; если такое все же случается, то отрицания, по мнению прескриптивистов, нейтрализуют друг друга, приводя к тому, что структура остается положительной. Иными словами, строчки из песни известной группы 'Pink Floyd': "We don't need no education, we don't need no thought control", видимо, нужно понимать совсем не так, как имели в виду рок-музыканты.

Справедливости ради следует отметить, что за последние несколько десятилетий лингвисты, опираясь, прежде всего, на возможности, предоставляемые устными и письменными корпусами языков, сумели существенно лучше понять, как именно носители языка пользуются им в самых разных ситуациях. Это привело к появлению множества грамматик дескриптивного толка, пытающихся отразить *реальное* употребление грамматических форм в противовес тому, как они *должны* (по мнению прескриптивистов) использоваться. Вместе с тем очевидно, что задача написания всеобъемлющей, всеохватывающей дескриптивной грамматики английского языка чрезвычайно сложна по многим причинам. Как отмечает известный британский грамматист С. Торнбери, английский язык, как и любой другой живой организм, находится в постоянном процессе изменения: "The English language is changing, morphing, fragmenting and no single 'grammar' is capable of capturing this dynamism and complexity" [Thornbury].

В рамках данной статьи, не замахиваясь на 'comprehensive descriptive grammar', обратим внимание на некоторые правила, которые используются в так называемых педагогических грамматиках или учебниках. Подобных учебных пособий издано и издается очень много. Возможно, грамматика Р. Мэрфи 'English Grammar in Use' может служить в качестве примера широко известного и успешного (выдержавшего множество изданий как за рубежом, так и в нашей стране) пособия. Нам представляется, что проблема с этим пособием (и множеством других, стоящих на тех же позициях) заключается в том, что правила, формулируемые в них, носят слишком общий характер и опираются на контекст, который исчерпывается рамками конкретного изолированного предложения. Это приводит к тому, что нередко значения слов и узус отличаются от того, что представлено в дескриптивных грамматиках. В результате студенты, изучающие иностранный язык (особенно в качестве специальности), могут столкнуться со случаями, когда реальное

употребление языковых структур иногда противоречит несколько упрощенным, часто хорошо выученным правилам, описанным в педагогических грамматиках.

Мы вовсе не пытаемся принизить роль правил и необходимость их изучения. Правила нужны. Простые и понятные правила способствуют созданию некоего психологического комфорта при изучении иностранного языка. Как пишет Д. Ларсен-Фриман: “The rules provide a modicum of security to language learners — they give them something to hold onto in the vast rush of noise that is the new language [Larsen-Freeman:49]. Не секрет, что многие правила легко и просто объяснить, понять и запомнить. Это, в свою очередь, ведет к возникновению ощущения определенного прогресса в усвоении материала и вполне может служить важным мотивационным фактором. Кроме того, самостоятельное выведение определенных грамматических правил, с опорой на некий набор предлагаемых примеров-предложений, может быть удобным для студентов, имеющих склонность к обнаружению алгоритмов, аналитизму. Все это нельзя сбрасывать со счетов. Однако, как утверждает М. Свон, при всей важности акцента на правилах для целого ряда обучающихся, “teachers must take care not to take this focus to extremes and to avoid the situation where learners do not actually learn English, but grammar” [Swan].

Как уже говорилось выше, грамматические правила в педагогических пособиях нередко создаются и выводятся с опорой на минимальный контекст, не превышающий объем изолированного предложения. Более того, лексика, используемая в таких предложениях, как правило, знакома обучающимся. В результате язык предстает, как говорят англичане, ‘neat and tidy’, что создает ощущение психологического комфорта. Однако, на чуть более продвинутых уровнях изучения языка, студенты, оперируя теми же самыми грамматическими формами, употребленными в существенно более широком контексте, неизбежно сталкиваются с тем, что учебники и учителя либо утаивали от них, либо полагали невозможным/неправильным. Например, хорошо выученное правило о невозможности использования глаголов «чувственного восприятия» в продолженных временах, разбивается об известный лозунг компании «Макдональдс» “I’m loving it”. Аналогичных примеров можно привести довольно много. Столкнувшись с этой и подобными ситуациями, студенты бывают обескуражены. Они вынужденно покидают уже ставшую привычной зону комфорта, т. к. оказывается, что хорошо усвоенное и замечательно работавшее на примере отдельных предложений правило, нуждается как минимум в поправках.

Представляется, что целый спектр грамматических явлений (времена глагола, модальность, формы залога, артикли) будут поняты и усвоены гораздо лучше, если будут предъявлены и проанализированы в тексте, а не на уровне отдельно взятого, изолированного предложения [Willis]. Проиллюстрируем сказанное на примере правила, приводимого в традиционных грамматиках, касающегося употребления определенного артикля. Грамматические пособия обычно утверждают, что “the definite article is used ... when the speaker and the hearer know what *particular* (курсив мой. — А. Г.) object is meant” [Kaushanskaya et al.: 27]. Причин считать тот или иной предмет (или человека) уже известными говорящему может быть несколько: а) об этом прямо сообщается в предложении; б) этот предмет/человек уже был упомянут ранее; в) контекст однозначно указывает на то, о чем / о ком идет речь. Понятно, что в изолированном, лишенном контекста предложении, совсем нелегко понять, какой из указанных выше факторов определенности задействован. Очевидно, что, как преподавателям, так и студентам, будет гораздо легче прийти к соответствующим выводам, если они оперируют значительно более широким контекстом/текстом. Рассмотрим небольшой фрагмент

текста: ‘Mary got out of the car and walked briskly down the street. Finally reaching the front door of the house she had so long been heading for, Mary rang the bell. She heard the footsteps in the hall and the door opened’. Анализируя этот небольшой фрагмент, нетрудно заметить, что появление определенного артикля перед такими существительными, как *car, street, front door, bell, footsteps, hall, door*, вполне понятно и объяснимо: именно широкий контекст однозначно указывает на то, о чем / о ком идет речь. Кроме использования артиклей, в приведенном фрагменте заслуживает внимание то, как текст способствует лучшему пониманию соположения времен и характера происходящих в этом отрывке действий. Не случайным представляется использование времен *the Past Simple* и *the Past Perfect*. Первое служит для отражения ряда прошедших, относительно кратких и последовательных действий, предпринятых человеком, в то время как второе служит для выражения длительного предпрошедшего действия, которое человек предпринимал до того, как, наконец-то (*finally*) подошел к цели. Сказанное представляется логичным и понятным, если учитывать весь приведенный фрагмент текста (все три предложения).

Приведем еще одно, кажущееся нам нелогичным, типичное для пособий по грамматике, правило. Оно касается употребления страдательного залога. Одной из причин, по которым употребляется страдательный залог в английском языке, грамматические пособия называют следующее: ‘The passive voice is used when ... the doer is either unknown or unimportant’ [Там же: 112]. Рассмотрим еще один небольшой фрагмент текстового сообщения: ‘A woman in the Donbass region has been arrested after making an attempt to inform enemy’s intelligence agency about our troops position and ammunition’. Употребление страдательного залога — согласно традиционным грамматическим пособиям — вызвано именно тем, что носитель действия и неизвестен, и неважен. Обе названные причины представляются слишком неопределенными и не очень логичными. Во-первых, человека задержали. Велика вероятность того, что личность этого человека установлена. Во-вторых, представляется очевидным, что в рамках данной истории задержанный человек скорее важен. Иначе зачем его задерживать?

Кроме того, как нам кажется, недостаточное внимание уделяется в таких случаях жанровой специфике конкретного текста. Известно, что страдательный залог часто используется в новостных сообщениях. Возможно, вместо того чтобы говорить о том, что ‘the doer is unknown/unimportant’, было бы правильнее обратить внимание студентов на тот факт, что в такого рода сообщениях пассив используется для структурирования текста, выделения более важных его фрагментов.

Таким образом, представляется, что правила, приводимые в традиционных пособиях по грамматике, нередко носят слишком общий, абстрактно-неопределенный характер. К тому же они нередко оторваны от более широкого контекста, не учитывают жанровую специфику текста. Тот факт, что формулировки правил часто включают наречия ‘usually’ или ‘often’, не может не приводить к сомнениям относительно истинной полезности таких правил. Чем более продвинутым пользователем языка становится человек, тем больше у него подобных сомнений. Часть проблемы, на наш взгляд, заключается в использовании самого слова ‘rules’. Это слово — по определению — предполагает какие-то регулировки, ограничения, принципы: ‘a regulation or principle governing conduct or procedure within a particular sphere’ [COED: 1251]. Возникает впечатление, что подобные установки нарушать нельзя. В качестве возможного решения можно предложить уйти от термина ‘rules’ и использовать целый ряд других более честных определений: ‘useful hints’, ‘principles of general use’ или ‘reasons’, предлагаемых грамматистами [Willis; Lewis; Larsen-Freeman]. Вне зависимости

от выбранного термина описание грамматической структуры языка в таком случае может быть рассмотрено как своеобразный удобный инструмент, шаблон, к которому студенты, начинающие изучать язык, могут обращаться. При таком подходе, по мере освоения языка работая с текстами, студенты получают возможность ставить под сомнение существующие определения, пытаться дать свои, уточняя / улучшая свое понимание грамматической системы языка.

Список литературы / References

- Concise Oxford English Dictionary [COED], Oxford: Oxford University Press, 2002, 1708 p.
- Dons U. Descriptive Adequacy of Early Modern English Grammars, The Hague: Mouton de Gruyter, 2004. 348 p.
- Kaushanskaya V., Kovner R, Kozhevnikova O. et al. A Grammar of the English Language, Leningrad, 1973, 320 p.
- Larsen-Freeman D. Teaching Language: From Grammar to Grammmaring, Boston: Heinle, 2003, 265 p.
- Lewis M. The English Verb, Boston: Heinle, 2002, 296 p.
- Swan M. Practical English Usage, Oxford: Oxford University Press, 2002, 658 p.
- Thornbury S. What Do Teachers Need to Know About the Language?, *ETP*, 2019, no. 100, pp. 9—12.
- Willis D. Rules, Patterns and Words, Cambridge: Cambridge University Press, 2003, 214 p.

ON THE ROLE OF TRADITIONAL GRAMMAR IN THE PROCESS OF TEACHING ENGLISH

Ashot A. Grigoryan

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, yerkat@yandex.ru

Abstract. There exist two almost never overlapping trends in teaching languages (including grammar): prescriptive and descriptive approaches. While the former focuses on establishing a certain set of quite rigid rules, the given language can but obey, the former attempts at describing and explaining the real usage of the language without necessarily coming to the ‘right vs. wrong’ verdict. The article casts doubt on certain traditionally defined grammar rules as well as presents some reflections on the possible ways to understand the structure of English better and more adequately.

Keywords: prescriptive and descriptive approaches, rules, reasons, isolated sentences, broader context/text

For citation: Grigoryan A.A. On the role of traditional grammar in the process of teaching English, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 2, pp. 61—65.

Статья поступила в редакцию 09.03.2026; одобрена после рецензирования 14.04.2026; принята к публикации 30.04.2026.

The article was submitted 09.03.2026; approved after reviewing 14.04.2026; accepted for publication 30.04.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Григорян Ашот Арамович — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, yerkat@yandex.ru, SPIN: 3406-3447

Grigoryan Ashot Aramovich — Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of English Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, yerkat@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 66—76.
Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 2. P. 66—76.

Научная статья
УДК 81'374:001.4
EDN <https://elibrary.ru/etqccv>
DOI: 10.46726/И.2026.2.9

АНГЛИЙСКИЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ (НА МАТЕРИАЛЕ СПРАВОЧНИКОВ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ)

Екатерина Михайловна Григорьева

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,
grigoryeva.ekaterina@mail.ru

Аннотация. Настоящее исследование посвящено английским терминологическим словарям (на материале справочников лингвистических терминов). Новизна исследования заключается в комплексном анализе изданий лингвистической терминологии, рассмотрении их базовых категорий и изучении особенностей организации их мега-, макро- и микроструктуры. Выделяются следующие группы справочников лингвистических терминов: общие и специальные. Анализ показал, что микроструктура включает дефиниции, иллюстративные примеры, а также ряд помет: производительные, грамматические, региональные и этимологические. Кроме того, в отдельных случаях дополнительным приемом семантизации входной единицы выступает графическое изображение. Автор приходит к выводу, что несмотря на популярность интернет-технологий в современном мире, в том числе в лексикографической практике, можно наблюдать сосуществование различных форматов словарей лингвистических терминов: печатный, онлайн и формат электронной книги. Устанавливается, что пользователь XXI в. становится активным деятелем, принимающим участие в лексикографической работе, его нужды и потребности выходят на первый план в процессе планирования и разработки словарей. Констатируется факт, что основным адресатом словарей лингвистической терминологии выступает профессиональная группа пользователей: студенты языковых факультетов, преподаватели и филологи, проводящие научные исследования в области лингвистики.

Ключевые слова: специальный словарь, справочник лингвистических терминов, термин, мегаструктура, макроструктура, микроструктура

Для цитирования: Григорьева Е.М. Английские терминологические словари (на материале справочников лингвистических терминов) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 66—76.

Современная английская лексикография активно развивается и отвечает нуждам пользователя XXI в. Цифровизация, наблюдаемая на разных уровнях жизни общества, оказывает влияние и на развитие современной лексикографической картины. Наряду с печатными изданиями появляются онлайн-справочники, справочники в формате электронной книги, мобильные словарные приложения и др. Помимо этого, публикуется широкий ряд английских словарей различных типов. Специальные издания занимают важную нишу в области английской лексикографической парадигмы.

В центре данного исследования находятся английские терминологические словари (в частности, английские справочники лингвистических терминов), которые входят в группу специальных изданий.

С.В. Гринев-Гриневиц понимает под специальным словарем справочник, содержащий описание определенного пласта специальной лексики одного или нескольких языков [Гринев-Гриневиц 2009: 6].

Специальные словари носят специализированный характер и сосредотачиваются на конкретных предметных областях, профессиональной практике или даже досуге (например, спорт) с целью помочь пользователю приобрести специальные знания, читать специализированные тексты или заниматься специальным переводом [Humbley: 317].

По мнению О.М. Карповой, XXI в. можно назвать веком развития и совершенствования английских специальных словарей. Лексикографический анализ авторитетных специальных справочников английского языка демонстрирует следующее: в связи с изменением лексикографической парадигмы укрупняются отдельные группы справочников. В специальной английской лексикографии появляются самостоятельные направления, открывающие новые возможности для изучения отдельных лексических групп [Карпова 2022: 8—9].

Словари для специальных целей играют важную роль в английской лексикографии. Они включают различные типы справочников, которые регистрируют и обрабатывают определенные слои английской лексики. К подобным изданиям относятся словари сленга, диалектизмов, словосочетаний. Терминологические словари также относятся к специальным изданиям: они фиксируют и описывают термины из различных предметных областей: математики, физики, биологии, лингвистики, электротехники и др. [Карпова 2023: 100].

Терминология представляет собой естественно сложившуюся совокупность терминов определенной области знания [Гринев-Гриневиц 2008: 15].

Термин — это элемент терминологии, представляющий собой совокупность всех вариантов устойчиво воспроизводимой синтагмы или неязыкового знака, который выражает специальное понятие определенной области деятельности [Авербух: 16].

Как было отмечено ранее, объектом изучения в данной статье становятся английские терминологические словари, а именно справочники лингвистических терминов. Такие издания активно используются профессиональной аудиторией, например, преподавателями, учеными-языковедами и студентами, обучающимися на языковых направлениях подготовки в вузах. Также такие справочники представляют интерес для тех пользователей, кто интересуется лингвистикой как наукой и ее разделами, например, лексикологией, семантикой, синтаксисом и др.

Подобные справочники можно разделить на несколько групп:

1) общие словари лингвистических терминов: Brown K., Miller J. *The Cambridge Dictionary of Linguistics*, 2019; Bussmann H. *Routledge Dictionary of Language and Linguistics*, 2006; Matthews P.H. *The Concise Oxford Dictionary of Linguistics*, 2014; Richards J.C., Schmidt R.W. *Longman Dictionary of Language Teaching and Applied Linguistics*, 2014; Crystal D., Yu A.C.L. *A Dictionary of Linguistics and Phonetics*, 2023 (e-book).

Данная группа словарей также включает справочники, представленные в онлайн-формате: *Glossary of Linguistic Terms* (<https://glossary.sil.org/term>); *Alphabetical Glossary of Linguistic Terms* (<https://englishphonetics.net/english-pronunciation-tools/glossary-linguistic-terms/linguistic-terminology.html>); *Linguistic Terms & Linguistic Style SMART Vocabulary: Related Words and Phrases* (<https://dictionary.cambridge.org/topics/language/linguistic-terms-and-linguistic-style/>);

2) специальные словари лингвистических терминов, в которых зарегистрирована лексика отдельных разделов лингвистики:

а) грамматика: Peters P. *The Cambridge Dictionary of English Grammar*, 2014; Trask R.L. *A Dictionary of Grammatical Terms in Linguistics*, 2013; *Glossary of English Grammar Terms* (<https://www.usingenglish.com/reference/>);

б) фонетика и фонология: Trask R.L. *A Dictionary of Phonetics and Phonology*, 2004;

в) прикладная лингвистика: Davies A. *A Dictionary of Applied Linguistics*, 2016 (e-book);

г) социолингвистика: Trudgill P. *Glossary of Sociolinguistics*, 2019 (e-book); Swann J., Deumert A., Lillis Th., Mesthrie R. *A Dictionary of Sociolinguistics*, 2019 (e-book);

д) историческая лингвистика: Campbell L., Mixco M.J. *A Glossary of Historical Linguistics*, 2007 (e-book);

е) стилистика: Wales K. *A Dictionary of Stylistics*, 2017 и др.

Как видно из перечисленных примеров справочников лингвистической терминологии, они выходят не только в печатном формате, но также онлайн и в формате электронной книги (e-book). В настоящее время пользователи активно обращаются к Интернет-изданиям в связи с легкостью получения необходимой информации о лексемах, быстротой поиска, большим объемом информации по сравнению с печатными изданиями. Словари, представленные в формате электронной книги, также набирают большую аудиторию поклонников, что определяется быстрым доступом к информации, простым и интуитивно понятным интерфейсом, удобной навигацией. Однако при этом интерес к печатным изданиям также сохраняется и вызывает интерес у адресата.

Далее проведем более подробный анализ нескольких английских справочников лингвистических терминов. Общий словарь П. Мэтьюз *The Concise Oxford Dictionary of Linguistics* (2014) представлен в печатном формате.

Мегаструктура издания содержит следующие разделы: вступление, благодарности, список символов, словник, а также список ссылок на лингвистические организации.

Макроструктура организована в алфавитном порядке и включает термины различных разделов языкознания, например, фонетика (*assimilation, atonic*), грамматика (*bare infinitive, backshifting*), социолингвистика (*acrolect*), морфология (*affix, allomorph*) и др.

Словарная статья предоставляет подробную информацию о том или ином лингвистическом термине:

adjunct Term used variously by various linguists, in ways partly or loosely connected. Thus: 1. A element in the structure of a clause other than those which form a core or nucleus. E.g. in *I will bring it on my bike tomorrow*, the *nucleus (1) might be distinguished as *I will bring it...* 2. A subclass of adverbials defined by Quirk et al., CGE, as including those of manner, place and time: e.g. *carelessly, in the dustbin* and *yesterday* are adjuncts...

The term was originally introduced by Jespersen, for the secondary element in a *junction (1)...[Matthews: 10].

Как видно из представленного примера, словарная статья включает входную единицу, выделенную жирным шрифтом, несколько описательных дефиниций с иллюстративными примерами, предоставляющими пользователю возможность понять, в чем заключается суть лингвистического явления. Помимо этого, дается указание на автора термина, который ввел его в употребление.

Произносительная помета (фонетическая транскрипция), как правило, отсутствует, встречаясь лишь в отдельных случаях, например: **AUX** [ɔ:ks].

Макроструктура также включает имена собственные знаменитых ученых, сыгравших важную роль в области лингвистических исследований. Микроструктура в этом случае носит энциклопедический характер, знакомя адресата

с основными вехами деятельности персоналии и ее роли в развитии языкознания как отдельной науки:

Aristotle (384—322 BC) Greek philosopher, important in the early history of western linguistics both for his general contributions to logic, rhetoric, and poetics and for a specific classification of speech sounds... [Matthews: 26].

Таким образом, словарь П. Мэтьюз *The Concise Oxford Dictionary of Linguistics* — это общий справочник лингвистических терминов из таких областей как фонетика, грамматика, социолингвистика и др. Его макроструктура также включает имена собственные ученых, исследования которых сыграли важную роль с точки зрения развития лингвистики. Микроструктура содержит необходимую информацию о том или ином лингвистическом явлении и понятии. В словарных статьях зарегистрированы различные значения лексемы, а набор иллюстративных примеров позволяет лучше понять смысл термина. Кроме того, в отдельных случаях включаются данные о деятеле, который ввел в употребление определенный термин. Аппарат добавочной семантико-функциональной характеристики слова (далее ДСФХ) представлен в отдельных случаях (сложные термины с точки зрения произношения) произносительной пометой (фонетическая транскрипция). На наш взгляд, это сделано авторами намеренно в связи с тем, что адресатом словаря выступает аудитория, владеющая английским языком на высоком уровне. Поэтому включение информации о произношении всех зарегистрированных единиц является излишним действием. Большой охват лексики позволяет рекомендовать словарь широкому кругу лиц: студентам языковых и педагогических направлений подготовки, лингвистам, преподавателям языковых факультетов.

Интерес для данного исследования также представляет словарь *A Dictionary of Linguistics and Phonetics* Д. Кристала и А.С.Л. Юю, опубликованный в 2023 г. Первое издание данного словаря Д. Кристала было опубликовано в 1980 г. Впоследствии в 1985, 1991, 1997, 2003 и 2008 гг. вышли в свет переиздания данного справочника. В справочник были добавлены новые словарные статьи по фонетике, фонологии, синтаксису, семантике, социолингвистике и др. Данное издание представлено в популярном на сегодняшний день формате электронной книги.

Мегаструктура словаря включает предисловие, благодарности, списки сокращений и символов, международный фонетический алфавит и словник, организованный в алфавитном порядке.

Макроструктура содержит более 5100 входных единиц. Лексика, зафиксированная в словаре, относится к различным разделам языкознания, например, прагматика (*addressee, assertion*), грамматика (*animate, clitic*), диалектология (*area*), фонетика (*aspiration, diacritic, register*), стилистика (*epithet, logocentrism*), семантика (*E-type pronoun, evidentiality*) и др.

В словаре зарегистрированы термины дисциплин, возникших на стыке лингвистики и смежных областей: социолингвистика (*accommodation, archistratum*), историческая лингвистика (*genetic classification*), компьютерная лингвистика (*text-to-speech*) и др.

Словарная статья выглядит следующим образом:

asterisk (n.) (1) In LINGUISTICS, a linguistic construction that is UNACCEPTABLE or UNGRAMMATICAL is marked thus by the use of an initial asterisk, e.g. **the man do been go...*

(2) IN GENERATIVE grammar (derived from mathematics), the asterisk is an operator used to indicate any number of instances of a category (including zero); also called a KLEENE STAR... [Crystal, Yu: 39—40].

Рассмотренный пример позволяет увидеть, что микроструктура включает входную единицу, выделенную жирным шрифтом, дефиниции,

грамматическую помету (указание частеречной характеристики), помету сферы функционирования (например, генеративная грамматика).

Микроструктура также включает графики и диаграммы, в том числе древовидные диаграммы:

association line A term used in NON-LINEAR PHONOLOGY for a line drawn between UNITS on different LEVELS... [Crystal, Yu: 39].

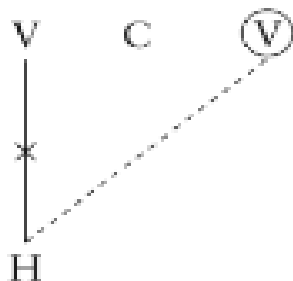

Рис. 1. График к лексеме *association line*

branching (adj./n.) A term used in linguistics to refer to the descending linear connections which constitute the identity of a tree diagram. [Crystal, Yu: 58].

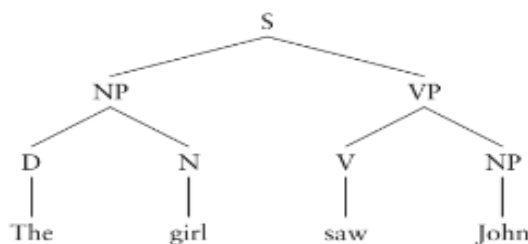

Рис. 2. Диаграмма к лексеме *branching*

Итак, словарь Д. Кристала и А. Юю *A Dictionary of Linguistics and Phonetics* является надежным изданием, знакомящим пользователя с английской лингвистической терминологией. Авторы отдельно выносят в названии справочника компонент *фонетика*, поскольку в издании зарегистрировано большое количество лексем из данной области лингвистики. Многочисленные переиздания словаря свидетельствуют о его авторитетности и об актуальности представленной информации. В словаре получает регистрацию базовая терминология лингвистики, а также лексемы, относящиеся к дисциплинам, смежным с лингвистикой, например, компьютерная лингвистика. Микроструктура содержит необходимую информацию о входной единице, включая дефиниции, а также ряд помет, например, грамматическая или сферы функционирования. Дополнительным к дефиниции средством семантизации лексемы выступают графики и диаграммы, целью которых является краткое и четкое пояснение функционирования определенной входной единицы.

В связи с развитием информационно-коммуникационных технологий и цифровизацией все больше и больше словарей переходят в Интернет-пространство. Онлайн-справочники пользуются заслуженной популярностью и укрепляют свои позиции на текущем лексикографическом рынке. Появляются онлайн-издания, в которых зарегистрированы лингвистические термины. Примером такого издания становится *Glossary of Linguistic Terms* (<https://glossary.sil.org/>)

term). Лексемы, зарегистрированные в нем, представлены в алфавитном порядке. Пользователь видит на начальной странице списки всех зарегистрированных в словаре терминов из области лингвистики.

Помимо перечня входных единиц, словарь также включает библиографический список литературы, использованной при подготовке словарных статей. Это научные монографии, статьи и другие источники, например, *The Verb in Contemporary English* / ed. by B. Aarts, Ch.F. Meyer; Hanks W.F. *Referential Practice: Language and Lived Space among the Maya* и др.

Рассмотрим примеры **словарных статей**:

Cardinal Numeral

Definition: A cardinal numeral is a numeral of the class whose members are: considered basic in form, used in counting; used in expressing how many objects are referred to

Examples:

one, two..

Source:

Crystal 1980:52...

[Glossary of Linguistic Terms // <https://glossary.sil.org/term/cardinal-numeral>].

Idiom

Definition: An idiom is a multiword construction that is a semantic unit whose meaning cannot be deduced from the meanings of its constituents, and has a non-productive syntactic structure.

Discussion:

An idiom often shows the following characteristics: it is syntactically anomalous...

Example:

by and large

It contains unique, fossilized items.

Examples:

cobweb cob < cop = spider (Middle English)

Source:

Wood 1986: 93

Cruse 1986 37—39...

[Glossary of Linguistic Terms // <https://glossary.sil.org/term/idiom>].

В данном случае мы видим, что словарная статья состоит из входной единицы, дефиниции, раздела «Дискуссия», включающего дополнительные сведения о термине, примеров. Система ДСФХ включает региональные пометы (Scottish), а также этимологические сведения (например, cobweb cob < cop = spider). Словарная статья содержит указание источника/источников, из которого/ых взята информация.

Итак, издание *Glossary of Linguistic Terms* представляет собой справочник лингвистической терминологии в онлайн-формате. Авторы указывают в названии, что это глоссарий. Как известно, глоссарий включает лексему и дефиниции. Однако в данном случае словарная статья также содержит пример и раздел «Дискуссия», из которого пользователь может получить информацию об особенностях употребления и основных характеристиках термина. В отдельных случаях микроструктура также включает этимологическую и региональную пометы. На наш взгляд, в связи с перечисленными параметрами издание можно назвать словарем, поскольку словарные статьи в нем предоставляют более обширные сведения по сравнению с традиционным глоссарием. Макроструктура организована в удобном алфавитном порядке. Список зарегистрированных терминов дан на начальной странице, что позволяет пользователю сразу увидеть, о каких лексемах представлена информация в издании.

На сайте онлайн-словаря *Cambridge Dictionary* представлен список лексем под названием *Linguistic Terms and Linguistic Style. Smart Vocabulary: Related Words and Phrases*. Это список терминов в облаке по теме лингвистика. Пользователь может нажать на интересующую лексему и получить словарную статью о ней. Далее обратимся к данному изданию.

Термины в облаке даны в алфавитном порядке. Подобная организация слов является удобной для пользователя: видя на экране своего цифрового устройства список всех зарегистрированных лексем, он сразу понимает, потребуется ли ему обращаться к дополнительным источникам информации в поиске данных о других интересующих лексических единицах.

Рассмотрим **словарную статью** к термину *inflected language*:

The screenshot shows the dictionary entry for 'inflected language'. It includes the word in bold, its part of speech 'noun [C]', and phonetic transcriptions for UK and US. A definition follows: 'a language that changes the form or ending of some words when the way in which they are used in sentences changes:'. An example is given: 'Latin, Polish, and Finnish are all highly inflected languages.' Below this is a yellow bar labeled 'EXAMPLES of inflected language' followed by another instance of the word 'inflected language'. Two example sentences are provided, each with a source from the 'Cambridge English Corpus' and a speech bubble icon.

Рис. 3. Словарная статья к лексеме *inflected language*

Как видно из примера, микроструктура включает входную единицу, дефиницию, иллюстративные примеры, которые вводятся в структуру словарной статьи с целью продемонстрировать ее функционирование в речи. Источниками примеров выступают репрезентативные базы, в том числе *Cambridge English Corpus*. Аппарат ДСФХ представлен следующими пометами: грамматическая помета (например, указание частеречной характеристики), произносительная помета, представленная в форме фонетической транскрипции и аудиофайла, что позволяет пользователю прослушать, каким образом произносится лексема. При этом рядом с фонетической транскрипцией дано указание варианта английского языка (например, британский или американский английский), позволяющее проследить, каким образом лексема произносится в зависимости от принадлежности к тому или иному региональному варианту.

Пользователь словаря может проявить активность и высказать свое мнение относительно иллюстративного примера. На выбор доступны следующие опции: слово в примере предложения не соответствует ядерной лексеме или предложение содержит оскорбительный контент:

Tell us about this example sentence: ✕

The word in the example sentence does not match the entry word.

The sentence contains offensive content.

Cancel Submit

Рис. 4. Форма для заполнения пользователем

Кроме получения информации о лингвистическом термине на английском языке, аудитории предоставляется возможность узнать его перевод на разные языки:

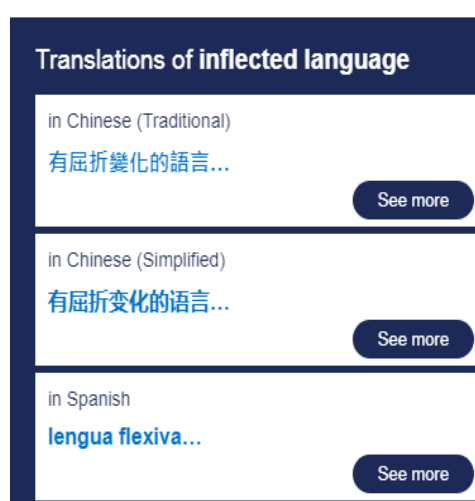

Рис. 5. Перевод ядерной лексемы на различные языки

Итак, представленный на сайте словаря издательства Кембридж отдельный список терминов предметной области лингвистика *Linguistic Terms and Linguistic Style. Smart Vocabulary: Related Words and Phrases* является важным источником информации об английской лингвистической терминологии. Словарные статьи составляются таким образом, что аудитория получает исчерпывающую справку о лексеме. Авторитетными источниками примеров выступают в том числе лингвистические корпусы, например, Cambridge English Corpus. Предоставление перевода лексемы на различные языки расширяет потенциальную аудиторию издания: материалы могут быть использованы людьми, изучающими не только английский, но и китайский, португальский, испанский и другие языки. Авторы словаря принимают во внимание нужды и потребности аудитории, что проявляется во введении отдельной формы обратной связи для пользователей, посвященной иллюстративным примерам.

Таким образом, словарям английских лингвистических терминов принадлежит важное место в системе английских терминологических изданий. Основным адресатом подобных справочников выступают студенты лингвистических факультетов, преподаватели вузов, ученые и лингвисты, занимающиеся научными

исследованиями в различных областях языкознания. Материалы таких словарей могут использоваться студентами как в рамках занятий по теоретическим и практическим курсам фонетики, грамматики и др., так и в рамках выполнения домашних заданий. Помимо этого, студенты имеют возможность воспользоваться словарными материалами при подготовке научных исследований, курсовых и выпускных квалификационных работ, магистерских диссертаций. Ученые-лингвисты могут обращаться к словарям в рамках написания научных статей, монографий, диссертационных исследований, а также при подготовке докладов на научные форумы и конференции.

Мы выделяем две основные группы словарей лингвистической терминологии: общие издания, в которых регистрацию получают лексемы из различных разделов лингвистики (Matthews P.H. *The Concise Oxford Dictionary of Linguistics*, 2014) и специальные справочники, фиксирующие термины конкретной лингвистической области: фонетика (Trask R.L. *A Dictionary of Phonetics and Phonology*, 2015), грамматика (Peters P. *The Cambridge Dictionary of English Grammar*, 2014) и др. Словари лингвистической терминологии представлены в различных форматах: традиционный печатный (Wales K. *A Dictionary of Stylistics*, 2017), Интернет-словарь (*Glossary of Linguistic Terms*), справочник в формате электронной книги (Trudgill P. *Glossary of Sociolinguistics*, 2019 (e-book)). На наш взгляд, популярность онлайн-изданий и словарей в формате электронной книги легко объяснима в современном цифровом обществе. Они удобны в использовании, аудитория может получить доступ к их материалам в считанные минуты, интерфейс таких изданий понятен и не вызывает сложностей в восприятии. Однако сохраняется интерес и к печатным изданиям, из чего следует вывод о сосуществовании словарей лингвистической терминологии в различных форматах.

Словарные статьи в подобных изданиях предоставляют дефиниции к различным значениям лингвистических терминов, включают иллюстративные примеры и различные пометы: грамматические, произносительные, этимологические, региональные и др. Кроме того, одним из дополнительных средств семантизации термина может стать графическое изображение в форме таблицы, графика, диаграммы. Это облегчает понимание сущности того или иного явления, понятия в схематичной и графической форме, образуя при этом необходимые смысловые и логические связи.

Отличительной чертой онлайн-изданий, в том числе справочников лингвистической терминологии, выступает привлечение аудитории к лексикографическим процессам различного рода. Например, в издании *Cambridge Dictionary* доступна следующая функция: пользователь может высказать свое мнение относительно корректности использования определенных лексем, входящих в состав зарегистрированных иллюстративных примеров. На наш взгляд, подобный подход пользуется популярностью в сегодняшних реалиях: пользователь XXI в. — это не просто читатель, использующий словарные материалы в своей работе. Это деятельное лицо, мнение которого учитывается в процессе работы над словарными материалами.

Несомненно, значение словарей лингвистической терминологии в общей картине современной лексикографии невозможно переоценить. Их основная задача состоит в систематизации знаний в области фонетики, фонологии, грамматики, семантики и других разделов лингвистики. Их использование формирует у аудитории культуру грамотной речи, а также способствует преодолению возможных трудностей в рамках осуществления профессиональной коммуникации.

Список источников

- Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed: 07.03.2026).
 Glossary of Linguistic Terms. URL: <https://glossary.sil.org/term> (accessed: 07.03.2026).
 Crystal D., Yu A.C.L. *A Dictionary of Linguistics and Phonetics*, Hoboken: John Wiley & Sons, Inc., 2023, 512 p.
 Humbley J. Specialised Dictionaries, *The Routledge Handbook of Lexicography*, ed. by P.A. Fierres-Olivera, London; New York: Routledge, 2018, pp. 317—334.
 Matthews P.H. *The Concise Oxford Dictionary of Linguistics*, Oxford: Oxford University Press, 2014, 443 p.

Список литературы / References

- Авербух К.Я. Лексические и фразеологические аспекты перевода: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2009. 176 с.
 (Averbuch K.Ya. *Lexical and phraseological aspects of translation: teaching guide for university student*, Moscow, 2009, 176 p. — In Russ.)
 Гринев-Гриневич С.В. Введение в терминографию: как просто и легко составить словарь. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 224 с.
 (Grinev-Grinevich S.V. *Introduction to terminography: How to create a dictionary easily and simply*, Moscow, 2009, 224 p. — In Russ.)
 Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2008. 304 с.
 (Grinev-Grinevich S.V. *Terminology science: teaching guide for university students*, Moscow, 2008, 304 p. — In Russ.)
 Карпова О.М. Изменение современной лексикографической парадигмы в цифровую эпоху (на материале словарей английского языка) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2022. № 2. С. 6—12.
 (Karpova O.M. *Changing of modern lexicographic paradigm in digital age (with special reference to english dictionaries)*, *Proceedings of Voronezh State University. Series "Linguistics and Intercultural Communication"*, 2022, no. 2, pp. 6—12. — In Russ.)
 Карпова О.М. Современная картина английской лексикографии // Современная германистика и западноевропейская литература: коллективная монография. Вып. 5 / отв. ред. А.В. Иванов. М.: ФЛИНТА, 2023. С. 100—120.
 (Karpova O.M. *Modern Picture of English Lexicography*, *Modern Germanic Philology and West-European Literature: joint monograph*, Iss. 5, ed. by A.V. Ivanov, Moscow, 2023, pp. 100—120. — In Russ.)

ENGLISH TERMINOLOGICAL DICTIONARIES (BASED ON DICTIONARIES OF LINGUISTIC TERMS)

Ekaterina M. Grigoryeva

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, grigoryeva.ekaterina@mail.ru

Abstract. This study focuses on English terminological dictionaries (based on reference books of linguistic terms). The significance of the study lies in the comprehensive analysis of linguistic terminology dictionaries, the identification of their basic categories and the examination of their mega-, macro- and microstructure features. The following groups of reference books of linguistic terms are distinguished: general and specialized. The analysis shows that the microstructure includes definitions, illustrative examples and a number of labels: pronunciation, grammatical, regional and etymological. Moreover, in some cases, a graphic image serves as an additional device of a vocabulary unit semantization. The author concludes that, despite the popularity of Internet technologies in the modern world, including lexicographic practice, one can observe the coexistence of various formats of linguistic terms dictionaries: printed,

online and e-book format. It is noted that the user of the 21st century becomes an active participant in the lexicographic work, whose needs and demands play a crucial role in the process of creating dictionaries. It is emphasized that the primary audience of dictionaries of linguistic terminology includes professional groups of users: students of language faculties, teachers and philologists doing scientific research in the field of linguistics.

Keywords: special dictionary, dictionary of linguistic terms, term, megastructure, macrostructure, microstructure

For citation: Grigoryeva E.M. English terminological dictionaries (based on dictionaries of linguistic terms), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 2, pp. 66—76.

Статья поступила в редакцию 17.11.2025; одобрена после рецензирования 23.12.2025; принята к публикации 16.03.2026.

The article was submitted 17.11.2025; approved after reviewing 23.12.2025; accepted for publication 16.03.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Григорьева Екатерина Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, grigoryeva.ekaterina@mail.ru. SPIN: 6726-9497

Grigoryeva Ekaterina Mikhaylovna — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of Foreign Philology Department, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, grigoryeva.ekaterina@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 77—85.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 2. P. 77—85.

Научная статья

УДК 811.111'374:004.738.5

EDN <https://elibrary.ru/ggppdz>

DOI: 10.46726/И.2026.2.10

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА СЛОВАРЬ ДЖЕЙМИСОНА

Татьяна Алексеевна Калачева

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

17vernonsemperviret47@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматривается роль словаря Дж. Джеймисона как первого этимологического словаря шотландского языка. В рамках исследования проводится сравнительный анализ между традиционной печатной версией словаря и его онлайн-версией: изучаются различия в структуре, объёме информации, способах представления данных и функциональных возможностях. Особое внимание уделяется тому, каким образом использование онлайн-формата и современных информационных технологий расширяет возможности этого лексикографического источника, сохраняя его актуальность в условиях цифровой эпохи. Рассматриваются преимущества цифровой версии, такие как реализованная система интерактивного поиска, наличие гиперссылок в мегаструктуре словаря, цветовая маркировка активных элементов словарной статьи, а также доступность нескольких режимов чтения веб-страницы. Кроме того, открытый онлайн-формат позволяет свободно интегрировать материалы классического печатного издания в различные современные лингвистические проекты и электронные корпуса. С целью рассмотрения этих вопросов применяется метод лексикографического анализа словарей, основанный на методике отечественной школы лексикографии. Подчёркивается значимость перевода классических лексикографических справочников в цифровой формат, что открывает новые возможности для исследований и развития современных лексикографических методов. Создание онлайн-версии словаря Дж. Джеймисона не только подтверждает его статус как важного и востребованного лингвистического памятника шотландского языка, но и значительно усиливает его роль в современном культурном пространстве, укрепляя шотландскую лексикографию как самостоятельное направление в британской традиции.

Ключевые слова: шотландская лексикография, онлайн-словарь, цифровизация, этимологический словарь, словарь культурного наследия, мегаструктура

Для цитирования: Калачева Т.А. Лексикографическое наследие и цифровизация: новый взгляд на словарь Джеймисона // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 77—85.

Этимологические словари представляют собой особый тип лексикографической продукции и посвящены исследованию происхождения и исторического развития слов. В содержание этимологических словарей входит широкий спектр лексики: от общеупотребительных слов до архаизмов и диалектных форм. Неся в себе культурную ценность, т. е. возможность фиксировать происхождение и эволюцию слов, связанных с традициями, обычаями и историческими событиями, этимологические словари также играют ключевую роль в формировании эталонного варианта языка — стандартизированной нормы речи. Они помогают определить наиболее

аутентичные формы слова, установить правильное произношение, морфологическую структуру и значение. Такой эталонный вариант способствует унификации языка, повышает его статус и обеспечивает стабильность его функционирования в обществе [Durkin: 101—102].

Анализ литературы по теме позволяет утверждать, что этимологические словари считаются одними из первых полноценных справочников в истории мировой лексикографии; именно этимологическая характеристика занимала важное место во всех первых глоссариях и словарях национальных языков, включая английский [Ряполова: 386]. Так, развитие этимологических словарей в английской лексикографии началось ещё в XVIII в.; словарь Сэмуэля Джонсона *A Dictionary of the English Language*, опубликованный в 1755 г., стал первым крупным английским словарём, включающим не только определения, но и краткие сведения об этимологии слов [Visan: 95]. Не менее значимым представляется труд Уолтера Скита *Etymological Dictionary of the English Language* (1882), информативность и полнота которого достигается за счёт сравнительно-исторического метода: в нём анализируются исторические формы слова, сравниваются их формы в других языках — латинском, греческом, германских языках — чтобы проследить путь развития слова. В XX в. появились более крупные и авторитетные издания — например, *The Oxford Dictionary of English Etymology* (1966), содержание которого охватывает 24 тысячи словарных статей с указанием даты первого употребления в английском языке, хронологией развития лексических смыслов, а также текущего значения и произношения каждой входной единицы [Winchester: 8].

Целью данной статьи является анализ и сравнение лексикографических подходов, реализованных в печатной и онлайн-версиях этимологического словаря шотландского языка, с акцентом на специфику регистрации и описания лексики в указанных форматах. Исследование проводится в контексте современных социокультурных и политических процессов в Шотландии, включающих возросший интерес к национальной идентичности и языковому наследию.

В качестве материала для данной статьи использовались различные версии словаря Дж. Джеймисона, опубликованные в разные периоды развития шотландской лексикографии. Среди них: *An Etymological Dictionary of the Scottish Language* [Jamieson] — печатный оригинал словаря, составленный в двух томах и дополненный двумя приложениями. Этот словарь регистрирует и обрабатывает трудную и малопонятную лексику шотландского языка. *Jamieson Online* — современная онлайн-версия словаря Дж. Джеймисона. В отличие от печатного варианта, здесь предусмотрен удобный доступ ко всем разделам мегаструктуры словаря.

Лексикографический анализ, т. е. анализ принципов построения этимологического словаря шотландского языка, представленного в печатной и онлайн-версиях, используется в качестве метода исследования и осуществляется согласно методике, принятой в отечественной лексикографии, разработанной Л.П. Ступиным [Ступин] и усовершенствованной О.М. Карповой [Карпова 2010]. В дальнейшем данная методика получила распространение в работах С.А. Маник, И.А. Воронцовой, Е.М. Григорьевой, В.Г. Перцевой*. Лексикографический анализ включает анализ таких параметров, как формат, объём, источники словаря; его мегаструктура

---

* См.: Воронцова И.А. Историко-типологическое исследование тезаурусов английского языка: дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2004. 276 с.; Григорьева Е.М. Культурно-маркированная лексика австралийского варианта английского языка в словарях различных типов: дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2014. 230 с.; Маник С.А. Общественно-политическая лексика (оценочный аспект) в словарях различных типов: дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2001. 229 с.; Перцева В.Г. Англоязычные словари языка политиков и философов (на материале словарей цитат и пословиц): дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2017. 229 с.

и полнота (дифференцированность) словника, критерии отбора лексики и способы лексикографического описания входных единиц.

Как отмечает Г. Уотсон, в шотландской лексикографии развитие этимологических исследований происходило по примеру и параллельно с английскими [Watson: 7]. Среди этих трудов особое место занимает словарь Дж. Джеймисона — первый этимологический словарь шотландского языка, который продолжает оставаться важным ориентиром в области шотландской лексикографии. Создание словаря Дж. Джеймисона последовало за серией прикнижных глоссариев и словарей языка шотландских писателей, которые фиксировали и объясняли диалектные формы шотландского языка в народной поэзии и прозе, с одной стороны, и авторские неологизмы, с другой. Безусловно, автор словаря опирался на практический опыт английской лексикографии и применял общие принципы, заложенные словарями языка Мильтона и Шекспира [Карпова 2025: 42], а также конкордансами, где каждая цитата, связанная с заглавным словом, сопровождалась подробной отсылочной пометой [Карпова: 20]. Обращение к научному обзору О.М. Карповой, посвящённому английской и шотландской лексикографическим традициям, позволяет утверждать, что основу разработки рассматриваемого этимологического словаря составили классические английские словари, такие как труд Самюэля Джонсона *A Dictionary of the English Language*, который стал одним из первых крупных английских толковых словарей, при этом важной чертой словаря С. Джонсона, перенятой впоследствии Дж. Джеймисоном и адаптированной для шотландского языкового контекста, было стремление к ясности и доступности информации для широкого круга читателей, а также систематизация лексики по алфавиту [Карпова 2013: 50].

В основе толкового словаря английского языка лежал подход, при котором автор опирался на классические произведения английских авторов, что придавало словарю авторитет и структурированность. В его работе можно встретить лексические единицы и указания на произведения шотландских поэтов раннего периода, таких как Уильям Данбар, известный своими сатирическими и комическими сочинениями, а также Роберт Генрисон, который оставил яркий след в шотландской поэзии XV в. Джеймисон также обращался к творчеству более современных поэтов, среди которых особенно выделяется Роберт Бёрнс — его знаменитые стихотворения, такие как *Auld Lang Syne* и *My Heart's in the Highlands*, широко известны и ценятся за их эмоциональную глубину. Не менее важным источником были произведения поэта Алана Рэмзи, в которых прослеживается переход от традиционной шотландской поэзии к более свободным формам, отражающим повседневную жизнь и местный колорит. В своём исследовании Дж. Консидайн подчёркивает, что подход, при котором использовались материалы из публикаций местных газет и журналов, обеспечивал не только богатство лексического материала, но и живое отображение реального употребления языка в различных сферах жизни шотландского общества [Considine: 270—271].

Согласно замечанию С. Ренни, в отличие от большинства словарей того времени словарь Джеймисона также содержит значительный объём энциклопедической информации (*cultural boxes*), касающейся шотландских обычаев и фольклора [Rennie 2012: 64]. Самой длинной статьёй в словаре является статья с заглавным словом *yule*, включающая подробные описания шотландских обычаев празднования Йюля, праздника середины зимы у исторических германских народов.

Лексикографический анализ словаря *An Etymological Dictionary of the Scottish Language, 1808*

Мегаструктура этимологического словаря

Мегаструктура словаря Дж. Джеймисона представляет собой многоуровневую организацию, в содержание которой, не считая словника, входят такие разделы, как *Preface* (служит вступлением, в котором автор объясняет цели своего труда, его методологию и подходы к сбору материалов); *On Account of The Editions of The Most of the Books Quoted in This Work* (посвящена вопросам библиографической точности и источников цитирования); *List of Subscribers* (список лиц, которые поддержали или приобрели издание; он показывает социальный контекст создания словаря, свидетельствует о заинтересованности общества в сохранении шотландского языка и культуры, а также подчёркивает авторитетность проекта); *A Dissertation on The Origin of The Scottish Language* (является важным дополнением, в котором автор исследует исторические корни шотландского языка, его эволюцию и различные факторы, повлиявшие на формирование языковой идентичности региона; этот раздел связывает лексические материалы с теоретическими аспектами происхождения и развития языка); *An Explanation of The Contractions Used in This Work* (содержит комментарии по использованию сокращений и специальных символов внутри словаря).

Макроструктура этимологического словаря

Макроструктура данного словаря является традиционной и представлена словником, словарные статьи внутри которого расположены в алфавитном порядке. В верхней части каждой страницы размещены заголовки, выполненные в виде алфавитного индекса (*thumb index*). В словарных статьях каждое слово приводится в своей исходной грамматической форме (в виде ключевой единицы или *keyword*). В то же время в иллюстративных примерах слово может варьироваться по числу, времени, падежу и т. д. Такой подход сочетает строгость в представлении лексических единиц с гибкостью в демонстрации их функционирования в различных речевых ситуациях:

to patifie, *v. a.* To make known, to manifest; literally, to lay open, Lat. *patefio*. “Beside that commoun light, and supernaturall understanding, hee hath *patified* him selfe to vs be ane heauenlie light, and supernaturall understanding.” Bruce's Eleven Serm. Sign. P. 3. a.

Случаи, когда орфография того или иного слова допускала несколько вариантов употребления, также отображались в словарной статье, причём менее распространённые варианты отслеживались по удалённости после запятой:

to blabber (blaber, bleber), *v. a.* — To babble, to speak indistinctly. ...;

play-feir (play-fere, playfair), *s.* — A playfellow. ...

Особого внимания заслуживает замечание о том, что зачастую в роли лексемы выступает не отдельно взятое слово, но целая синтагма, например:

patient of death, *s.* — A throe, a struggle, one of the agonies that precede dissolution, S. Probably corr. from *passion*, suffering, agony. ...

Анализ словника позволяет выделить ряд тематических групп, в которые входят существительные, глаголы и другие части речи, представляющие ключевые сферы повседневной и общественной жизни в Шотландии. Ниже представлены основные тематические группы с соответствующими лексическими примерами: **быт и семья**: *birlie* (a loaf of bread), *cog* (wooden vessel), *dochter-dochter* (granddaughter); **сельское хозяйство и скотоводство**: *byre* (cowhouse), *labourin* (farm), *lesuris* (pastures); **право и общественный строй**: *lagman* (the president in the supreme court), *lergnes* (liberality), *praeloquutour* (advocate); **мифология**: *boodies* (ghousts), *farefolkis* (fairies), *gaist* (spirit); **социальные роли и титулы**: *bene* (wealthy), *laird* (lord), *purellis* (the lowest class); **человеческие качества**,

поведение и чувства: *bonie* (beautiful), *lude* (loved), *to mensk* (to behave with good manners); искусство и творчество: *balow* (lullaby), *baugie* (ornament), *rote* (a musical instrument); топонимы и этнографическая лексика: *bin* (mountain), *Glesga* (Glasgow), *Lallans* (Lowlands); народные традиции и праздники: *mangery* (feast), *Pays* (Easter), *caralyngis* (dancings).

Включение в словарь лексических единиц, охватывающих различные тематические группы, даже при отсутствии их формального выделения, способствует более глубокому и многоплановому изучению шотландского языка. Такое представление материала позволяет исследовать не только языковую систему, но и более широкие культурные аспекты — менталитет носителей, их традиции, обычаи, особенности повседневной жизни. Тем самым словарь выполняет не только лингвистическую, но и этнокультурную функцию, отражая образ жизни и мировоззрение народа через призму лексики.

Микроструктура этимологического словаря

Анализ микроструктуры словаря предполагает рассмотрение самой малой единицы справочника — его словарной статьи (*entry line*). С этой целью приведём и рассмотрим более подробно следующие примеры:

BARLE Y-BREE, *s.* Ale, *S.* *q.* the juice or broth of barley.

When neebours anger at a plea,
An' just as wud as wud can be,
How easy can the *barley-bree*
Cement the quaire!
Burns, iii. 16.

To DRIDDLE, *v. n.* 1. To move slowly, *S. B.* same as druttle, *q. v.*

2. To be constantly in action, but making little progress, *Border.*

DRIDLINS, *s. pl.* Meal formed into knots by water, the knotted meal left after baking, *S. Germ.* *trodel*, *treidel*, *scruta*, *veteramenta*.

Обращение к микроструктуре словаря показывает высокую степень лексикографической обработки слова, где насчитываются: грамматическая (*adj.* = adjective), территориальная (*Fr.* = French language), диалектная (*S. O.* = Scotia Occidentalis, South of Scotland), хронологическая (*mod.* = modern), отсылочная (*q. v.* = quod vide), функциональная (*Chauc.* = used occasionally for Chaucer) пометы. Несмотря на разнообразие используемых помет, в структуре словаря отсутствует фонетическая помета — важный аспект изучения шотландского словоупотребления. Тем не менее, представленное разнообразие типов маркировки может быть расценено как показатель комплексной разработки значения слова, что также соответствует понятию добавочной функционально-семантической характеристики (DSP).

Лексикографический анализ словаря *Jamieson's Dictionary Online, 2004*

Этимологический словарь шотландского языка был полностью переведён на веб-платформу *Scots Dictionary* в 2004 г.; данный переход был обусловлен необходимостью адаптировать классический лексикографический источник к современным требованиям информационных технологий и обеспечить его актуальность в цифровую эпоху. Основной задачей было сохранить богатство и глубину оригинального материала, при этом сделать его максимально удобным для поиска и навигации. Для этого была проведена масштабная цифровая обработка всех словарных статей и приложений словаря. В результате пользователи получили возможность не только просматривать содержание словаря, но и взаимодействовать с ним через множество новых функций [Rennie 2008: 334].

Одной из ключевых особенностей онлайн-версии словаря является наличие структурированных разделов и гиперссылок, которые позволяют легко перемещаться между различными тематическими блоками словаря (словником, справочной информацией, приложением) и делают процесс работы с материалом более интуитивным. Также доступны различные режимы чтения и зума (увеличение шрифта и масштаба страницы). Строка поиска — ещё одна важная функция, которая позволяет не только искать отдельные слова или словосочетания, но и получать статистику их частотности в пределах всего текста словаря. При этом каждый результат сопровождается указанием конкретной страницы и тома, что облегчает быстрый доступ к оригинальному содержанию. Дополнительно в системе реализована цветовая маркировка активных элементов, что существенно повышает удобство визуального восприятия результатов поиска. Более того, существует возможность представить результат поиска в контекстуальном окружении, т. е. с учётом сопутствующего текста; такое представление информации позволяет определить общий объём входных единиц словаря. Учёт контекстуального окружения также позволяет установить частотность приведения различных частей речи шотландского языка — существительных, глаголов, прилагательных и др.

страница	глагол	существительное	прилагательное	наречие	причастие	предлог	союз
48	2 (<i>to abay, to abays</i>)	2 (<i>abad, abaitment</i>)	0	1 (<i>abak</i>)	1 (<i>abaid</i>)	0	0
58	1 (<i>to aggrise</i>)	2 (<i>affside, after-clap, afterings</i>)	0	6 (<i>aftern, after ane, afterhend, agait, agatis, agee</i>)	2 (<i>aflocht, agayne</i>)	2 (<i>aforgaun, aforrens</i>)	0
68	0	5 (<i>almanie whistle, almaser, almerie, almous, alpe</i>)	1 (<i>allweildand</i>)	2 (<i>alluerlie, alquhare</i>)	0	0	0
78	0	1 (<i>apill penyeis</i>)	2 (<i>apersman, apert</i>)	1 (<i>apert</i>)	0	0	1 (<i>apiest</i>)
88	3 (<i>to as-sailyie, to assege, to assemble</i>)	7 (<i>aspect, aspyne, aspresper, assayis, assedation, assemble, assenyhe</i>)	3 (<i>asperans, aspert, aspre</i>)	0	0	0	0
98	0	6 (<i>aventure, aver, averile, averin, avil, auise</i>)	3 (<i>auchtand, avenand, avillous</i>)	0	0	0	0
108	0	4 (<i>bailch, baille, baillie, baillierie</i>)	1 (<i>bayne</i>)	0	0	0	0
118	1 (<i>to bargane</i>)	4 (<i>bardie, bardis, bardyngis, barganer</i>)	2 (<i>bardish, bare</i>)	1 (<i>bardily</i>)	0	0	0
128	4 (<i>to beal, to bean-shaw, to bear to bear upon</i>)	4 (<i>bear, bear land, bearis befor, beat</i>)	0	0	1 (<i>be</i>)	1 (<i>be</i>)	0
138	3 (<i>to bele, to beleif, to belene</i>)	1 (<i>bele</i>)	0	1 (<i>belyve</i>)	1 (<i>belewynt</i>)	0	0
Итого	14	36	12	12	5	3	1

Так, результаты лексикографического анализа словаря Дж. Джеймисона, представленные в таблице, показывают, что именно существительное играет ключевую роль в шотландском словоупотреблении и требует особого внимания при его толковании. Кроме того, подсчёты числа входных единиц позволяют сделать выводы о плотности лексического материала в словаре. Произведённые подсчёты показали, что в среднем на одной странице расположено восемь полных словарных статей, откуда также следует, что на 1409 страницах двухтомного словаря расположено порядка 11 272 входных единиц.

Оцифровка материалов таких трудов, как словарь Дж. Джеймисона, играет важную роль в развитии и расширении корпусных словарей шотландского языка. Благодаря цифровым технологиям становится возможным не только сохранить богатое лексикографическое наследие, но и использовать его для создания динамичных и постоянно обновляемых ресурсов. Например, корпусный словарь *Dictionaries of the Scots Language* активно использует статьи, подготовленные Дж. Джеймисоном, с указанием первоисточника, что обеспечивает историческую точность и прозрачность информации. Более того, в данном лексикографическом проекте фиксируются изменения значений лексем со временем: в случае, если какое-либо слово изменило своё значение или его точное определение было утеряно в ходе исторического развития языка, корпусный словарь приводит дефиниции из этимологического словаря параллельно с их современной интерпретацией. Например:

Howffing, Howphyn, n. (Meaning uncertain, although Jamieson gives ‘*Howfin*, a clumsy, awkward, senseless person’.)

Boid, n. [Of obscure origin. Cf. “The boid fell loun” in Jamieson *An Etymological Dictionary of the Scottish Language* (1808) s.v. Boid.]

Такой подход позволяет не только сохранить лингвистическую информацию, но и отслеживать эволюцию языка, выявлять изменения в употреблении слов и их значениях на протяжении веков.

В заключение важно подчеркнуть, что сравнительный анализ оригинального словаря Дж. Джеймисона и его онлайн-версии продемонстрировал важность и преимущества цифровизации классических лексикографических источников. Цифровизация обусловлена необходимостью сделать богатое лексикографическое наследие более доступным и удобным для работы с материалом, а также обеспечить его актуализацию в условиях быстрого развития информационных технологий. Обновление и цифровизация таких авторитетных ресурсов, как словарь Дж. Джеймисона, позволяют сохранять их ценность и расширять возможности для глубокого изучения шотландского языка, культуры и истории. Перспективы развития цифровой и печатной шотландской лексикографии обещают дальнейшее совершенствование, при этом новые справочные ресурсы будут находиться в содружестве с классическими изданиями, дополняя их и расширяя. Важной задачей становится создание интегрированных платформ, объединяющих различные типы данных — от лексикографических статей до культурологических материалов — что позволит исследователям и заинтересованным читателям получать более полное представление о шотландском языке.

Несомненно, в этом процессе словарь Дж. Джеймисона по-прежнему сохраняет свою ведущую роль как главный и авторитетный источник лексикографической информации. Его богатое содержание, основанное на традиционных методах исследования, в сочетании с возможностями современных технологий обеспечит его актуальность и значимость в будущем. Особое значение словарь Дж. Джеймисона

приобретает в условиях сохранения и поддержания статуса шотландского языка. В современном мире, где языковое разнообразие сталкивается с угрозами исчезновения, такой лингвистический словарь становится не только лингвистическим ресурсом, но и символом культурной автономии и отражением лингвистической компетенции нации. Таким образом, классический словарь продолжает служить фундаментом для развития современной шотландской лексикографии и сохранения языкового наследия региона.

Список источников

- Dictionaries of the Scots Language. URL: <https://dsl.ac.uk/> (accessed: 29.05.2025).
 Jamieson J. An Etymological Dictionary of the Scottish Language: Illustrating the Words in Their Different Significations by Examples from Ancient and Modern Writers: in 2 vols, Edinburgh: Edinburgh University Press, 1808. 748 p. URL: <https://archive.org/details/etymologicaldict03jamiuoft> (accessed: 28.05.2025).
 Jamieson's Dictionary Online. URL: <http://www.scotsdictionary.com/> (accessed: 28.05.2025).

Список литературы / References

- Карпова О.М. Английская и шотландская лексикографии: истоки, развитие, современное состояние // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: «Гуманитарные науки». 2013. Вып. 1. С. 47—54.
 (Karpova O.M. English and Scottish lexicography: origins, development, current state, *Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2013, vol. 1, pp. 47—54. — In Russ.)
 Карпова О.М. Английская лексикография: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2010. 176 с.
 (Karpova O.M. English lexicography: textbook for students of philological departments of higher educational institutions, Moscow, 2010, 176 p. — In Russ.)
 Карпова О.М. Шекспировская лексикография: расширение границ и изменение стереотипов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2025. № 1. С. 17—23.
 (Karpova O.M. Shakespeare lexicography: expanding boundaries and changing stereotypes, *Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 2025, no. 1, pp. 17—23. — In Russ.)
 Ряполова М.А. Толковый словарь и категория адресата. Белгород: Белгород. гос. ун-т, 2018. Т. 37, № 3. С. 385—393.
 (Ryapolova M.A. Explanatory dictionary and the category of addressee, Belgorod, 2018, vol. 37, no. 3, pp. 385—393. — In Russ.)
 Ступин Л.П. Лексикография английского языка: учебное пособие для студентов институтов и факультетов иностранных языков. М.: Высшая школа, 1985. 164 с.
 (Stupin L.P. Lexicography of the English Language: Textbook for students of institutes and departments of foreign languages, Moscow: Higher School Publishing House, 1985, 164 p. — In Russ.)
 Considine J. John Jamieson, Franz Passow, and the Double Invention of Lexicography on Historical Principles, *Journal of the History of Ideas*, Pennsylvania: University of Pennsylvania Press, 2014, no. 75 (2), pp. 261—281.
 Durkin Ph. The Oxford Handbook of Lexicography. Oxford: Oxford University Press, 2016, 698 p.
 Karpova O. English Author Dictionaries (the XVI — the XXI cc.). Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2011, 270 p.
 Rennie S. Jamieson's Dictionary of Scots: The story of the first historical dictionary of the Scots language. Oxford: Oxford University Press, 2012, 282 p.
 Rennie S. The Electronic Jamieson: Towards a Bicentenary Celebration, Mooijjaart M.M. van der Wal. Yesterday's Words: Contemporary: current and future lexicography, Newcastle: Cambridge Scholars, 2008, pp. 333—340.

Visan R. Entry Layout in the History of English Lexicography: Bailey 1736, Martin 1749 and Johnson 1755. Bucharest: Bucharest Working Papers in Linguistics, 2010, no. 2, pp. 93—105.

Watson G. The Story of Scottish Dictionary-making. Hawick: Hawick Archeological Society, 1916, pp. 7—12.

Winchester S. The Meaning of Everything: the story of the Oxford English dictionary, Oxford, 2003, 288 p.

LEXICOGRAPHIC HERITAGE AND DIGITALIZATION: REDISCOVERING JAMIESON'S DICTIONARY

Tatyana A. Kalacheva

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
17vernonsemperviret47@gmail.com

Abstract. The focus of this paper is on the role of the J. Jamieson Dictionary as the first etymological dictionary of the Scottish language. As part of the study, a comparative analysis is made between the traditional printed version of the dictionary and its online version, examining the differences in structure, volume of information, means of data presentation, and functionality. Special attention is given to how the use of online format and modern information technology enhances the capabilities of this lexicographic source while maintaining its relevance in the digital age. The advantages of the digital version are considered including fast access to data, interactive search options, hyperlinking, and the ability to freely integrate the material into various projects and studies. To conduct the study, the method of lexicographic analysis of dictionaries is used, which makes it possible to evaluate the principles of dictionary construction according to such parameters as: target audience, format, volume of information presented, original material sources, criteria of vocabulary selection and ways of its description. The importance of converting classical lexicographic reference works into digital format is emphasised, as it provides further opportunities for developing modern lexicographic methods. The development of the online version of J. Jamieson's dictionary not only reaffirms its status as an outstanding and highly relevant linguistic monument of the Scottish language, but also enhances its position in the present-day cultural space as well as solidifies Scottish lexicography as an authentic part of the British lexicographical tradition.

Keywords: Scottish lexicography, online dictionary, digitalization, etymological dictionary, cultural heritage dictionary, megastructure

For citation: Kalacheva T.A. Lexicographic heritage and digitalization: rediscovering Jamieson's Dictionary, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 2, pp. 77—85.

Статья поступила в редакцию 07.07.2025; одобрена после рецензирования 03.09.2025; принята к публикации 16.03.2026.

The article was submitted 07.07.2025; approved after reviewing 03.09.2025; accepted for publication 16.03.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Калачева Татьяна Алексеевна — аспирант кафедры зарубежной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, 17vernonsemperviret47@gmail.com, SPIN: 4765-4130

Kalacheva Tatyana Alekseevna — Postgraduate student of the Department of Foreign Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, 17vernonsemperviret47@gmail.com

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 86—95.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 2. P. 86—95.

Научная статья

УДК 81'42:32(460)

EDN <https://elibrary.ru/hijjio>

DOI: 10.46726/H.2026.2.11

ОБЪЕДИНЯЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ПУБЛИЧНОГО ДИСКУРСА СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНСКОЙ МОНАРХИИ

Ирина Владимировна Заалишвили

Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики»,

г. Москва, Россия, selivanova-irina@inbox.ru

Аннотация. В настоящее время роль института монархии существенно возрастает с учетом текущей ситуации в Испании, в которой царят социальная нестабильность и усталость от политических потрясений. Публичный дискурс Филиппа VI в первую очередь направлен на достижение согласия в многонациональном и многокультурном испанском обществе. Несмотря на то, что институциональный дискурс предполагает иерархические взаимоотношения между адресантом и адресатом, в последнее время, особенно в условиях социально-экономического кризиса, наметилась тенденция к демократизации дискурса монархии, заключающейся в сближении с национальной аудиторией с помощью языковых и неязыковых средств воздействия. В настоящей статье раскрываются способы реализации объединяющей функции испанской монархии на материале публичных речей Филиппа VI с 2014 по 2025 г. В последние годы король выстраивает свое речевое поведение с учетом изменчивого социально-политического контекста. В частности, после каталонского кризиса 2017 г., когда целостность государства находилась под угрозой, его фигура начинает более осознанно восприниматься как символ единства нации и стабильного политического развития страны, как арбитра в разнообразном по своему этническому составу государстве. Идеологемы и метафоры интегративной семантики, а также стратегии речевого воздействия (в первую очередь стратегия эмоционального настроения адресата) транслируют идею необходимости национального единства в рамках устоявшегося режима, то есть конституционной монархии.

Ключевые слова: институциональный дискурс, испанская монархия, публичная речь, идеологемы, коммуникативные стратегии

Для цитирования: Заалишвили И.В. Объединяющая функция публичного дискурса современной испанской монархии // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 86—95.

В современной политической коммуникации испанский монарх должен отвечать не только за сохранение традиционных норм социально-политической жизни, но и соответствовать изменяющемуся контексту и ожиданиям современного общества [García-Ramos; Medina López; Ventero Velasco]. Это проявляется в социальной ангажированности публичных речей (ярко представлена социальная тематика), в более открытом поведении королевской четы (активное ведение соцсетей, желание сблизиться с народом во время кризисных периодов), а также в языковой форме подачи материала (риторические вопросы, более простые синтаксические конструкции) [Раевская: 94]. При этом после каталонского кризиса 2017 года фигура короля стала более отчетливо восприниматься как символ национального

единства, а также как гарант политической стабильности и созидательной деятельности. В связи с этим **целью** настоящей работы является раскрытие способов языкового выражения объединяющей функции монархии в речах монарха с 2014 по 2025 год.

С 1975 г. Королевский дом выполняет роль *цементирующего фактора*, во многом способствующего сплоченности испанской нации [Раевская: 96]. Однако в начале XXI в. в связи с усилением центробежных сил в регионах и всплеском идей националистического толка основной задачей его главы становится доказательство легитимности и необходимости существования института монархии [Medina López: 62—63].

Таким образом, публичные выступления современного испанского монарха являются речевыми произведениями с тщательным отбором языковых средств, задача которых заключается в объединении нации на основе единых («своих») ценностей и идеологических доминант с помощью различных средств речевого воздействия (идеологем, метафор и коммуникативных стратегий и тактик), о которых речь пойдет далее [Сагтарова]. При этом несвойственная данному типу дискурса эмоциональность обусловлена желанием сократить дистанцию с аудиторией и создать образ прогрессивного монарха, открытого к диалогу и плюрализму мнений.

Рождественское обращение как пример реализации объединяющей функции монархии

Ежегодное рождественское обращение монарха ко всей нации 24 декабря представляет собой общение в рамках заданных статусно-ролевых отношений, имеет закрепленную ритуальную атрибутику и транслирует идеи национального единства и созидательной деятельности [Сладкевич; Раевская, Селиванова 2020]. Гомилетический характер обращений проявляется в указании на ожидаемые модели поведения и обозначении ценностных координат (единство нации, солидарность, забота о всеобщем благосостоянии, уважение в семье, соблюдение законов, борьба с неравенством и безработицей и пр.):

*Deberíamos tomar mayor conciencia del **gran país** que tenemos, para así sentirlo más y cuidarlo **entre todos**. Así podremos cumplir mejor con la obligación de la que habló hace unas semanas en las Cortes: la de garantizar a las jóvenes generaciones el legado de **una España unida, cohesionada, con voluntad de entendimiento, y sólida en sus convicciones democráticas, cívicas y morales**... — Мы должны лучше осознавать, какая у нас **великая страна**, чтобы лучше чувствовать ее и **вместе** заботиться о ней. Так мы сможем лучше выполнить свои обязательства, о которых я говорил несколько недель назад в Кортесах, обязательства по обеспечению молодым поколениям наследия в виде **единой, сплоченной Испании**, обладающей волей к пониманию и твердой в своих демократических, гражданских и моральных убеждениях... (24.12.2023);*

*Que la **solidaridad** que nos ha unido en los momentos más difíciles siga presente en cada gesto, en cada acción, en cada decisión. — Пусть **солидарность**, которая нас объединила в самые сложные моменты, продолжит проявляться в каждом жесте, в каждом поступке, в каждом решении (24.12.2024).*

Отсылка к Конституции как основе государственности и гаранту стабильности и процветания многонационального общества является обязательным элементом каждой рождественской речи испанского монарха:

*Este año, nuestra **Constitución** ha cumplido 45 años. Durante estos años de vida democrática, la **Constitución**, que la Princesa de Asturias juró el pasado 31 de octubre, ha estado presente ininterrumpidamente en nuestras vidas. Y es, sin duda, el mejor ejemplo de la unión y convivencia entre españoles. — В этом году нашей **Конституции** исполняется 45 лет. За эти годы демократического существования **Конституция**, которой принцесса*

Астурийская принесла клятву 31 октября, постоянно присутствовала в нашей жизни. И это, без сомнения, лучший пример единства и мирного сосуществования испанцев (24.12.2023);

*<...> nuestra gran referencia en España es la **Constitución** de 1978, su letra y su espíritu. — <...> нашим основным ориентиром является **Конституция** 1978 года, ее текст и ее дух (24.12.2024).*

Таким образом, основная задача рождественских речей заключается в обозначении роли монарха как хранителя и гаранта коллективной идентичности и духовного единства нации путем трансляции традиционного набора гражданских и общечеловеческих ценностей при помощи ряда идеологем (единство нации, соблюдение законов, всеобщее благо, уважение прав человека, солидарность, толерантность).

Идеологемы интегративной семантики в публичных речах внутренней адресации испанского монарха

В последнее время главная задача главы Королевского дома заключается в социальной координации групповых действий по достижению общих целей (особенно в период социально-экономических и политических кризисов). Это достигается за счет идеологем, призванных транслировать определенные ценностные установки, конструировать объединяющие социальные смыслы и утверждать основы национальной идентичности. В своих ранних работах мы выделили **пять** групп идеологем в зависимости от их тематического наполнения: 1) идеологемы основ государственности; 2) идеологемы интегративной семантики; 3) идеологемы ценностно-культурного кода; 4) идеологемы образа нации; 5) идеологемы образа современной ситуации в стране и мире [Селиванова].

В рамках настоящей статьи имеют особое значение *идеологемы интегративной семантики*, напрямую транслирующие идею единства нации (*cohesión, unidad, unión, fraternidad, convivencia, solidaridad*):

*La Corona contribuye así, por su vocación integradora, a la estabilidad de nuestro sistema institucional y a la **cohesión** de nuestra sociedad. — Так Королевский дом посредством своего интегративного призвания способствует стабильности нашей институциональной системы и **сплоченности** нашего общества (19.06.2014, речь перед Генеральными кортесами);*

*La razón última de nuestros éxitos y progresos en la historia reciente ha sido precisamente la **unidad** de nuestro país, basada en nuestros valores democráticos y en la **cohesión**, en los vínculos sólidos del Estado con nuestras Comunidades Autónomas y en la **solidaridad** entre todas ellas... — Еще одной причиной наших успехов и прогресса в новейшей истории стало именно **единство** нашей страны, основанное на наших демократических ценностях и **сплоченности**, на прочных связях между государством и автономными сообществами, а также на **солидарности** между ними... (24.12.2023, рождественское послание);*

*No tengo duda de que la **unidad**, será también la clave para que podamos afrontar con éxito los serios y complejos retos de futuro a los que España se enfrenta hoy. — Я не сомневаюсь, что **единство** также станет для нас ключом к успешному решению серьезных и сложных проблем, с которыми Испания сталкивается сегодня (24.12.2023, рождественское послание).*

Призыв к сохранению единства нации, разнообразной по своему культурному и этническому составу, реализуется с помощью лексемы *convivencia* («мирное сосуществование»):

*No podemos olvidar que uno de nuestros grandes activos en democracia es, precisamente, esa **convivencia** basada en sentimientos compartidos y en la búsqueda común*

*del bienestar y la prosperidad de todos. — Мы не можем забывать, что одним из величайших активов нашей демократии является именно **мирное сосуществование**, основанное на общих чувствах и стремлении к всеобщему благополучию и процветанию (24.12.2023, рождественское послание);*

*Fuera del respeto a la Constitución no hay democracia ni **convivencia** posibles; no hay libertades sino imposición; no hay ley, sino arbitrariedad. — Без соблюдения Конституции нет ни демократии, ни **мирного сосуществования**; нет свобод, а есть только навязывание; нет закона, а есть только произвол (24.12.2024, рождественское послание);*

*El esfuerzo de integración, que corresponde a todos, el respeto —también de todos— de las leyes y normas básicas de **convivencia** y civismo, y el reconocimiento de la dignidad que todo ser humano merece, son los pilares que deben guiarnos a la hora de tratar la inmigración. — Усилия по интеграции, которые являются обязанностью каждого, уважение со стороны каждого законов и основных норм **сосуществования** и гражданской доблести, а также признание достоинства, которого заслуживает каждый человек, являются принципами, которыми мы должны руководствоваться при решении вопросов иммиграции (24.12.2024, рождественское послание).*

*Идея взаимопонимания, столь необходимая для продолжения строительства современной Испании, выражается посредством идеологем *reconciliación* («примирение»), *concordia* («согласие»), *paz* («мир»), *entendimiento* («понимание»), *diálogo* («диалог»), *integración* («единение»), *solidaridad* («солидарность»):*

*El pasado 6 de diciembre, con motivo del 40 aniversario de nuestra Constitución, recordé nuevamente los ideales que animaron y unieron a los españoles durante la transición política y que han sido el fundamento, la base de nuestra libertad y de nuestro progreso de estos últimos 40 años: la **reconciliación** y la **concordia**; el **diálogo** y el **entendimiento**; la **integración** y la **solidaridad**. — 6 декабря, по случаю 40-летия нашей Конституции, я еще раз напомнил об идеалах, которые вдохновляли и объединяли испанский народ в период политического перехода и которые были фундаментом, основой нашей свободы и нашего прогресса на протяжении последних 40 лет: **примирение** и **согласие**; **диалог** и **взаимопонимание**; **единение** и **солидарность** (24.12.2018, рождественское послание);*

*Fuera de la Constitución no hay una España en **paz** y libertad. — Без соблюдения Конституции нет **мирной** и свободной Испании (24.12.2023, рождественское послание);*

*A pesar del tiempo transcurrido, la **concordia** de la que fue fruto sigue siendo nuestro gran cimiento. — Несмотря на годы, **согласие**, породившее ее [Конституцию], остается нашей великой основой (24.12.2024, рождественское послание).*

Идея единства в многообразии в настоящий момент имеет особое значение в современной Испании в условиях усиления центробежных сил (в частности, в Каталонии) и антимиграционной риторики правых партий:

*Y todo ese gran cambio, todo ese gran salto sin precedentes en nuestra historia, ha sido posible gracias a una España abierta y solidaria, no encerrada en sí misma; una España que reconoce y respeta nuestras **diferencias**, nuestra **pluralidad** y nuestra **diversidad**... — И эти значительные перемены, этот беспрецедентный в нашей истории скачок стали возможны благодаря Испании, открытой и солидарной, а не замыкающейся в себе; Испании, которая признает и уважает наши **различия**, нашу **разнородность** и **многообразие**... (24.12.2017, рождественское послание).*

Таким образом, идеологемы интегративной семантики в королевских речах являются базовым инструментом трансляции *идеи национального единства* в рамках *многокультурного общества* и средством реализации символической роли Королевского дома как гаранта этого единства, особенно в контексте социально-экономической и политической нестабильности современной Испании.

Метафоры интегративной семантики в публичном дискурсе испанского монарха

В политической коммуникации метафора занимает лидирующие позиции среди других средств языкового воздействия по частотности употребления ввиду

ее семантической емкости и эмоциональной окрашенности, что делает ее пригодной «для серьезного политического разговора» [Бондаренко: 58]. С ее помощью оратор убеждает аудиторию в правильности своих взглядов, описывает непопулярные меры образными наименованиями, объясняет сложные процессы социально-политической жизни или скрывает реальное состояние дел [Чудинов].

Как отмечалось нами ранее, в публичном дискурсе монарха метафоры со сферой-источником *война*, *дом* и *дорога* служат для продвижения государственной идеологии и базовых ценностей [Раевская, Селиванова 2023]. В рамках настоящей статьи представляют особый интерес метафоры со сферой-источником *дом* и *дорога*, за которыми стоят идеи неделимости государства и общности пути.

В королевских речах общность политических и духовных ценностей (например, мирное сосуществование, сохранение института монархии, солидарность, толерантность, взаимопонимание) выступает в качестве *единого* фундамента:

Todos los proyectos necesitan unos cimientos sólidos, y la España de hoy los tiene, porque están hechos de una voluntad decidida de concordia, de paz y de entendimiento. — Всем проектам нужен прочный фундамент, и у сегодняшней Испании он есть, поскольку он основан на решительном стремлении к согласию, миру и взаимопониманию (24.12.2018, рождественское послание).

Соблюдение норм Конституции, гарантом которой выступает монарх, — базовый принцип мирного сосуществования в современной многонациональной Испании (метафорическая модель «Конституция — это фундамент государства»):

El pasado 6 de diciembre, con motivo del 40 aniversario de nuestra Constitución, recordé nuevamente los ideales que animaron y unieron a los españoles durante la transición política y que han sido el fundamento, la base de nuestra libertad y de nuestro progreso de estos últimos 40 años... — 6 декабря, по случаю 40-летия нашей Конституции, я еще раз напомнил об идеалах, которые вдохновляли и объединяли испанский народ в период политического перехода и которые были фундаментом, основой нашей свободы и нашего прогресса на протяжении последних 40 лет... (24.12.2018, рождественское послание).

Образ дома также лежит в основе метафорической модели «Развитие государства — это строительство дома», необходимой, с одной стороны, для обозначения достигнутых успехов, а с другой стороны — для реализации *тактики призыва* (прямой или косвенный призыв в рамках агитационной стратегии):

Pero también ha sido un año en el que hemos comprobado el compromiso muy sentido, firme y sincero de los españoles con la España democrática que juntos hemos construido. — Но это также был год, в котором мы убедились в твердой и искренней приверженности народа принципам демократической Испании, которую мы построили вместе (24.12.2017, рождественское послание);

2018 nos espera en unos días y debemos seguir construyendo nuestro país... — Через несколько дней наступит 2018 год, и мы должны продолжать строить нашу страну (24.12.2017, рождественское послание).

Идея поступательного развития выражается путем метафоры со сферой-источником *дорога* (в частности, при помощи метафорической модели «Развитие государства — это общий путь»):

Los españoles iniciamos hace ya casi medio siglo un nuevo camino; lo hicimos juntos, democráticamente, en un proyecto común. — Почти полвека назад мы, испанцы, вступили на новый путь; мы сделали это вместе, демократическим путем, работая над общим проектом (24.12.2023, рождественское послание);

España seguirá adelante... En ese camino estará siempre la Corona; no solo porque es mi deber como Rey, sino también porque es mi convicción. — Испания продолжит движение

вперед... Корона всегда будет на этом пути; не только потому, что это мой долг как короля, но и потому, что это мое убеждение (24.12.2023, рождественское послание).

Таким образом, метафоры в публичном дискурсе монарха являются незаменимым инструментом трансляции политических задач и трансформации картины мира адресата. Их основная задача сводится к трансляции *идеи единства нации* за счет понятийных сфер ДОМ и ДОРОГА, которые зачастую также служат средством реализации коммуникативных стратегий и тактик.

Объединяющая функция монархии сквозь призму коммуникативных стратегий и тактик

Одним из самых очевидных средств реализации объединяющей функции монархии является употребление инклюзивного местоимения «мы» с обобщенным содержанием или глаголов в первом лице множественного числа в рамках *тактики отождествления* (объединение перед лицом проблем различного характера и создание «психологического созвучия» с адресатом [Паршина]):

*Ahora **debemos** valorar con orgullo lo que **somos**, lo que **hemos hecho** y confiar en lo que **podemos** hacer entre todos, alejando el desencanto o el pesimismo. **Debemos** ser conscientes de la nueva realidad que nos impone el siglo XXI y ser capaces de alcanzar consensos cívicos y sociales que aseguren el gran proyecto de modernización de España. — Теперь **мы должны** гордиться собой, тем, чего **мы достигли**, и верить в то, что **мы можем** делать вместе, отбросив разочарование или пессимизм. **Мы должны** осознавать новую реальность XXI века и быть способными достичь гражданского и общественного консенсуса, который обеспечит масштабный проект по модернизации Испании (24.12.2018, рождественское послание);*

*Y todo ello, también lo **hemos hecho** juntos y de acuerdo con el marco constitucional, decidido por todos los españoles. — И все это **мы сделали** вместе и в рамках Конституции, принятой всеми испанцами (24.12.2023, рождественское послание).*

*Тактика обращения к эмоциям адресата связана в первую очередь с чувством национальной гордости с помощью трансляции *идеи великой Испании* (*gran Nación, gran país, gran pueblo, gran historia*):*

*Me lo habéis oído decir muchas veces y me gustaría volver a repetirlo: España es un **gran país**. Una Nación con una **historia portentosa**, pese a sus capítulos oscuros, y **modélica** en el desarrollo democrático de las últimas décadas, derrotando incluso el acoso terrorista que tantas víctimas causó. — Вы не раз слышали от меня это, и мне хочется повторить это снова: Испания — **великая страна**. Страна, обладающая **удивительной историей**, несмотря на ее темные страницы, и являющаяся **образцом** демократического развития в течение последних десятилетий, победившая террористические атаки, унесшие столько жизней (24.12.2023, рождественское послание).*

Еще одним важным приемом реализации объединяющей функции дискурса монарха является выражение благодарности и похвалы согражданам за их усилия в достижении *общих* целей:

*Esa **solidaridad** en su sentido más puro y más apegado a lo concreto, la hemos reconocido día tras día en el **trabajo ingente** de voluntarios anónimos y de servidores públicos... — Эта **solidарность**, в самом чистом и конкретном виде, проявляется день за днем в **огромной работе** волонтеров и государственных служащих... (24.12.2024, рождественское послание).*

*Sabéis también que el espíritu de superación y la preparación técnica son fundamentales para afrontar este mundo en cambio. Buena muestra de ello es el constante **esfuerzo** de integración que hacéis en vuestro día a día de elementos y capacidades tecnológicamente avanzadas... — Вы также знаете, что дух преодоления и техническая подготовка необходимы для того, чтобы противостоять этому меняющемуся миру. Ярким примером этого являются постоянные **усилия**, которые вы прилагаете, по интеграции в*

вашу повседневную работу самых передовых технологий... (06.01.2025, речь по случаю Военной Пасхи).

Таким образом, при помощи похвалы испанский монарх способствует гармонизации отношений, сокращает дистанцию, мотивирует аудиторию следовать избранной модели поведения и объединяет всех испанцев на основе национальной патетики.

Однако в королевских речах есть место и выражению беспокойства (*preocupación, inquietud, preocupar*) по поводу текущих социально-экономических и политических проблем, что также способствует созданию впечатления открытого диалога:

A lo largo de los últimos años os he venido transmitiendo en Nochebuena mis inquietudes y reflexiones sobre nuestra democracia; sobre la cohesión social y territorial, la economía y el paro o la educación; también sobre la corrupción, el terrorismo, o la violencia contra las mujeres... Todas estas cuestiones que acabo de mencionar nos siguen preocupando, por supuesto, muy seriamente. — В течение последних нескольких лет, в канун Рождества, я делился с вами своими переживаниями и размышлениями о нашей демократии, о социальной сплоченности и территориальной целостности, экономике, безработице и образовании, а также о коррупции, терроризме и насилии в отношении женщин... Безусловно, все эти проблемы, которые я только что упомянул, продолжают нас очень беспокоить (24.12.2018, рождественское послание);

Las dificultades económicas y sociales que afectan a la vida diaria de muchos españoles son una preocupación para todos. — Сложности экономического и социального характера, которые влияют на повседневную жизнь многих испанцев, беспокоят всех (24.12.2023, рождественское послание);

Otro asunto, que preocupa, sobre todo a los más jóvenes, es la dificultad para acceder a una vivienda. Las ciudades, en especial las grandes urbes, actúan como polos de crecimiento y generan una demanda que la oferta no alcanza a satisfacer. Es importante, de nuevo, que todos los actores implicados reflexionen, se escuchen unos a otros, que se examinen las distintas opciones y que sea ese diálogo el que conduzca a soluciones que faciliten el acceso a la vivienda en condiciones asumibles, en especial para los más jóvenes y los más desprotegidos, pues ésta es la base para la seguridad, el bienestar de tantos proyectos de vida. Y realmente podemos hacerlo. — Еще одна проблема, которая особенно беспокоит молодежь, — это сложность, связанная с доступом к жилью (24.12.2024, рождественское послание).

В дискурсе монарха тактика учета ценностных ориентиров связана с определением стоящих перед современным испанским обществом задач, среди которых основополагающими являются соблюдение конституционных норм, защита уязвимых слоев населения, достижение духовного единства нации, мирное сосуществование, территориальная целостность, а также укрепление демократических ценностей:

<...> debemos seguir defendiendo con convicción y con firmeza, junto con nuestros socios internacionales, las bases de la democracia liberal, de la defensa de los derechos humanos y de las conquistas en bienestar social sobre las que se asienta nuestro gran proyecto político. — <...> мы должны продолжать твердо и убежденно, вместе с нашими международными партнерами, отстаивать основы либеральной демократии, защищать права человека и достижения в области социального обеспечения, на которых основан наш великий политический проект (24.12.2024, рождественское послание).

Тактика призыва (в рамках агитационной стратегии) также ярко представлена в речах испанского монарха, который реализует исключительное право призывать сограждан к духовному единству и совместной созидательной деятельности

с помощью *прямого* (*sigamos adelante, trabajemos juntos, confiemos, mantengámonos unidos*) или *косвенного призыва* (*debemos, es necesario, hay que*):

а) *Con esa esperanza y confianza en el futuro, sigamos adelante.* — С этой надеждой и уверенностью в будущем **давайте двигаться вперед** (24.12.2018, рождественское послание);

б) *Debemos respetar también a las demás instituciones en el ejercicio de sus propias competencias y contribuir mutuamente a su fortalecimiento y a su prestigio. Y finalmente debemos velar siempre por el buen nombre, la dignidad y el respeto a nuestro país.* — Мы также **должны** уважать другие институты в осуществлении ими своих полномочий и способствовать их укреплению и престижу. И, наконец, мы **должны** всегда защищать доброе имя, достоинство и честь нашей страны (24.12.2023, рождественское послание).

Таким образом, публичные выступления испанского монарха Филиппа VI, выполняющего лишь символическую и представительскую функции [Алексеева], относятся к дискурсу власти и являются коммуникативным ресурсом, необходимым для трансляции идеи единства нации с помощью средств языкового воздействия различного порядка. После волнений в Каталонии в 2017 г. возрастает его роль как символа неделимого государства, включающего в свой состав региональные автономные образования с их историческим своеобразием, как арбитра в разнообразном по своему культурному и этническому составу обществе. При этом королевские речи являются *идеологически ангажированным дискурсом*. В качестве основных ресурсов речевого воздействия используются *идеологемы* и *метафоры* интегративной семантики, а также коммуникативные *стратегии* и *тактики*, которые в своей совокупности служат средством трансляции адресату (обществу) ценностных координат и алгоритма мышления (в частности, необходимости сохранения единства нации в рамках конституционной монархии).

Список литературы / References

- Алексеева Т.А. Институт главы государства в Испании: формирование и эволюция доктрины в национальном правоведении // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2017. № 21 (2). С. 173—199.
(Alexeeva T.A. Institute of the Head of State in Spain: Formation and Evolution of the concept in the national jurisprudence, *Vestnik RUDN. Ser.: Yuridicheskie nauki*, 2017, no. 21 (2), pp. 173—199. — In Russ.)
- Бондаренко И.В. Лингвопрагматический потенциал метафоры в политическом выступлении // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2019. № 2. С. 52—60.
(Bondarenko I.V. Linguo-pragmatic potential of metaphor in political speech, *Bulletin of the Baltic Federal University of I. Kant. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, 2019, no. 2, pp. 52—60. — In Russ.)
- Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ... д-ра. филол. наук. Саратов, 2005. 325 с.
(Parshina O.N. Communicative strategies and tactics of the Russian modern political elite: diss. ... Candidate of Sciences (Philology), Saratov, 2005, 325 p. — In Russ.)
- Раевская М.М. Дискурс власти в современном мире: социально-ориентированная коммуникация испанской монархии // Вестник Моск. ун-та. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 4. С. 95—108.
(Raevskaya M.M. The Discourse of Power in the Modern World: Socially Oriented Communication of the Spanish Monarchy, *Bulletin of Moscow State University. Series 19: Linguistics and Cross-cultural Communication*, 2021, no. 4, pp. 95—108. — In Russ.)
- Раевская М.М., Селиванова И.В. Метафорическое моделирование действительности в дискурсе испанского монарха Филиппа VI // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 1. С. 131—144.

- (Raevskaya M.M., Selivanova I.V. Metaphorical modeling of reality in the discourse of King Felipe VI, *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, vol. 21, no. 1, pp. 131—144. — In Russ.)
- Раевская М.М., Селиванова И.В. Рождественские речи испанских монархов как ритуальный жанр институционального дискурса в сопоставительном аспекте // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 1. С. 57—70.
- (Raevskaya M.M., Selivanova I.V. The Spanish King's Christmas messages as a ritual genre of institutional discourse: a comparative study, *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 1, pp. 57—70. — In Russ.)
- Саттарова Р.В. Ипостаси «других» в политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2017. № 5. С. 143—146.
- (Sattarova R.V. Incarnations of “the others” in political communication, *Political linguistics*, 2017, no. 5, pp. 143—146. — In Russ.)
- Селиванова И.В. Идеологемы как ресурс речевого воздействия в публичном дискурсе испанской монархии // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 3. С. 51—63.
- (Selivanova I.V. Ideologemes as a Speech Influence Tool in Public Discourse of the Spanish Monarchy, *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 3, pp. 51—63. — In Russ.)
- Сладкевич Ж.Р. Организация семиотического пространства новогоднего поздравления президента (на материале новогодних обращений президентов России, Беларуси и Польши за 2000—2005 гг.) // Политическая наука. 2016. № 3. С. 168—193.
- (Sladkevich Zh.R. The organization of the semiotic space of the New Year's president's greetings (based on the New Year messages of the presidents of Russia, Belarus and Poland in 2000—2015), *Political science*, 2016, no. 3, pp. 168—193. — In Russ.)
- Чудинов А.П. Очерки по современной политической метафорологии. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2013. 176 с.
- (Chudinov A.P. Essays on Modern Political Metaphorology, Ekaterinburg, 2013, 176 p. — In Russ.)
- García-Ramos A. Los mensajes navideños de la monarquía española en el siglo XXI: ¿un reflejo de los principales problemas del país?, *Sociologados. Revista de investigación social*, 2016, no. 2, pp. 15—50.
- Medina López J. Discurso institucional e imagen en los mensajes de Navidad del rey de España (1975—2013), *Pragmática Sociocultural*, 2016, vol. 4, no. 1, pp. 25—73.
- Ventero Velasco M. Los mensajes de Navidad del Rey, Madrid, 2010, 438 p.

THE UNIFYING FUNCTION OF THE PUBLIC DISCOURSE OF THE MODERN SPANISH MONARCHY

Irina V. Zaalishvili

Higher School of Economics Research University
Moscow, Russian Federation, selivanova-irina@inbox.ru

Abstract. Today, the significance of the Spanish monarchy is gradually increasing due to the social instability and fatigue from political turmoil. The public discourse of the Spanish King Felipe VI is an important type of political communication aimed at achieving agreement among all its participants. Within the framework of institutional political communication, his discourse, on the one hand, presupposes hierarchical relationships with the addressee, and on the other hand, the royal family tries to be closer to the society when it comes to their behaviour and speech. In this article we analyse the unifying function of the Spanish monarchy in the public speeches of Felipe VI from 2014 to 2025. We have found that the King keeps in mind the current socio-political context, projecting an image of a compassionate leader. Since the Catalan crisis of 2017, when the integrity of Spain was on the verge of collapse, his figure is perceived as a symbol of the unity of the nation and political stability, as an arbiter in a multinational and multicultural

country. Ideologemes and metaphors of integrative semantics, as well as communicative strategies (mostly the strategy of the emotional mood of the addressee) transmit the idea of the need for national unity within the framework of a constitutional monarchy.

Keywords: institutional discourse, Spanish monarchy, public speech, ideologemes, communicative strategies

For citation: Zaalishvili I.V. The unifying function of the public discourse of the modern Spanish monarchy, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 2, pp. 86—95.

Статья поступила в редакцию 07.07.2025; одобрена после рецензирования 04.09.2025; принята к публикации 26.10.2025.

The article was submitted 07.07.2025; approved after reviewing 04.09.2025; accepted for publication 26.10.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Залишвили Ирина Владимировна — кандидат филологических наук, доцент Школы иностранных языков, Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия, selivanova-irina@inbox.ru, SPIN: 1497-0443

Zaalishvili Irina Vladimirovna — Candidate of Sciences (Philology), associate professor of the School of Foreign Languages, HSE University, Moscow, Russian Federation, selivanova-irina@inbox.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 96—104.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 2. P. 96—104.

Научная статья

УДК 94(3)"03/05":27

EDN <https://elibrary.ru/kwtamy>

DOI: 10.46726/И.2026.2.12

ЧАСТНАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ИНИЦИАТИВА НА ПОЗДНЕАНТИЧНОМ ЛАТИНСКОМ ЗАПАДЕ (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

Анна Сергеевна Шемарина,

Владимир Михайлович Тюленев

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

ann.speransky@mail.ru, tyulenev.vl@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена частной религиозной инициативы на латинском Западе эпохи Поздней Античности. Очевидно, что традиционные представления о христианизации римского и пост-римского мира IV—VI вв. как о процессе, во главе которого стоят церковные иерархи, требуют своего пересмотра. Этот пересмотр стал возможен благодаря археологическим раскопкам, позволившим по-новому увидеть мир позднеантичной виллы, в том числе ее религиозную жизнь. Однако собранный археологический материал оказывается сложным для интерпретации и не позволяет увидеть социально-правовую сторону в строительстве церквей, ораториев и монастырей светскими лицами. В статье предлагается путь дальнейшего решения поставленной проблемы через анализ корпуса писем папы Григория I, позволяющий реконструировать не только мотивы основателей и правовые аспекты осуществления инициативы, но и увидеть столкновение интересов епископов и местной аристократии в вопросах религиозного строительства и пути их разрешения.

Ключевые слова: Латинский Запад, Поздняя Античность, церковь, епископат, аристократия, частная религиозная инициатива

Для цитирования: Шемарина А.С., Тюленев В.М. Частная религиозная инициатива на позднеантичном латинском Западе (постановка проблемы) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 96—104.

В историографии вопрос о проявлении частной религиозной инициативы на позднеантичном латинском Западе до настоящего времени остается не проясненным. Несмотря на значительный массив исследований, посвящённых христианизации, становлению епископальной структуры и трансформации городского пространства, сами акты строительства культовых сооружений частными лицами или частные религиозные практики как социально-правовой и институциональный феномен редко становились самостоятельным объектом анализа. Исследователи долгое время не видели в религиозной жизни частного поместья

ничего специфического, рассматривая ее лишь в рамках так называемой «христианизации сельской местности» — понятия широкого и расплывчатого, связанного напрямую с ролью епископа и его априори предполагаемого союза с аристократией¹.

Такой подход и такого рода предположение подкреплялось чтением латинской агиографии, в которой образ святого епископа-миссионера встречается довольно часто [Тюленев: 125]. Неудивительно, что исследователи даже XX века, опираясь на эти и подобные им тексты, связывали христианизацию именно с деятельностью епископов, зачастую приписывая им полномочия и функции средневекового прелата [Bowes 2007: 147—148], в том числе и в деле строительства церквей. Тем более что археология долгое время не позволяла увидеть, как именно сосуществовали церкви, возникшие на территории вилл, и собственно жизненное пространство поместья [Там же: 146].

Первыми, кто начал пересмотр этого устоявшегося в историографии представления, стали археологи. По словам Ким Боуз, они, не удовлетворившись письменными источниками, так или иначе происходящими из церковной среды, превратили общие наброски сельского христианства в региональные панорамные картины [Там же: 149]². Впрочем, домашнее пространство, использовавшееся для богослужения, изучали прежде всего как этап в строительстве культовых христианских сооружений: от домашних церквей к позднейшим *tituli* и базиликам. Здесь нельзя не вспомнить труд Л. Майкла Уайта, собравшего в одном обширном издании археологические и письменные источники по истории христианской архитектуры до эдикта Константина [White 1997]. Хотя частное строительство не было для Уайта центральной темой, его книга, так или иначе, могла служить отправной точкой для дальнейшего изучения именно этого, интересующего нас вопроса. Одним из ключевых тезисов его монографии является утверждение о том, что именно домовладелец стал пионером в деле создания собственно христианской архитектуры [White 1996].

Благодаря археологии в историографии по-новому зазвучал голос сельских элит. Начала сознаваться их роль в процессе христианизации, а тема их участия в строительстве церквей стала обычной для научных исследований [Bowes 2007: 149—150]³. Однако вопросы о том, кто кроме епископов, почему и в каком правовом режиме формировал культовые пространства или организовывал монашеские общины, как правило, оставались и до сих пор остаются растворенными в более широких сюжетах.

Существующие труды, к сожалению, имеют ряд недостатков. Во-первых, частная инициатива в них чаще всего рассматривается не как самостоятельный феномен, а как свидетельство порой возникавшего напряжения между местными магнатами и официальной (воплощенной в фигуре епископа) церковью. Исследовательский интерес направлен преимущественно на случаи возникновения еретических собраний, частных религиозных практик, противостояния «домашнего»

---

¹ Такой подход прослеживается, например, в ряде статей сборника под редакцией Виоланте [Violante 1982]. Подробнее об этом см. статью Ким Боуз [Bowes 2007: 147—148].

² Однако эти «панорамы» весьма условны и требуют некоторых уточнений, которые мы рассмотрим позднее в этой работе.

³ Ким Боуз считает эту тему «обычной» в современной историографии, но при этом сослалась лишь на двух исследователей, занимающихся исследованием роли аристократа в строительстве церквей. Тема действительно все чаще появляется в научной среде, но сопровождается, преимущественно, попытками осмыслить археологический материал, о проблемах которого мы поговорим позднее.

богослужения публичному культу или на распространение аскетических форм жизни [Caner: 189—190]. Так, Х. Майер исследует роль домашнего пространства в собраниях ариан и других религиозных групп [Maier 1995]. Само существование этих собраний автор рассматривает не как проявление частной религиозности, а как форму «церковной партизанской войны» и способ выживания.

Во-вторых, исследователи, как правило, склонны полагаться на какой-либо конкретный тип источника, что часто приводит к одностороннему взгляду на проблему. Письменные источники, в большей мере представленные актами церковных соборов, императорскими институциями и агиографией, вполне ожидаемо показывают реакцию епископов и императора на домашний культ и явно подчеркивают роль епископов как регуляторов религиозной жизни города или провинции в целом [Moorhead: 119—121].

Именно такая опора на один тип источников видна в работах Х. Майера. Исследователь рассматривает частные церкви исключительно через призму письменных источников, прежде всего сочинений Амвросия Медиоланского и актов церковных соборов. Х. Майер реконструирует домашние собрания ариан как пространство оппозиции, и сама постановка вопроса перенимает и транслирует логику источника; частная инициатива здесь — всегда ответная реакция, форма протеста или вынужденное убежище, но не самостоятельный феномен [Maier 1994].

Некоторые исследователи, в частности М. Сгарлата, открыто признают проблему несопоставимости письменных и археологических источников. Изучая частную религиозную инициативу на Сицилии V—VI веков, она отказывается от попыток согласовать археологию, эпистолярию и акты церковных соборов. Вместо этого исследователь предлагает сосредоточиться на более тщательном региональном учете памятников и анализе каждого типа источников [Sgarlata: 136—137]. Этот отказ от обобщений становится для неё отправной точкой для более глубокого, контекстуального анализа частных инициатив.

Наряду с этим в современной историографии тема частной религиозной инициативы оказалась включена в более широкий концепт «частной религиозности». Этот концепт разработан в труде Ким Боуз «Частное богослужение, общественные ценности и религиозные изменения в Поздней Античности». К. Боуз определяет частную религиозность как «отправление ритуала вне пространства и/или надзора институциональной церкви». К «частной сфере» она относит любые здания и земли за пределами официальных церковных строений, а также всех людей, которые могли там находиться — как мирян, так и клириков [Bowes 2008: 7—8].

Однако при всей глубине этого подхода К. Боуз оставляет за скобками важнейший аспект, а именно сами акты основания сакрального пространства (публичного или частного) и связанные с ними правовые, социальные и экономические последствия. В центре ее внимания — практика богослужения и место его совершения. Ее «частная религиозность» — это прежде всего использование уже существующего частного пространства. Между тем, внимание вполне можно и целесообразно перенести с практики на саму инициативу, лежащую в основе создания нового религиозного объекта, будь то монастырь, базилика или ораторий. Тогда ключевыми могут стать следующие вопросы: на чьи средства и на чьей земле он был построен (или основан), как и кем регулировалось его создание или строительство, кому принадлежало право собственности и, наконец, какие мотивы преследовал актор?

Аристократ или просто состоятельный человек (домовладелец), жертвующий на строительство общественной базилики или отдающий свой дом под монастырь, — как, например, некий Петр, упомянутый в письме Григория Великого,

повелевший устроить обитель в своем поместье (*Greg. Registr. IV, 9*), или Марин, завещавший расположить в своем доме ораторий для монахов (*Greg. Registr. V, 50*), — действует как частное лицо, но результат его инициативы переходит в публичную сферу. Ситуация не укладывается в противопоставление «частного богослужения» с «публичной церковью» — формируется сложное поле взаимодействия, где переплетаются личное благочестие, семейные стратегии, патронат и епископальная юрисдикция.

Само понятие «частная религиозная инициатива» не имеет в историографии точного или устоявшегося определения. Оно может трактоваться и как частное литургическое пространство, и как форма аристократического патроната, и как своеобразный этап институализации монастырей. В итоге возникает методологическая неопределенность, затрудняющая анализ.

В римском праве грань между *publicum* и *privatum* была юридически четкой, но в практике религиозной жизни она была размыта из-за влияния на нее семьи и патроната [Bowes 2008: 19—20; 59]. С одной стороны, частные церкви могли восприниматься как угроза единству Церкви, что могло создавать напряжение в отношениях епископа и, допустим, создавшего частый аскетерий аристократа и заставлять подозревать его в ереси; с другой стороны, в аскетической литературе те же самые практики показывались как образец святости [Там же: 2].

Христианские общины изначально были плодом частной инициативы, религиозное пространство во многом было частным, когда верующие собирались в домах [White 1997: 25]. В первые два века христианства нередко церковными лидерами становились именно состоятельные члены общины, владельцы поместий [Bowes 2008: 49]. В III веке христиане, по-прежнему собираясь в домах своих покровителей, начали постепенно преобразовывать эти помещения, чтобы приспособить пространство для ритуалов, в результате чего помещение теряло свою сугубо бытовую функцию [White 1997: 18—22]. История христианских культовых сооружений начинается в IV веке, после эдикта Константина, когда общины «переезжают» в базилики [White 1997: 8—9]. Впрочем, процесс этот был далеко не линейным.

Так, в Риме IV века существовала система *tituli* — церквей, построенных на деньги конкретных аристократов и получавших названия в честь своих основателей [Bowes 2008: 74], а Л. Пьетри выявила в Галлии V—VII вв. около тридцати ораториев, часовен или церквей, построенных на частной земле по инициативе владельцев [Villegas: 276]. В Константинополе же частные церкви, часто построенные придворной элитой в своих дворцах или имениях, фактически доминировали над еще слабой епископальной структурой [Bowes 2008: 115—116]. Один из знаменитых случаев «частного» религиозного центра на латинском Западе IV в. — это церковь и баптистерий Сульпиция Севера. Созданное им религиозное пространство собирало не только членов семьи и друзей, но и множество желавших присоединиться к слушателям [Тюленев: 127]. При этом, что любопытно и важно, в своих «Диалогах» Сульпиций упоминает, что распространяемое им благочестие встретило непонимание со стороны клириков (*Sulp. Sev. Dial. I, 2, 4*).

Если письменные источники, сообщающие об учреждении тем или иным лицом монастыря или о строительстве им оратория, позволяют выявить факты проявления частной религиозной инициативы, то при обращении к археологическому материалу мы сталкиваемся с фундаментальной проблемой интерпретации «немногого» материала. Дело в том, что церкви, построенные на территории вилл в IV—V вв., порой довольно сложно трактовать как результат частной инициативы жившего там аристократа. Лишь один случай не вызывает у исследователей споров:

церковь Сиццано в области Новара, где в V веке на территории еще обитаемой виллы к зданию была пристроена просторная церковь [Chavarría: 233].

Раскопки показывают, что церковь могла возникать на территории виллы уже после того, как она по тем или иным причинам (например, в результате варварских вторжений) теряла своих прежних владельцев. По обнаруженным археологами фундаментам культовых строений на виллах мы лишь можем догадываться, были ли это здания, подаренные официальной церкви их владельцем и перестроенные под нужды религиозной общины, или это церковь, которая «выросла» на руинах старых зданий без определенной воли собственника [Там же].

Случай церкви в Монте-Джелато (Лацио) наглядно демонстрирует методологическую сложность трактовки подобных построек. Церковь была возведена около 400 г. на территории виллы, которая к тому времени уже несколько веков не использовалась в качестве аристократической резиденции и обрела новых поселенцев, занятых ремесленной деятельностью [Bowes: 457]. При этом остается неизвестным, кто был заказчиком: владелец виллы или церковные власти. Фасад церкви был обращен не к вилле, а к общественной дороге, что, как пишет А. Чаваррия Арнау, может указывать на общественную роль строения [Chavarría: 235]. Однако нельзя забывать о том, что власть аристократа распространялась на сельское население, и по своему экономическому и социальному потенциалу вполне могла составлять конкуренцию власти городского епископа [Тюленев: 126]. Нельзя исключать то, что аристократ вполне мог построить церковь фасадом к дороге из своих социально-экономических соображений.

Кроме того, что порой невозможно точно определить, по инициативе ли владельца виллы возникло культовое строение на ее территории, остается неясной и первоначальная функция такого сооружения. В частности, установлено, что в Палаццо Пиньяно (Кремона) в еще обитаемой вилле находилось круглое здание с апсидой, в котором обычно видят церковь с баптистерием [Sfameni: 407]. Однако А. Чаваррия Арнау предполагает, что это мог быть мавзолей; по ее мнению, отсутствие перестроек и хронологический разрыв с более поздней церковью указывают на изначально погребальную, а не литургическую функцию здания. Это ставит под сомнение многие аналогичные «церкви вилл» [Chavarría: 237].

На Пиренейском полуострове культовые сооружения, возведенные на аристократических виллах, засвидетельствованы в Монте-де-Сегонья и Монтино-де-Ларанжейраш. На основе изучения этих и других подобных строений было отмечено, что строительство церквей, связанных с виллами в Испании, проходит две фазы: на первом этапе (IV—V вв.) места для отправления культа создаются в приемных залах и имеют, следовательно, характер частных капелл; на втором этапе (VI—VII вв.) церкви строятся на территории уже заброшенных вилл или возникших на их основе деревень [Там же].

В любом случае выявленная исследователями динамика не снимает главного вопроса: в какой момент условная часовня, построенная частным лицом или по его завещанию, становилась подконтрольной епископату; к тому же возникает другой вопрос: кто именно — аристократ или епископ — был истинным заказчиком строительства.

Довольно сложно определить ту грань, за которой культовое сооружение, построенное по частной инициативе, или созданный частным лицом монастырь переставали носить частный характер. С одной стороны, согласно Кодексу Феодосия, клирики для проведения литургии могли выбираться из жителей виллы (CTh 16.2.33 (398)) и после рукоположения епископом нести свое служение, находясь, очевидно, под существенным контролем владельца виллы. Но, с другой стороны,

построенная частным образом или на частные пожертвования церковь могла сразу же перейти под контроль епископа. Так, *Liber Pontificalis* сообщает, что знатная матрона Деметриада основала базилику св. Стефана в своем поместье в окрестностях Рима (*Lib. pontif. XLVII*). Однако надпись об ее основании, найденная во время раскопок XIX века, приписывает начало строительства церкви святого Стефана папе Льву Великому, который осуществил намерение Деметриады [*Chavarría: 235*].

Нельзя археологически установить, от кого зависели сооружения после окончательного оставления жилых помещений. Это церкви Сан-Джусто в Апулии, Коломбароне в области Пезаро-э-Урбино, Манера-дель-Гарда в Ломбардии, Ченталло в области Кунео⁴. Они были построены в нескольких десятках метров от вилл, в которых жилые помещения уже были заброшены на момент строительства.

Скорее всего, строительство церквей в таких виллах — признак перехода территории под власть епископа [*Sfameni: 417—418*]. Этот переход, по нашему мнению, вполне мог осуществляться через механизм завещания⁵: аристократ мог передать виллу церковной власти, чтобы та основала церковь или ораторий.

Итак, археология ставит перед исследователями ряд вопросов. Где при организации и отправлении религиозного культа в виллах проходила граница между властью епископа и аристократа? Насколько высоким был авторитет епископа эпохи Поздней античности за пределами города и его ближайшей округи? Могло ли в такого рода вопросах влияние магната соперничать с властью епископа?

Судя по ограничениям, вводимым римскими папами V—VI вв., церковь, так или иначе, старалась умерить это влияние. Как выразилась К. Боуз, элитное домашнее благочестие представляло для епископов Рима нечто вроде гордиева узла, распутывание которого требовало танца между поощрением и осторожностью [*Bowes 2008: 80*]. Религиозный энтузиазм аристократии воспринимался как угроза власти епископа.

Так, Геласий I (492—496) запретил основание церквей без разрешения епископа Рима [*Villegas: 277*]. Основатель должен был представить папе официальное прошение с просьбой об освящении строения и должен был сделать пожертвование духовенству. Основатель не мог претендовать большего, чем права доступа в церковь, «общего для всех христиан» [*Sfameni: 413—414*].

В постановлении Агдского собора 506 г. аристократии разрешалось иметь частную молельню на территории своего поместья «ввиду усталости домочадцев», которым неудобно добираться на мессы в город. Но Собор строго устанавливал, что в главные христианские праздники месса могла быть только в городе с участием епископа. Клирики, проводящие мессы в частных церквях в эти дни, могли быть лишены причастия (*Conc. Agath.: canon 21*). Позже епископы, участвовавшие в Клермонском соборе 535 г., разъяснили, что обязанность проводить эти праздники в городе распространяется не на всех верующих сельской местности, а только на знатных мирян [*Villegas: 277*].

Пелагий I (556—561) установил более четкую регламентацию, направленную на ограничение этой растущей аристократической религиозной самостоятельности. Он постановил, что новые молельни могут служить лишь частному

⁴ Основные попытки дать характеристику этим памятникам см. в исследованиях: [*Chavarría: 234—238; Sfameni: 407*]. Авторы, в частности, показывают, что обнаруженный в Сан-Джусто культовый комплекс следует понимать как публичный, а не частный, что строительство церкви в Коломбароне (сер. VI в.) было осуществлено на месте главного зала уже пришедшей в упадок виллы; церковь в Ченталло и расположенный рядом баптистерий построены на месте виллы, пострадавшей от пожара.

⁵ На это указывает ряд писем папы Григория Великого (в частности, *Greg. Registr. III, 58; V, 50; VI, 44*).

благочестию. Папа не одобрял проведение публичных месс в частных церквях, не допускал постоянного прикрепления пресвитера для их обслуживания, запретил строительство баптистерия при молельне [Там же].

Особую проблему представляет наличие баптистериев в виллах (Палаццо Пиньяно, Ченталло, Сан-Джусто). Обычно это считалось признаком прямого церковного контроля, что позволило исследователям выдвинуть гипотезу о размещении в подобных комплексах сельских епархий, то есть рассматривать их как места, находившиеся в непосредственном ведении епископа. Однако до запрета Пелагия I у мирян была возможность иметь свой баптистерий на территории частного владения [Sfameni: 414—415]. Запрет является ключевым доказательством того, что церковь законодательно ограничивала то, что уже стало практикой, стремясь сохранить монополию на важнейшее таинство. Однако постановление Пелагия I оказалось неэффективным. Как заключает историк Ч. Виоланте, папский престол, осознав, что искоренить эту практику уже невозможно, перешел от политики запрета к политике регулирования. Последующие папы уже не запрещали частные баптистерии, но устанавливали строгие правила для их легитимации [Violante: 999].

Таким образом, состояние источников (прежде всего письменных) позволяет, с одной стороны, говорить о заметной активности частных лиц в строительстве церквей, ораトリев и монастырей на латинском Западе в эпоху Поздней античности. Мы вряд ли ошибемся, сказав, что эта активность уходит корнями в раннехристианскую традицию патроната и сохраняет свою силу на протяжении всего изучаемого периода. В то же время археология, внесшая в последние несколько десятилетий существенный вклад в изучение позднеантичных вилл, далеко не всегда позволяет проследить, как и в каких материальных формах воплощалась эта инициатива. Большинство обнаруженных церквей, построенных на виллах, допускает множественные интерпретации. Мы не можем с уверенностью сказать, был ли заказчиком благочестивый аристократ или епископ, осваивающий уже оставленную прежним владельцем территорию, существенно сменившую свой социокультурный облик.

Постановления пап Геласия I, Пелагия I и решения церковных соборов V—VI вв. демонстрируют, что границы «частного» и «публичного» являлись предметом острой борьбы. Церковь стремилась преодолеть автономию частных основателей, запрещая баптистерии, регламентируя литургию и требуя регистрации даров. Сама интенсивность и эволюция этих мер (от попыток прямого ограничения к политике регулирования) показывает, что частная инициатива воспринималась как реальная и устойчивая альтернатива епископальному контролю.

Следовательно, перед исследователем встает комплексная проблема: как при неизбежной фрагментарности археологических данных и противоречивости письменных источников реконструировать не только масштаб частной религиозной инициативы, но и определить ее социально-правовые механизмы?

Изучение этой темы становится возможным благодаря синтезу подходов, который предлагает, например, М. Сгарлата, честно фиксирующая методологические тупики и предлагающая не искать универсальной типологии, а исследовать конкретные кейсы взаимодействия.

Накопленный корпус источников позволяет перейти от вопроса о том, была ли частная религиозная инициатива, к выявлению того, как именно и в каких правовых формах она реализовывалась. Ответ на эти вопросы требует смещения фокуса на документы, регулирующие проявление этой инициативы в конкретных случаях. В этом плане наиболее перспективным представляется анализ эпистолярного наследия папы Григория Великого, которое позволяет увидеть не только нормативную базу, но и живую практику переговоров, конфликтов и их разрешений между Римской кафедрой, местными епископами и частными донаторами.

Именно детальный разбор таких ситуаций позволит увидеть, как на практике решались вопросы о границах частного и публичного и о месте частной инициативы в церковной жизни позднеантичного латинского Запада.

Список источников

- Consilium Agathense a. 506, Concilia Galliae a. 314 — a. 506, ed. C. Munier, Corpus Christianorum: Series Latina, vol. 148. Turnholti: Brepols, 1963, 285 p. (Cons. Agath.)
 Gregorius Magnus. Registrum epistularum. Libri I—VII, ed. D. Norberg, Corpus Christianorum. Series Latina, vol. 140, 140A Turnholti: Brepols, 1982, 519 p. (Greg. Registr.)
 Gregorius Magnus. Registrum epistularum. Libri VIII—XIV, ed. D. Norberg, Corpus Christianorum. Series Latina, vol. 140A. Turnholti: Brepols, 1982, 678 p. (Greg. Registr.)
 Liber pontificalis. Pars prior, ed. Theodor Mommsen, Monumenta Germaniae Historica. Gesta pontificum Romanorum, vol. 1. Berlin: Weidmann, 1898, 295 p. (Lib. pontif.)
 Sulpicius Severus. Dialogi, CSEL, vol. 1, ed. C. Halm. Wien, 1866, pp. 152—216 (*Sulp. Sev. Dial.*)
 Teodosiani libri XVI cum constitutionibus sirmondianis, ed. Th. Mommsen, Berlin, 1905, 392 p. (CTh)

Список литературы / References

- Тюленев В.М. Римская вилла в условиях христианизации латинского Запада // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 2. С. 123—133.
 (Tyulenev V.M. Roman villa in the context of the Christianization of the Latin West, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2022, iss. 2, pp. 123—133. — In Russ.)
 Bowes K. “Christianization” and the Rural Home, *Journal of Early Christian Studies*, vol. 15 (2), 2007, pp. 143—170.
 Bowes K. Private Worship, Public Values, and Religious Change in Late Antiquity, Cambridge: Cambridge University Press, 2008, 350 p.
 Bowes K. Christianization of Villas, *The Roman Villa in the Mediterranean Basin*, ed. by A. Marzano, G. P. R. Métraux, Cambridge: Cambridge University Press, 2018, pp. 449—460.
 Caner D. Wandering, Begging Monks. Spiritual Authority and the Promotion of Monasticism in Late Antiquity, Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2002, 325 p.
 Chavarria Arnau A. Chiese ed oratoria domestici nelle campagne tardonitiche, *Religionem significare. Aspetti storico-religiosi, strutturali, iconografici e materialidei sacra privata*, Quasar, 2011, pp. 229—243.
 Maier H. Private Space as the Social Context of Arianism in Ambrose’s Milan, *Journal of Theological Studies*, 1994, vol. 45 (1), pp. 72—93.
 Maier H. Religious Dissent, Heresy and Households in Late Antiquity, *Vigiliae Christianae*, 1995, vol. 49 (1), pp. 49—63.
 Moorhead J. The Popes and the Church of Rome in Late Antiquity, New York; London: Routledge, 2015, 422 p.
 Sfameni C. Dal dominus al vescovo: religione e potere nelle campagne tardoantiche, *Potere e religione nel mondo indo-mediterraneo tra Ellenismo e tarda antichità: atti dell’Incontro di Studio della società italiana di Storia delle Religioni, Roma 2004*, a cura di G. Gnoli, G. Sfameni Gasparro, Roma: ISIAO, 2009, pp. 405—426.
 Sgarlata M. Pro sua devotione. Le pulsioni autonome dell’evergetismo monumentale cristiano nella Sicilia orientale tra V e VI secolo, *Studia humanitatis: Saggi in onore di Roberto Osculati*, a cura di A. Rotondo. Roma: Viella, 2011, pp. 135—151.
 Villegas Marín R. Ciudad y Territorio, Ortodoxia y Disidencia Religiosa En El Imperio Romano Cristiano (Ss. IV—V), *Gerión. Revista De Historia Antigua*, 2012, vol. 30, pp. 263—291.
 Violante C. Le strutture organizzative della cura d’anime nelle champagne dell’Italia centrosettentrionale, *Cristianizzazione ed organizzazione ecclesiastica delle champagne nell’alto medioevo: espansione e resistenze. Settimane di studio del Centro Italiano di Studi Sull’Alto Medioevo* 28, Spoleto: Centro Italiano di Studi Sull’Alto Medioevo, 1982, pp. 963—1158.

White L.M. The Social Origins of Christian Architecture: Building God's House in the Roman World: Architectural Adaptation among Pagans, *Jews and Christians*, vol. 1, Valley Forge: Trinity Press International, 1996, 224 p.

White L.M. The Social Origins of Christian Architecture: The Christian Domus Ecclesiae and its Environment, vol. 2, Valley Forge: Trinity Press International, 1997, 524 p.

PRIVATE RELIGIOUS INITIATIVE IN THE LATE ANTIQUE LATIN WEST (STATEMENT OF THE PROBLEM)

Anna S. Shemarina, Vladimir M. Tyulenev

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
ann.speransky@mail.ru, tyulenev.vl@yandex.ru

Abstract. The article investigates the phenomenon of private religious initiative in the Latin West during the Late Antiquity. It is evident that traditional perceptions of the Christianization of the Roman and post-Roman world in the 4th—6th centuries as a process led by church hierarchs require revision. This revision has been made possible by archaeological excavations, which have provided a new perspective on the world of the late antique villa, including its religious life. However, the collected archaeological material proves difficult to interpret and does not reveal the socio-legal aspects of the construction of churches, oratories, and monasteries by laypersons. The article proposes a path for further resolution of this problem through an analysis of the corpus of letters of Pope Gregory I. This allows for the reconstruction not only of the founders' motives and the legal aspects of implementing the initiative but also reveals the conflict of interests between bishops and the local aristocracy in matters of religious construction and the ways these conflicts were resolved.

Keywords: Latin West, Late Antiquity, church, episcopate, aristocracy, private religious initiative

For citation: Shemarina A.S., Tyulenev V.M., Private religious initiative in the late antique Latin West (statement of the problem), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 2, pp. 96—104.

Статья поступила в редакцию 16.01.2026; одобрена после рецензирования 27.02.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 16.01.2026; approved after reviewing 27.02.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Информация об авторах / Information about the authors

Шемарина Анна Сергеевна — студентка кафедры всеобщей истории и международных отношений, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, ann.speransky@mail.ru, SPIN: 5688-5864

Shemarina Anna Sergeevna — student of the Department of General History and International Relations, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, ann.speransky@mail.ru

Тюленев Владимир Михайлович — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, tyulenev.vl@yandex.ru, SPIN: 6853-5614

Tyulenev Vladimir Mikhailovich — Doctor of Sciences (History), Head of the Department of General History and International Relations, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, tyulenev.vl@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 105—112.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 2. P. 105—112.

Научная статья

УДК 94(71)"1914/1918":364

EDN <https://elibrary.ru/mdzvpj>

DOI: 10.46726/И.2026.2.13

ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КАНАДСКИХ ДОБРОВОЛЬЦЕВ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Екатерина Сергеевна Симоненко

Приморский государственный аграрно-технологический университет

г. Уссурийск, Россия, eka-1982.82@mail.ru

Дмитрий Витальевич Лихарев

Дальневосточный федеральный университет,

г. Владивосток, Россия, likharev_dv@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию политики, проводимой канадским правительством в области пенсионного обеспечения добровольцев, поступивших на службу в канадские экспедиционные силы и военно-морской флот в годы Первой мировой войны. Прослеживается эволюция канадского пенсионного законодательства в годы войны и трудности, с которыми канадское правительство столкнулось в процессе его реализации. Выявлен генезис военного пенсионного законодательства в Канаде; проанализированы условия и механизм назначения военных пенсий в годы войны, в том числе группы инвалидности и ставки оплаты; установлены органы, ответственные за разработку и реализацию пенсионного законодательства. Авторы приходят к выводу, что в годы войны канадское правительство разработало целую систему законодательных мер, нацеленных на материальное обеспечение ветеранов войны, получивших увечья на фронте и не способных вернуться в строй либо к своим прежним довоенным занятиям. Военные пенсии назначались в случае полной или частичной утраты трудоспособности по установленной группе инвалидности. В годы войны в связи с усложнением стандартов инвалидности увеличивалось количество их степеней. Размер пенсии напрямую зависел от двух факторов: принадлежности к конкретной группе инвалидности и звания, в котором находился доброволец в момент получения увечья.

Ключевые слова: история Канады, Первая мировая война, канадская социальная политика, канадское пенсионное обеспечение, канадские добровольцы

Для цитирования: Симоненко Е.С., Лихарев Д.В. Пенсионное обеспечение канадских добровольцев в годы Первой мировой войны // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 105—112.

11 ноября 1918 г. между Германией и союзниками по Антанте было заключено соглашение о прекращении огня, которое ознаменовало собой окончание Первой мировой войны. По утверждению канадского историка Десмонда Мортон, «хотя война была катастрофической с точки зрения потерь, она также была самой “регенеративной”. Это означало, что большое количество раненых солдат выживали и возвращались домой, а не умирали на поле боя» [Morton 2004: 142]. По официальной статистике, за все годы войны почти 173 тыс. канадских добровольцев получили ранения различной степени тяжести и не могли вернуться к своим прежним занятиям [The Origins and Evolution...: 3]. Стало очевидно, что для материального обеспечения канадских ветеранов нерегулярных

© Симоненко Е.С., Лихарев Д.В., 2026

пособий благотворительных фондов и упрощенных пенсионных выплат, существовавших до войны, было уже недостаточно. До войны пенсионные выплаты участникам военных кампаний действовали в Канаде со времени подавления Северо-западного восстания 1885 г., однако они носили упрощенный и несправедливый характер. По свидетельству современников, рядовой солдат, который полностью утрачивал трудоспособность, т. е. совершенно не мог работать, получал всего по 60 центов в день, в то время как выплаты офицерам достигали до 1 тыс. долларов в год за незначительные травмы [Morton 1987: 200].

С началом войны и мобилизацией большой армии стало очевидно несовершенство существовавшей системы. Особенно остро вопрос о материальном содержании инвалидов войны встал уже весной 1915 г., когда первые канадские добровольцы, получившие ранения на фронте и не способные вернуться в строй, стали возвращаться на родину. Канадская госпитальная комиссия и Отдел гражданского восстановления солдат отправляли раненых на лечение в госпитали и послелечебную реабилитацию в санатории, а после выписки на профессиональную подготовку за государственный счет [The Origins and Evolution...: 4]. Однако регулярных денежных выплат на содержание военных инвалидов после выписки из госпиталей не было, поскольку в Канаде не существовало закона о военных пенсиях. Перед правительством встала серьезная проблема — в короткие сроки разработать систему пенсионного законодательства, соответствовавшую условиям военного времени, и реализовать ее на практике.

Еще в декабре 1914 г. члены канадского парламента стали активно выступать с инициативой введения некоей формы выплат для солдат, полностью потерявших трудоспособность на фронте и не способных в дальнейшем к трудовой деятельности. Предлагаемый размер пенсии должен был составить не менее 5 долларов в неделю [Blairmore Enterprise: 11 December 1914]. Поддержав эту инициативу, премьер-министр Р. Борден в марте 1915 г. внес на рассмотрение палаты общин законопроект об учреждении военных пенсий. Правительственное предложение в случае одобрения должно было иметь обратную силу. Его действие предлагалось распространить на период с 1 сентября 1914 г. по 29 апреля 1915 г. Проект получил статус закона после утверждения его генерал-губернатором, а 1 мая 1915 г. он был обнародован в официальном печатном органе «Канада Газетт» [Canada Gazette: 1 May 1915]. Новые правила распространялись на военнослужащих, раненных на фронте или по другой причине получивших «инвалидность», находясь на действительной военной службе, и неспособных в дальнейшем выполнять свои служебные обязанности. При этом добровольцы вынуждены были доказывать, что ранение или увечье они получили не по собственной халатности или неосторожности, а в силу объективных причин.

Интересна трактовка термина «инвалидность», возникшего в Канаде в годы войны и подробно описанного в 1919 г. в журнале Канадской медицинской ассоциации. Считалось, что инвалид должен был получать пенсию не потому, что он потерял глаз, а потому, что, потеряв глаз, он не мог видеть; не из-за ранения плеча, а из-за того, что полностью потерял способность пользоваться рукой. Другими словами, пенсия назначалась за частичную или полную потерю способности к обычной работе. В пользу такой точки зрения приводились следующие аргументы: 1) из-за ограничения или потери трудоспособности выбор профессии для инвалида был ограничен; 2) из-за болезни или травмы ему запрещалось заниматься определенными видами работ; 3) из-за болезни или травмы инвалид нуждался в большем количестве отдыха, чем здоровый человек [Biggar: 29].

В законе устанавливались четыре степени нетрудоспособности или групп инвалидности. Первая группа присуждалась лицам, неспособным в будущем зарабатывать на жизнь в результате ранения или болезни, приобретенных в ходе военных действий. Критерием установления второй группы инвалидности являлись нарушения здоровья, обусловленные ранениями или болезнями, приобретенными

в ходе строевой подготовки или воинского обучения, при наличии которых лицо также не могло зарабатывать себе на жизнь. Третья группа инвалидности присуждалась добровольцам, которые были в значительной степени неспособны к трудовой деятельности в результате ранений или болезней, полученных в ходе военных действий, строевой подготовки или обучения. Наконец, четвертая группа присуждалась лицам, в незначительной степени ограниченных в своей трудоспособности в результате ранений или болезней, полученных на действительной службе, в ходе строевой подготовки или обучения [Copies of Proclamations... First Supplement: 365; The Call to Arms: 209].

Размеры пенсионных выплат напрямую зависели от принадлежности к одной из четырех групп инвалидности. В случае тяжелых телесных повреждений, например, потери обеих ног или обеих рук, либо полной потери зрения, ставки оплаты, предусмотренные для первой и второй групп инвалидности, увеличивались на треть. Рядовые солдаты, полностью утратившие трудоспособность и не имевшие семьи, получали 264 доллара в год. Для сравнения в Австралии и Великобритании размер аналогичных выплат составлял 253 и 316 долларов соответственно. Размер выплат для солдат, имевших семьи, увеличивался до 396 и 380 долларов в Канаде и в Австралии. В Британии размер пенсии не менялся. В случае если в семьях рядовых солдат имелись дети, то размер пенсионных выплат увеличивался пропорционально их количеству. Семья с одним ребенком получала 456, с двумя — 516, с тремя — 576 долларов ежегодно [Official Reports of the Debates 1916: 212—214]. Предполагалось, что ежегодные расходы правительства на пенсионные выплаты добровольцам составят 4—5 млн долларов [Official Reports of the Debates 1915: 373, 852].

21 июля 1915 г. губернатор утвердил аналогичные инструкции, касавшиеся назначения пенсий персоналу флота. Правила распространялись на офицеров и рядовой состав военно-морских сил, служивших на постоянной основе, а также на добровольческий резерв, призванный из запаса для участия в войне. Основаниями для назначения пенсии могли стать ранения или увечья, полученные на службе, в период обучения или строевой подготовки. Требование о назначении пенсии доброволец должен был подать в течение 5 лет после получения ранения или увечья. Все претенденты на получение пенсионных выплат также были разделены на четыре группы инвалидности. При этом условия их присвоения совпадали с условиями, действовавшими в отношении сухопутных войск. Между тем в законе содержались некоторые пояснения. Увечья или ранения могли быть получены моряками не только в ходе выполнения служебных обязанностей на корабле и в сражениях с врагом, но и приобретены в сражениях с пиратами или контрабандистами, а также в ходе подавления волнений на море или на берегу [Copies of Proclamations... Second Supplement: 646—648].

Размеры ежемесячных пенсионных выплат также варьировались в зависимости от звания, который имел персонал флота на момент получения ранения. При этом размеры выплат в армии и на флоте различались. Рядовой матрос имел право на такой же размер пенсии, как сержант пехоты. Размер пенсии мичмана приравнивался к пенсии армейского прапорщика или лейтенанта, флотского лейтенанта — к пенсии капитана сухопутной армии. Размер пенсии капитанов третьего, второго и первого рангов был аналогичен размеру пенсии майора, подполковника и полковника сухопутной армии. Наконец, если для генерала армии размер пенсии был конкретно определен, то для адмирала флота размер пенсионных выплат должен был устанавливаться в каждом конкретном случае отдельно [Там же: 647, 971—972].

Для решения вопросов назначения и выплаты военных пенсий служившим в канадском флоте добровольцам 9 декабря 1915 г. губернатор утвердил положение о создании независимого Военно-морского пенсионного совета. Министр военно-морской службы рекомендовал, чтобы совет состоял из одного офицера военно-морского штаба и одного гражданского практикующего врача. Президентом

совета был назначен директор военно-морской службы вице-адмирал Ч. Кингсмилл, а приглашенным медицинским специалистом стал доктор Р. Пэрент из Оттавы. Последнему было назначено жалование в размере 5 долларов, которые он получал за каждый присутственный день в Совете [Там же: 987].

В декабре 1915 г. на очередном заседании палаты общин министр милиции сообщил о том, что за первые два года войны среди добровольцев канадских экспедиционных сил выявились случаи умопомешательства. В дневнике рядового Д. Фрейзера из 31-го канадского пехотного батальона, сформированного в Альберте, запечатлены мрачные реалии битвы при Сент-Элои 1916 г., с воспоминаниями о которых было трудно справиться в гражданской жизни. «Головы, руки и ноги торчали из грязи на каждом дворе, и бог знает сколько тел поглотила земля. По крайней мере, тридцать трупов были видны в воронке от снаряда, и в ее глинистых водах другие жертвы были убиты и утоплены», — писал Д. Фрейзер [The Journal of Private Fraser: 113]. Долгое время медицинская служба не могла дать официального определения психическим расстройствам, которыми страдали солдаты, побывавшие на поле боя. Первоначально для назначения пенсионных выплат чиновники использовали довоенные понятия «неврастении» и «истерии». Так, термин «неврастения» был введен доктором Дж.М. Бирдом в конце XIX в. Он постулировал, что все более современный и конкурентный мир породил социальную тревогу и депрессию, которые вызвали такие симптомы, как: головная боль, усталость, бессонница, беспокойство, а в некоторых случаях и паралич [Lease: 16]. Департамент милиции постановил, чтобы солдат, страдающих разными формами психических расстройств в результате военной службы, отправляли в провинциальные приюты для душевнобольных на лечение по месту жительства. При этом по свидетельству историков М. Хамфриса и К. Курчински, стандартным лечением в канадских больницах было «лечение отдыхом» [Humphries, Kurchinski: 92]. Министр настаивал, чтобы лечение и содержание таких добровольцев в соответствующих учреждениях производилось за государственный счет [Copies of Proclamations... Second Supplement: 995]. Департамент милиции разработал инструкции в отношении денежного довольствия, пособий и пенсий таким солдатам и членам их семей. Солдаты-холостяки с неизлечимым психическим расстройством должны были до конца жизни содержаться в психиатрической больнице за счет государства, но взамен не имели права на получение военной пенсии и других пособий. Солдаты-холостяки, которым было диагностировано временное помешательство, сохраняли право на получение денежного довольствия в соответствии с рангом в течение шести месяцев, однако деньги выплачивались только после выписки из больницы. После шести месяцев лечения, если не наступала стойкая ремиссия, военнослужащих переводили в разряд «неизлечимых больных», и они теряли право на получение пенсий и пособий. Женатые солдаты могли рассчитывать на то, что государство обеспечит их семьи денежным содержанием. В случае временного умопомешательства солдата его домочадцы в течение полугода получали денежное довольствие за службу и пособие на содержание, в случае неизлечимого заболевания — только пособие. В случае смерти солдата, проходившего лечение в психиатрической лечебнице, рассматривался вопрос о назначении его иждивенцам постоянной пенсии [Copies of Proclamations... Second Supplement: 995—996]. Невозможность возвращения к нормальной гражданской жизни пациентов, страдавших даже временным умопомешательством, хорошо проиллюстрировала «Калгари Дэйли Геральд». В январе 1919 г. она поместила на своих страницах фотографию группы из семи человек с подписью: «Все эти люди были контуженными пациентами военного госпиталя в Англии. Они вылечились и теперь освобождены от армии. Их армейский опыт [был] захватывающим, но, вероятно, окажется полезным только в загробной жизни» [The Calgary Daily Herald: 20 January 1919].

В феврале 1916 г. главный казначей департамента милиции Дж. Борден обнародовал меморандум, в котором содержалась сравнительная характеристика

размеров пенсионных выплат, назначаемых в Канаде, Австралии, Новой Зеландии, Великобритании и США. В соответствие с ним ставки пенсионных выплат в Канаде для солдат, полностью или частично утративших трудоспособность, были ниже, чем в Новой Зеландии, но немногим выше, чем в Австралии, и значительно выше, чем в Великобритании. В Англии за частичную потерю трудоспособности размер пенсии составлял 24 доллара в месяц, а в Канаде — 32 доллара. Власти доминиона объясняли разницу в размерах выплат тем, что стоимость жизни в доминионе была выше, чем в метрополии. Что касается офицеров, то канадские ставки были выше, чем австралийские и новозеландские, но значительно ниже британских. Для вдов канадских солдат правительство начисляло примерно такой же размер пенсии, как и австралийские власти. При этом данная выплата была почти в два раза выше пенсий, предназначенных для британских вдов, и намного ниже, чем для американских женщин, потерявших мужей. Пенсионные ставки для вдов офицеров, погибших или умерших в чине лейтенанта или капитана, были практически одинаковыми в Канаде, Австралии и метрополии. Для офицеров рангом повыше, например, майоров и подполковников, канадские пенсии были выше, чем в Австралии, но ниже, чем в Англии [Soldiers Pensions: 11—14].

3 июня 1916 г. канадское правительство приняло поправки к закону о военных пенсиях. Для решения вопросов пенсионного обеспечения добровольцев был учрежден общий для армии и флота Канадский совет комиссаров по пенсионному обеспечению, состоявший из трех членов, назначаемых губернатором. Каждый член совета назначался сроком на 10 лет, однако он мог быть смещен в любое время распоряжением губернатора, а также после истечения срока своих полномочий переизбран. Члены совета выбирали из своего состава председателя, который занимал этот пост определенный период времени. Совет имел исключительные полномочия в решении вопросов назначения, а также выплаты всех видов пособий и пенсий добровольцам, служившим в армии и на флоте. Обжалованию в вышестоящие инстанции решения совета не подлежали, однако недовольные могли лично обратиться к совету и изложить суть своей жалобы [Copies of Proclamations... Third Supplement: 1781—1782]. Вскоре местные отделения были открыты во всех крупных провинциальных городах: Ванкувере, Калгари, Эдмонтоне, Реджайне, Виннипеге, Лондоне, Гамильтоне, Торонто, Кингстоне, Монреале, Квебеке, Галифаксе [Didsbury Pioneer: 7 March 1917].

Основанием для назначения всех видов пенсий являлась нетрудоспособность добровольца независимо от того, каким видом труда он занимался до поступления на службу. В конце каждого года совет по пенсионному обеспечению пересматривал каждый случай в отдельности и решал вопрос о продлении срока выплаты пенсии еще на один год. Не производилось удержание пенсии в случае, если пенсионер устраивался на работу в какую-либо гражданскую сферу производства. По личному желанию самого добровольца совет мог направить его на профессиональное обучение какой-либо гражданской специальности. Все кандидаты на получение пенсионных выплат были разделены на шесть групп в зависимости от степени нетрудоспособности.

Первая группа инвалидности означала полную (100 %) потерю трудоспособности. Причинами для установления первой группы были полная потеря зрения, отсутствие обеих рук или всех пальцев рук, обеих ног по колено и выше, неизлечимый туберкулез или психическое расстройство. Вторая группа подразумевала частичную (от 80 % — но менее 100 %) потерю трудоспособности. Причинами для установления второй группы являлись отсутствие одной руки и одной ноги по тазобедренный сустав, или отсутствие обеих ступней. Третья группа инвалидности означала частичную, но менее тяжелую степень потери трудоспособности (от 60 % — но менее 80 %). Причинами для установления третьей группы были отсутствие одной руки, одной ноги по колено, языка или носа. Четвертая группа инвалидности

предполагала частичную (от 40 % — но менее 60 %) потерю трудоспособности. Причинами для установления четвертой группы выступали отсутствие одного глаза, одной ступни, полная глухота, отсутствие больших пальцев на обеих руках. Пятая группа инвалидности означала частичную (от 20 % — но менее 40 %) потерю трудоспособности. Причинами для установления пятой группы являлись отсутствие большого пальца на одной из рук, анкилоз локтевых, коленных, плечевых суставов, а также суставов запястий и лодыжек. Наконец, шестая группа инвалидности предполагала самую незначительную степень потери трудоспособности (до 20 %). Причинами для установления этой группы были полная глухота на одно ухо либо частичная на оба, отсутствие указательного или другого пальца (кроме большого) на руке [Copies of Proclamations... Third Supplement: 1781—1782; Blairmore Enterprise: 7 July 1916].

В новой редакции закона также была представлена шкала годовых пенсионных ставок для всех групп инвалидности. При полной потере трудоспособности бригадный генерал получал 2700, полковник — 1890, подполковник — 1560, майор — 1260, капитан — 1000, лейтенант — 700, прапорщик (мичман) — 680, сержанты и служащие нижестоящих рангов в зависимости от подразделения — от 620 до 480 долларов в год. Военнослужащие, второго класса имели право на получение пенсии в размере 80 %, третьего класса — 60 %, четвертого класса — 40 %, пятого класса — 20 % от суммы, установленной для первого класса [Copies of Proclamations... Third Supplement: 1782—1784; Blairmore Enterprise: 7 July 1916]. Эти правила имели обратную силу: их действие распространялось на весь период войны, с 4 августа 1914 г. и только на членов экспедиционных войск.

Спустя полгода в середине декабря 1916 г. в закон о военных пенсиях была внесена еще одна поправка. Она касалась распространения шкалы выплат при полной нетрудоспособности, утвержденной в июне 1916 г., не только на армейские чины, но и на служивших в канадском флоте матросов и офицеров. При этом было установлено конкретное соотношение между армейскими и флотскими званиями. Чину армейского генерала соответствовал флотский чин адмирала, чинам полковника, подполковника и майора — чины капитана первого, второго и третьего рангов. Армейские звания капитана, лейтенанта и прапорщика приравнивались к флотским званиям лейтенанта, младшего лейтенанта и мичмана. Звания полкового сержанта и сержанта соответствовали чинам корабельного гардемарина и старшины во флоте [Returned Soldiers: 134—135].

В апреле 1917 г. департамент милиции опубликовал меморандум о начале процедуры демобилизации солдат-инвалидов и назначении им военных пенсий. Был установлен запрет увольнять солдат, отнесенных к одной из групп инвалидности, со службы до вынесения решения медицинского совета. В решении должно было быть указано, что дальнейшее лечение в госпитале бесперспективно, так как не сможет повлиять на степень дальнейшей трудоспособности. Более того солдата могли уволить со службы только после получения от пенсионного комиссара предписания о назначении ему военной пенсии по нетрудоспособности. В предписании указывался конкретный день начала начисления пенсии с тем, чтобы до этого момента сам солдат и члены его семьи могли получать жалование и пособие на содержание [Blairmore Enterprise: 20 April 1917].

Таким образом, в годы войны канадское правительство разработало целую систему законодательных мер, нацеленных на материальное обеспечение ветеранов войны, получивших увечья на фронте и не способных вернуться в строй либо к своим прежним довоенным занятиям. Военные пенсии назначались в случае полной или частичной утраты трудоспособности по установленной группе инвалидности. В годы войны в связи с усложнением стандартов инвалидности увеличивалось

количество их степеней. Размер пенсии напрямую зависел от принадлежности к конкретной группе инвалидности и звания, в котором находился доброволец в момент получения увечья.

Список источников

- Back to “Civies”, *The Calgary Daily Herald* [newspaper], 20 January, 1919, 13 p.
- Biggar J.L. The Pension ability of the Disabled Soldier, *The Canadian Medical Association Journal*, January 1919, vol. 9, no. 1, pp. 28—33.
- Board of Pension Commissioners, *Didsbury Pioneer* [newspaper], 7 March 1917, 9 p.
- Canada. Government. Public Works and Government Services Canada, *Canada Gazette*, Ottawa: Kings Printer, 1915, vol. 48, № 4, 1 May 1915, pp. 3416—3417.
- Canada. Parliament. House of Common, Returned Soldiers: Proceeding of the special committee appointed to consider, Inquire and Report upon the Reception, Treatment, Care, Training and Re-Education of the Wounded, Disabled and Convalescent, Ottawa: J. de L. Taché, 1917, XXXVIII, 1262 p.
- Copies of Proclamations, Orders in Council, and Documents relating to the European War, comp. by the Department of the Secretary of State of Canada: 1st supplement, Ottawa: Government Printing Bureau, 1915, pp. 1—526.
- Copies of Proclamations, Orders in Council, and Documents Relating to the European War, comp. by the Department of the Secretary of State of Canada, 2nd supplement, Ottawa: Government Printing Bureau, 1916, pp. 527—1050.
- Copies of Proclamations, Orders in Council, and Documents Relating to the European War, comp. by the Department of the Secretary of State of Canada: 3^d supplement, Ottawa: Government Printing Bureau, 1917, pp. 1051—1951.
- Discharge and Pension Rules, *Blairmore Enterprise* [newspaper], 20 April, 1917, 7 p.
- New Scale of Pensions, *Blairmore Enterprise* [newspaper], 7 July, 1916, 4 p.
- Official Reports of the Debates of the House of Commons of the Dominion of Canada 1915, 12th Parliament, 5th session, Ottawa: J. de L. Tache, 1915, vol. 1 (vol. CXIX), 944 p.
- Official Reports of the Debates of the House of Commons of the Dominion of Canada 1916, 12th Parliament, 6th session, Ottawa: J. de L. Tache, 1916, vol. 1 (Vol. CXXII), 943 p.
- Pound a Week for Disable Men, *Blairmore Enterprise* [newspaper], 11 December, 1914, 6 p.
- Soldiers Pensions: Proceedings of the Special Committee Appointed to Consider and Report upon the Rates of Pensions... From 13 March to 10 May 1916, Ottawa: J. de L. Tache, 1916, 191 p.
- The Call to Arms. Montreal’s Roll of Honor European War 1914, Montreal: Southam Press Limited, 1914, 209 p.
- The Journal of Private Fraser from Canadian Expeditionary Force 1914—1918, ed. by Reginald H. Roy, Nepean (Ont.): CEF Books, 1998, 334 p.

Список литературы

- Humphries M.O., Kurchinski K. Rest, Relax and Get Well: A Re-Conceptualization of Great War Shell Shock Treatment, *War & Society*, October 2008, vol. 27, no. 2, pp. 89—110.
- Lease P. Shell Shock: Traumatic Neurosis and the British Soldiers of the First World War, New York: Palgrave MacMillan, 2002, 229 p.
- Morton D. Fight or Pay: Soldiers’ Families in the Great War, Vancouver: UBC Press, 2004, 326 p.
- Morton D. Resisting the Pension Evil: Bureaucracy, Democracy, and Canada’s Board of Pension Commissioners, 1916—1933, *Canadian Historical Review*, June 1987, vol. 68, no. 2, pp. 199—224.
- The origins and evolution of veteran’s benefits in Canada 1914—2004: reference paper of veteran’s affairs of Canada, Ottawa: Canadian Forces Advisory Council, 2004, 159 p.

PENSION PROVISIONS FOR CANADIAN VOLUNTEERS DURING THE FIRST WORLD WAR

Ekaterina S. Simonenko

Primorsky State Agrarian-Technological University, Ussuriysk, Russian Federation, eka-1982.82@mail.ru

Dmitry V. Likharev

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation, likharev_dv@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the study of the Canadian government's pension policy for volunteers who served in the Canadian Expeditionary Force and the Canadian Navy during the First World War. It traces the evolution of Canadian pension legislation during the war and the difficulties the Canadian government encountered in implementing it. The paper explores the origins of military pension legislation in Canada; analyzes the conditions and mechanisms for assigning military pensions during the war, including disability groups and rates of pay; it also identifies the bodies responsible for developing and implementing pension legislation. The authors conclude that during the War, the Canadian government developed a complex system of legislative measures aimed at providing financial support to war veterans who were injured at the front and unable to return to duty. Military pensions were awarded in cases of total or partial loss of ability to work, according to a designated disability category. During the war, due to the increasing complexity of disability standards, the number of disability degrees increased. The pension amount depended directly on two factors: the specific disability category and the volunteer's rank at the time of injury.

Keywords: Canadian history, First World War, Canadian social policy, Canadian pensions, Canadian volunteers

For citation: Simonenko E.S., Likharev D.V. Pension provisions for Canadian volunteers during the First World War, *Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2026, iss. 2, pp. 105—112.

Статья поступила в редакцию 14.01.2026; одобрена после рецензирования 27.02.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 14.01.2026; approved after reviewing 27.02.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Информация об авторах / Information about the authors

Симоненко Екатерина Сергеевна — доктор исторических наук, профессор Межфакультетской кафедры естественно-научных и социально-гуманитарных дисциплин, Приморский государственный аграрно-технологический университет (ПримГАТУ), г. Уссурийск, Россия, eka-1982.82@mail.ru, SPIN: 6640-3483

Simonenko Ekaterina Sergeevna — Doctor in History, Professor, Inter-Institutional Department of Natural Sciences and Social and Humanitarian Disciplines, Primorsky State Agrarian-Technological University (PrimGATU), Ussuriysk, Russian Federation, eka-1982.82@mail.ru

Лихарев Дмитрий Витальевич — доктор исторических наук, профессор Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук, Дальневосточный федеральный университет (ДФУ), г. Владивосток, Россия, likharev.dv@dvfu.ru, SPIN: 8999-5257

Likharev Dmitry Vitalyevich — Doctor in History, Professor, Department of History and Archaeology, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University (FEFU), Vladivostok, Russian Federation

Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 113—121.
Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 2. P. 113—121.

Научная статья
УДК 94(474.3)"1918/1919"
EDN <https://elibrary.ru/namdlo>
DOI: 10.46726/H.2026.2.14

ВЫВОД НЕМЕЦКИХ ВОЙСК ИЗ ЛАТВИИ В КОНТЕКСТЕ БОРЬБЫ ЗА ВЛАСТЬ В ЭТОЙ СТРАНЕ (1918—1919 ГГ.)

Степан Павлович Хрулев, Василий Львович Черноперов

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,
stepanhrulyov@yandex.ru, vlchernoperov@rambler.ru

Аннотация. В статье показаны перипетии вывода германских военных формирований из Латвии в контексте борьбы за власть в этой стране в 1918—1919 гг. Авторы отмечают, что этот вопрос оказался тесно связан с обретением латышами независимости. В публикации особое внимание обращено на действия главы латвийского правительства К. Ульманиса, германского генерал-майора Р. фон дер Гольца, министра иностранных дел Веймарской республики Г. Мюллера, немецкого дипломата А. фон Мальцана и белогвардейского генерал-майора П.Р. Бермондт-Авалова. Авторы пришли к следующему выводу: наиболее последовательно за эвакуацию войск из Латвии выступали дипломаты и политики республиканской Германии, однако только их усилий было недостаточно. Важную роль в победе режима Ульманиса и обретения Латвией независимости сыграли Антанта, а также военные успехи латышско-эстонских формирований в борьбе с прогерманскими и советскими силами.

Ключевые слова: Прибалтика, Латвия, Германия, Антанта, К. Ульманис, Р. фон дер Гольц, Г. Мюллер, А. фон Мальцан, П.Р. Бермондт-Авалов

Для цитирования: Хрулев С.П., Черноперов В.Л. Вывод немецких войск из Латвии в контексте борьбы за власть в этой стране (1918—1919 гг.) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 113—121.

Успехи кайзеровских войск на северо-западе России в 1915 — феврале 1918 г. породили у Второго рейха план создания из Курляндской, Лифляндской и Эстляндской губерний зависимого Балтийского герцогства [Сиполс: 31—36]. Поражение в Первой мировой войне и Ноябрьская революция 1918 г. проект похоронили. Правда, немецкая 8-я армия, размещенная в Эстонии и Латвии, согласно статье 12 Компьенского перемирия, осталась на месте. Антанта видела в ней щит от советизации этой территории [Там же: 46—47].

Война и революции в России и Германии стимулировали национальное движение в Латвии. 17 ноября 1918 г. местные политические объединения создали временный парламент — Народный совет, который на следующий день принял Декларацию независимости [Там же: 56, 57]. Было сформировано Временное правительство во главе с лидером «Крестьянского союза» К. Ульманисом. Берлин 26 ноября 1918 г. официально признал новые власти Латвии. Однако на политической карте вскоре появился еще один игрок. В начале декабря 1918 г. было сформировано Латвийское советское правительство во главе с П.И. Стучкой [Там же: 76].

© Хрулев С.П., Черноперов В.Л., 2026

Угроза советизации вызвала поток беженцев, устремившихся к Лиепе (Либаве) и Вентспилсу (Виндаве), что заставило объединиться республиканцев Германии и Латвии. В конце 1918 г. Генеральный уполномоченный немецкого правительства в Прибалтике социал-демократ А. Винниг подписал с латышским руководством два соглашения: 7 декабря о создании ландесвера (ополчения) из 18 латышских, 7 немецких и 1 русской роты (всего 6 тыс.) [Там же: 62—63], а 29 декабря — о праве немецких добровольцев за участие в боях не менее 4-х недель на гражданство Латвии и на землю в Курляндии [Белая борьба: 15]. Добровольцы, которым было обещано также денежное обеспечение, вербовались в Прибалтике и Германии и объединялись во фрайкоры. Но к середине января 1919 г. под властью Стучки оказалась уже большая часть Латвии, включая Ригу [Сиполс: 81]. Успеху большевиков способствовали симпатии части населения и эвакуация 8-й германской армии. За правительством Улманиса в начале 1919 г. сохранилась лишь часть Курляндии. Причем основную оборону здесь держали фрайкоры во главе с «Железной дивизией», сформированной преимущественно из военнослужащих кайзеровской армии под командованием майора Й. Бишоффа, и Балтийский ландесвер, которому подчинялись белогвардейские части князя, полковника П.А. Ливена. С моря антисоветские силы прикрывали флоты Великобритании, Франции и США [Сиполс: 66].

Ситуацию в Латвии еще больше обострила политика Улманиса. Используя многовековую вражду латышей к немцам-помещикам, он заявил о конфискации земель остзейских баронов, чем оттолкнул от себя местную немецкую общину. У фрайкоровцев к неприятию заявлений о немецких баронах накладывались на раздражение из-за вопроса об обещанной земле в Курляндии и стремления Латвии опереться на республиканцев Германии, Великобританию и Эстонию.

Между тем в боях, отчасти из-за погоды, наступила пауза, чем немцы воспользовались. В Курляндию была переброшена 1-я гвардейская резервная дивизия, насчитывавшая 32 тыс. бойцов [Там же: 102]. Вместе с фрайкором (около 4 тыс.) и ландесвером (около 4,5 тыс.) она была объединена в 6-й резервный корпус. 1 февраля 1919 г. командование корпусом Берлин поручил генерал-майору Р. фон дер Гольцу, отличившемуся подавлением большевистских сил в Финляндии. Латышские военные силы Улманиса не превышали 1,4 тыс. [Там же: 106].

В начале марта 1919 г. немецко-латышские антисоветские силы перешли в наступление. Им активно помогали Антанта и Эстония. В итоге советские войска были оттеснены к Риге, после чего на фронте вновь наступило затишье. Воспользовавшись передышкой, фрайкоровцы, недовольные политикой Улманиса, решились на переворот. 16 апреля 1919 г. их отряды во главе с одним из организаторов ландесвера бароном, лейтенантом Г. фон Мантейфелем и командиром в «Железной дивизии», капитаном Ф.Ф. Пфедфером фон Заломоном свергли правительство Улманиса [Там же: 122]. Сам правитель успел укрыться на пароходе «Саратов», который находился под охраной англичан. Корабль под охраной ВМФ Великобритании и Франции вышел в море. Во главе Латвии немцы поставили лютеранского пастора, латыша А. Ниедру. Антанта осудила переворот и в ноте от 24 апреля 1919 г. потребовала немедленно восстановить правительство Улманиса [ADR: Das Kabinett Scheidemann: 226, anm. 1]. В ответ Берлин заявил о непричастности к событиям в Лиепе, объявив их «делом рук местного населения» [Ibid.: anm. 2]. Правда, одновременно делал шаги, которые фрайкоровцы воспринимали как поддержку. Именно так немецкие добровольцы восприняли визит министра рейхсвера Г. Носке в Курляндию в начале мая 1919 г. [Ланник: 190]. Отметим, что переворот соответствовал взглядам значительной части немцев. Так, Гольц

не поддерживал идею независимости Латвии и Эстонии и видел их в будущем частью Германии. Местную немецкофобскую националистическую элиту он презирал, а Улманиса считал лицемером и спекулянтом, мешающим бороться с варварами-большевиками [Гольц Р. фон дер: 159, 167].

Но не только Улманис использовал антинемецкие настроения латышей. Правительство Стучки 25 апреля 1919 г. издало декрет об изгнании немецких баронов из страны [Сиполс: 90]. Это решение, однако, лишь сплотило в Латвии германские и белогвардейские силы. Фрайковцы при поддержке корпуса Ливена развернули новое наступление против советских войск. Антанта, не препятствуя действиям немцев, продолжала требовать восстановления правительства Улманиса. Более того, стала настаивать также на отставке Гольца [ADR: Das Kabinett Scheidemann: 265]. Министры Веймарской республики договорились о выводе войск из Прибалтики на восток Германии [Ibid.: 259, 260, 305]. Правда, Латвию покинула лишь часть 1-й гвардейской запасной дивизии [Сиполс: 132].

Гольца вызвали в Берлин, где 11 мая 1919 г. в приемной президента Ф. Эберта он встретился с руководителем комиссии по перемирию М. Эрцбергером, министром рейхсвера Г. Носке, военным министром Пруссии генералом В. Рейнхартом и другими чиновниками. Во время встречи Гольц привел аргументы против вывода немецкой армии из Латвии: сложившаяся ситуация благоприятна для полного разгрома большевиков в Прибалтике; приказ об отступлении может вызвать у военнослужащих непонимание и даже протесты; вывод войск чреват всплеском антинемецких настроений у местного населения; участники боевых действий, не получившие обещанные земли, могли воспринять ситуацию как предательство и начать «грабить и мародерствовать по всей стране» [ADAP, Bd. II: 28]. Гольц предложил оставить в Латвии 10 тыс. военнослужащих, зачислив их в местную армию и позволив принять гражданство этой страны [Ibid.]. Генерала не поддерживали. Носке и Эрцбергер настаивали на выводе войск. Правда, ввиду расстроеного железнодорожного хозяйства, без четкого определения сроков [Ibid.: 29].

Между тем, фрайковцы продолжали наступать. К середине июня 1919 г. режим Стучки потерял большую часть Латвии. Правительство Ниедры переехало в Ригу. Поражение большевиков, однако, не принесло мира. Теперь столкнулись ландесвер и фрайкоры, стремившиеся к германской гегемонии в Латвии, с латышскими и эстонскими формированиями, поддерживавшими Улманиса [Сиполс: 135]. Причем немцы для сокрытия экспансионистских целей стали выдавать фрайкоры за латышские части [Там же], но это не помогло. Страны Согласия, разработав на парижской мирной конференции параметры послевоенного мироустройства, зафиксированные в Версальском договоре (28 июня 1919 г.), более не нуждались в германском военном присутствии в Прибалтике. Тем более что эстоно-латышская армия при поддержке Антанты 22 июня 1919 г. атаковала и разбила германские части [Там же: 141]. Новые поражения и давление Антанты заставили немцев пойти на перемирие [Там же: 142]. По его условиям германские части отходили южнее Даугавы, ландесвер покидали все чины «германской службы», а само ополчение переходило под командование британского полковника Г. Александра [Там же: 142—143; Белая борьба: 45]. 8 июля 1919 г. правительство Улманиса вернулось в Ригу. Сюда же прибыл глава антантовской миссии в Финляндии и новых балтийских государствах, британский генерал Х. Гоф, который, по мнению Ливена, оказался «злейшим врагом русских начинаний» и противником русско-немецкого взаимодействия в борьбе с большевиками [Белая борьба: 43, 50, 51].

14 июля 1919 г. глава Высшего военного совета Антанты маршал Ф. Фош передал Берлину очередную ноту с требованием вывести германские войска из Прибалтики до конца августа. Это заявление подтолкнуло часть германских военных и политиков на розыгрыш «бермонтовской карты».

Речь идет о полковнике П.Р. Бермондт-Авалове — человеке с туманным прошлым и склонном к авантюрам. Он сотрудничал с немцами с 1918 г., вербовал военнопленных для Белого движения, которые пополняли корпус Ливена. Когда этот князь в июле 1919 г. отбыл к Н.Н. Юденичу на петроградский фронт, белогвардейские части в Латвии возглавил Бермондт-Авалов [Мусаев: 14]. В отличие от Ливена, готового сотрудничать с Улманисом, Бермондт считал этого политика предателем единого антибольшевистского фронта [Бермонт-Авалов]. Не желал он присоединяться и к другим антибольшевистским силам [Мусаев: 16]. При поддержке немцев он объединил белогвардейцев в Латвии в Западную русскую добровольческую армию. Ее-то немцы и решили использовать. Еще 13 июля 1919 г. Гольц издал приказ, разрешавший переход под знамена Бермондт-Авалова как отдельных военнослужащих, так и целых подразделений [ADAP, Bd. II: 246]. Его позицию, по сути, поддержал заместитель статс-секретаря в министре иностранных дел Веймарской республики Х. фон Хаймгаузен. В записке руководству также от 13 июля он подчеркивал, что в Прибалтике «единственной силой, преследующей интересы, параллельные интересам Германии», являются русские войска, и призывал им помочь [Ibid.: 165]. Мюллер, однако, такую позицию не разделял и на следующий день в телеграмме Хаймгаузену стал настаивать на ускоренном выводе немецких частей из Прибалтики. Причем главной силой, тормозящей процесс, назвал военных [Ibid.: 166]. Глава МИДа явно опирался на позицию президента Ф. Эберта, который еще 3 июля высказался за быстрый вывод войск и отзыв Гольца [Ibid.: ann. 5]. Генерал В. Грёнер отверг упреки Мюллера. Более того, возложил ответственность за затягивание вывода войск на самих дипломатов. В телеграмме представителю МИДа от 19 июля 1919 г. он отметил, что именно мидовцы рекомендовали армии занять в вопросе эвакуации «выжидательную позицию» до прояснения ситуации в Латвии [Ibid.: 181—182].

Тема вывода войск из Прибалтики стала основной на встрече президента Эберта, министра иностранных дел Мюллера, тайного советника и начальника политического отдела канцелярии президента Р. Надольного с генералами Грёнером и Гольцем 20 августа 1919 г. Офицеры настаивали на невозможности быстрой эвакуации, упирая на два аргумента: 1) уход германских войск из Прибалтики делает Восточную Пруссию уязвимой перед большевистским вторжением; 2) часть немецких военных, решивших остаться в Латвии, уже создали там кооперативы и начали обрабатывать землю, поэтому из-за угрозы потери хозяйства могут выйти из подчинения [Ibid.: 261]. Однако аргументы генералов приняты не были. Более продуктивно для Грёнера и Гольца прошло обсуждение вопросов о торговле с немцами-добровольцами, принявшими латвийское подданство и ставшими земледельцами, а также о денежном обеспечении формирований Бермондт-Авалова, которым предполагалось выделять «от 6 до 8 млн марок в месяц» [Ibid.: 262]. Англичане, кстати, вскоре об этом узнали [Ibid.: 276—277]. Помимо немецкого финансирования бермондтовцы получали средства из Берлина от комитета во главе с сенатором Н.И. Туган-Барановским, который претендовал на лидерство во всем Белом движении [Мусаев: 14—15]. Были у них и другие источники.

Между тем, в Латвии из повиновения вышел командир «Железной дивизии» майор Бишофф. 23—24 августа 1919 г. он призвал в германских солдат не подчиниться приказу из Берлина об эвакуации и продолжать борьбу в Прибалтике

против большевиков, англичан, всех антинациональных сил вплоть до германского правительства и подчинявшегося ему рейхсвера (см. подробнее: [Ланник; ADAP, Bd. II: 276]).

Разразившийся мятеж требовал оперативного решения. Представитель МИДа при германском командовании в Кольберге И.А. Шмидт надеялся, что выходом из кризиса могут стать договоренности с англичанами, которые при условии участия восставших в борьбе с большевиками разрешили бы им поселиться в Курляндии [Ibid.: 277]. Правительство Веймарской республики решительно осудило мятеж Бишоффа. При этом, как отметил Мюллер в телеграмме тому же Шмидту, в Берлине опасались, что фрайкоровцы, почувствовав себя преданными, начнут объединяться и перейдут в Курляндии «к незаконным действиям и насилию» [Ibid.: 277, anm. 5].

Для разрешения кризиса в Прибалтику был направлен уполномоченный МИДа в Эстонии и Латвии опытный дипломат А. фон Мальцан [Хрулев]. Прибыв в Ригу, он 6 сентября 1919 г. провел с Гольцем продолжительные переговоры [ADAP, Bd. II: 304]. Мальцан пытался через генерала донести до мятежников, в среде которых Гольц пользовался уважением, следующие соображения: 1) «Латвийское правительство обещало только натурализацию, а не переселение»; 2) Версальское соглашение аннулировало все прежние «договоры Германии с приграничными государствами», включая договоренности по переселению; 3) «даже если латыши выполнят условия договора о натурализации, немцы де-факто будут считаться (в Латвии. — С. Х., В. Ч.) гражданами второго сорта», и «немецкое правительство не сможет их защитить»; 4) если войска не вернутся к повиновению, правительство полностью порвет с ними связь [Ibid.: 305]. В разговоре Мальцан, по сути, охарактеризовал немецких националистов в Прибалтике предателями идеи национальной солидарности, поскольку немцы на землях, потерянных по Версальскому договору, оказались в худших условиях, чем они.

В ответ Гольц, заверяя Мальцана в лояльности Берлину, заметил, что среди мятежников «немало хороших и порядочных ребят», которых латвийское правительство может расстрелять «как бешеных собак» [Ibid.]. При этом не акцентировал внимание на фактах массового мародерства и насилия фрайкоровцев над латышами. В качестве компромисса Гольц вернулся к идее переброски 6—8 тыс. мятежников на борьбу с большевиками. Мальцан посоветовал генералу передать этот проект Антанте и пообещал поддержать его на встрече с Улманисом. И обещание выполнил. На переговорах с Улманисом 8 сентября он договорился об отправке «Железной дивизии» на антибольшевистский фронт [Ibid.: 306]. Правда, при условии, что ранее начнется эвакуация других немецких частей. Лидер Латвии, осведомленный о преступлениях фрайкоровцев, сообщил Мальцану, что мятежники, отказывающиеся покидать Курляндию, будут уничтожены при поддержке 30 тыс. армии Эстонии [Ibid.].

10 сентября 1919 г. Гольц встретился с командирами фрайкоров, на котором озвучил аргументы Мальцана. На следующий день тот получил информацию о том, что начальник литовского Генерального штаба С. Жукаускас «дал понять Гольцу, что комиссия Антанты в Каунасе» может поддержать решение о развертывании на Двинском фронте против большевиков тех немецких частей, которые не желали эвакуироваться [Ibid.]. Правда, и Гольцу пришлось продемонстрировать готовность к взаимодействию и отдать приказ об аресте капитана К. фон Брандиса, чей добровольческий корпус самовольно двинулся на Даугавпилс [Ibid.].

По итогам переговоров в Риге Мальцан пришел к следующему выводу: Гольц лоялен Берлину, чего нельзя сказать об офицерах «Железной дивизии»,

которые в массе — реакционеры, рядовые же — скорее аполитичны, но идут за командирами в неприятии германских политиков, которые ответственны за подписание унизительного Компьенского перемирия. Мальцан также заметил, что солдаты не желали возвращения в Германию из-за переживаемого страной кризиса и «опьянения постыдной жизнью господина в Курляндии и властью над латышами» [Ibid.].

В отчете от 14 сентября 1919 г. Мальцан поднял вопрос будущего Латвии. Причем был откровенен и даже циничен. По его словам, эта страна представляла интерес для Германии лишь как транзитный пункт в Россию, поэтому не следовало торопиться с ее признанием де-юре, а ограничиться защитой «4000—5000 немцев, все еще проживающих в [Курляндии] и Лифляндии, развитием немецкого языка и предпринимательства, а также восстановлением торговли и товарообмена» [Ibid.: 307, anm. 4].

20 сентября 1919 г. Бермондт-Авалов уже в чине генерал-майора заявил о принятии в Прибалтике всей полноты власти, а на следующий день Гольц передал ему командование всеми войсками в Курляндии [Сиполс: 160]. Носке решение генерала поддержал [Там же: 161]. С этого момента ускорилось вливание фрайкоровцев в Западную русскую добровольческую армию. Вошла в нее и «Железная дивизия», а Бишофф занял должность начальника штаба бермондтовцев. Согласно В.Я. Сиполсу, Западная русская добровольческая армия насчитывала от 51 до 52 тыс. бойцов, из которых 40 тыс. были немцами [Там же: 161, 162]. Встречаются, правда, и другие оценки численности бермондтовцев — от 45 до 50 тыс. [Мусаев: 14], но пропорция национального состава остается прежней — $\frac{3}{4}$ составляли немцы [Бермондт-Авалов].

В начале октября Бермондт-Авалов образовал в Елгаве (Митаве) собственное правительство — Центральный совет по управлению Западной областью России — известное еще как Западнорусское [Мусаев: 16].

Антанта была раздражена происходящим в Латвии. 19 и 24 сентября 1919 г. помощник начальника Генерального штаба Американского экспедиционного корпуса полковник Дж. Э. Логан встретился с руководителем германской делегации по мирным переговорам бароном К. фон Лерснером. Американец передал немцу послание, в котором Вашингтон потребовал «немедленной эвакуации» немецких войск из Прибалтики. США заявили, что не верят «в добрую волю немецкого правительства» и выразили убеждение, «что значительная часть немецкого народа открыто и тайно поддерживает графа фон дер Гольца» [ADR: Das Kabinett Bauer (1919/1920): 270, anm. 2]. Американцы угрожали: если вывод войск не начнется в течение нескольких дней, они не будут препятствовать маршалу Ф. Фошу оккупировать Франкфурт-на-Майне и лишат Германию «доступа к кредитам, сырью и продовольствию» [Ibid.; ADAP, Bd. II: 322—323, anm. 2]. Напуганные правители Германии 25 сентября 1919 г. вынесли вопросы, поднятые США, на заседание правительства. По его итогам было решено: Гольца отозвать; согласиться с Вашингтоном на создание совместной германо-союзнической комиссии для контроля над выводом немецких частей; отказать войскам в дополнительных средствах и эвакуировать их «небольшими группами», рассредоточивая по всей Германии; сообщить мятежным частям об опасности репрессий против них [ADR: Das Kabinett Bauer (1919/1920): 270]. После заседания правительства Мюллер попросил Лерснера уведомить Логана о принятых решениях и указать, что после эвакуации германских частей именно Антанта должна будет взять на себя заботу о почти 170 тыс. немцах в Прибалтике, которые «не хотят пережить еще одно большевистское лето» [ADAP, Bd. II: 322—324].

Носке 2 октября 1919 г. лично связался с Гольцем и уведомил его о смещении с должности. При этом просил этого военачальника помочь с наведением дисциплины и выводом войск из Елгавы [ADR: Das Kabinett Bauer (1919/1920): 270, анн. 3]. Официально решение об отзыве Гольца и готовности вывести войска появилось на следующий день, о чем тут же уведомили Антанту [Сиполс: 160]. Новым главнокомандующим германских частей в Прибалтике стал генерал-лейтенант М. фон Эберхардт.

Бермондт-Авалов, подстрекаемый немцами, 8 октября 1919 г. развернул против Латвии боевые действия [Мусаев: 17]. Лидеры Белого движения бермондтовцев не поддержали. Улманис же обратился за помощью к Антанте, Эстонии и Польше [Там же: 18].

Акция Бермондт-Авалова стимулировала новый виток разговоров о немецких войсках в Прибалтике. Министр Мюллер, выступая в Национальном собрании 9 октября, заявил, что по неофициальным каналам неоднократно получал от Антанты согласие на сохранение германских частей в Прибалтике [Сиполс: 153]. Хаймхаузен же в телеграмме Лерснеру от 11 октября просил указать представителям Антанты на следующее противоречие: страны Согласия, настаивая на присоединении Германии к антисоветской блокаде, сами постоянно угрожают таковой немцам [ADAP, Bd. II: 347—348]. За строками данного послания просматривался подтекст — Берлин готов присоединиться к блокаде большевиков при смягчении позиции Антанты в отношении Веймарской республики. Телеграмму Хаймхаузена следует рассматривать в контексте приближающегося 20 октября — даты, определенной Парижской мирной конференцией для вывода немецких войск из Прибалтики [Мусаев: 19]. Мюллер в телеграмме Антанте от 29 октября продолжил линию Хаймхаузена. Отказываясь рассматривать тему присоединения к блокаде Советской России, он тут же тем заявил: «Германское правительство ... с радостью поддержит все меры, которые сочтет необходимыми, для достижения общей цели защиты от большевизма» [ADAP, Bd. II: 348, анн. 7]. Обсуждение вопроса прекратили изменения на фронте. 3 ноября латышско-эстонские войска при огневой поддержке английских и французских кораблей начали общее контрнаступление [Мусаев: 20]. От полной катастрофы бермондтовцев (включая «Железную дивизию» и другие формирования) спас отряд добровольцев под командованием Г. Россбаха, который, игнорируя запреты, вышел из Восточной Пруссии и, пройдя Литву, сходу вступил в бой с латышско-эстонской армией [Там же; Ланник: 195].

В события попытался вмешаться также командир 6-го резервного корпуса Эберхардт. Он предложил германским властям помочь бермондтовцам с эвакуацией при выполнении ими следующих условий: Западнорусское правительство заявляет о ликвидации, отдаст «себя и свои войска под покровительство Германии» и просит Берлин о содействии в переговорах с Антантой о выводе на немецкую территорию; «бывшие германские части» признают командиром Эберхардта и «клянутся в повинности» [ADAP, Bd. II: 399, анн. 2]. Носке план генерал-лейтенанта поддержал. В МИДе же на ситуацию смотрели иначе. Дипломаты просили министерство рейхсвера рекомендовать Эберхарду воздержаться от переговоров с бермондтовцами, поскольку эти встречи не санкционированы правительством и противоречат ранним официальным заявлениям Берлина о непризнании режима Бермондт-Авалова [Ibid.: 399]. В МИДе поддержали лишь пункт о выводе из Латвии собственно немецких частей. Причем к конкретной дате — к 11 ноября [Ibid.: 399, 400].

Однако и к этому сроку войска в Прибалтике оставались, что вызвало еще большее ужесточение позиции Антанты. Она стала требовать отзыва из Прибалтики

германских дипломатов, ликвидации действующей там Железнодорожной комиссии и т. д. [Ibid.: 403, 406, 406, anm. 5]. Под давлением 17 ноября 1919 г. немцы согласовали с Антантой меры по полному выводу германских войск из Прибалтики [Ibid.: 404, anm. 4]. 21 ноября 1919 г. военные части оставили Елгаву, а двумя днями позже и Латвию [Мусаев: 20]. Что касается бемондтовцев, то некоторые из них вернулись в 6-ой резервный корпус, остальные же, «окончательно разложившись и потеряв всякие признаки организованности, в беспорядке отступали» через Литву в Восточную Пруссию [Мусаев: 20]. Последние германские отряды покинули Прибалтику 14 декабря 1919 г. Вне контроля Ульманиса оставалась лишь Латгалия, где сохранялась советская власть. Латвия вернет ее при поддержке Польши в начале 1920 г. [Сиполс: 202—203].

Проведенное исследование показало, что борьба за власть в Латвии проходила под сильным влиянием внешних факторов, где одним из самых значительных был германский. Часть немецкой элиты стремилась сохранить свое доминирующее положение в этой стране. Однако большинство политических руководителей и дипломатов в Берлине выступали за вывод войск. К этому их подталкивало как давление Антанты, так и военные поражения немецких и прогерманских сил.

Список источников

- Белая борьба на Северо-Западе России / сост., науч. ред., предис. и коммент. С.В. Волкова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. 687 с.
- Бермонт-Авалов П.Р. Документы и воспоминания // Вопросы истории. 2003. № 1—2, 5—7. URL: <https://lib.ru/HISTORY/FELSHTINSKY/Bermont-Avalov.txt> (дата обращения: 10.09.2024).
- Гольц Р. фон дер. Моя миссия в Финляндии и Прибалтике [мемуары] / пер. с нем., вступ. ст. и коммент. Л.В. Ланник. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2015. 317 с.
- Akten der Reichskanzlei (ADR): Das Kabinett Scheidemann (1919), Boppard am Rhein: Bold, 1971, 622 S.
- Akten der Reichskanzlei (ADR): Das Kabinett Bauer (1919/1920), Boppard am Rhein: Bold, 1980, 890 S.
- Akten zur deutschen auswärtigen Politik (ADAP): 1918—1945: Ser. A: 1918—1925, bd. II: 7. Mai bis 31, December 1919, Göttingen: Vandhoek & Ruprecht, 1984, 524 S.

Список литературы

- Ланник Л.В. «Мятеж» фрайкоров в Прибалтике 23 августа 1919 г.: вспышка германской гражданской войны // Петербургский исторический журнал. 2018. № 3 (19). С. 186—198.
- (Lannik L.V. “The Freikorps Mutiny in the Baltics on August 23, 1919: The Outbreak of the German Civil War”, *Petersburg Historical Journal*, 2018, no. 3 (19), pp. 186—198. — In Russ.)
- Мусаев В.И. «Эти приказы я не обязан выполнять, поскольку Вы не полный хозяин своих действий». Западная добровольческая армия П.Р. Бермондта и немецкая политика в Прибалтике // Военно-исторический журнал. 2022. № 3. С. 12—21.
- (Musayev V.I. “I am not obliged to carry out these orders, since you are not the complete master of your actions.” P.R. Bermondts’s Western Volunteer Army and German Policy in the Baltics, *Military Historical Journal*, 2022, no. 3, pp. 12—21. — In Russ.)
- Сиполс В.Я. За кулисами иностранной интервенции в Латвии (1918—1920). М.: Госполитиздат, 1959. 224 с.
- (Sipols V.Ya. Behind the Scenes of Foreign Intervention in Latvia (1918—1920), Moscow, 1959, 224 p. — In Russ.)
- Хрулёв С.П. А. фон Мальцан: становление дипломата и основные этапы деятельности на советском направлении // Интеллигенция и мир. 2025. № 2. С. 86—111.
- (Khrulev S.P. Ago von Maltsan: the formation of a diplomat and the main stages of activity in the Soviet direction, *Intelligentsia and the World*, 2025, no. 2, pp. 86—111. — In Russ.)

THE WITHDRAWAL OF GERMAN TROOPS FROM LATVIA IN THE CONTEXT OF THE POWER STRUGGLE IN THAT COUNTRY (1918–1919)

Stepan P. Khrulev, Vasilij L. Chernoperov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
stepanhrulyov@yandex.ru, vlchernoperov@rambler.ru

Abstract. This article examines the twists and turns of the withdrawal of German military units from Latvia in the context of the struggle for power in that country in 1918–1919. The authors note that this issue was closely linked to Latvian independence. The publication focuses on the actions of the head of the Latvian government, K. Ulmanis, German Major General R. von der Goltz, Weimar Republic Foreign Minister G. Müller, German diplomat A. von Maltzan, and White Guard Major General P. R. Bermond-Avalov. The authors conclude that diplomats and politicians of Republican Germany most consistently advocated for the evacuation of troops from Latvia, but their efforts alone were insufficient. The Entente, as well as the military successes of Latvian-Estonian units against pro-German and Soviet forces, played a key role in the victory of the Ulmanis regime and Latvia's independence.

Keywords: Baltics, Latvia, Germany, Entente, K. Ulmanis, R. von der Goltz, G. Müller, A. von Maltzan, P.R. Bermond-Avalov

For citation: Khrulev S.P., Chernoperov V.L. The withdrawal of German troops from Latvia in the context of the power struggle in that country (1918–1919), *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2026, iss. 2, pp. 113–121.

Статья поступила в редакцию 18.01.2026; одобрена после рецензирования 27.02.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted to the editorial office 18.01.2026; approved after review 27.02.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Информация об авторах / Information about the authors

Хрулев Степан Павлович — аспирант, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, stepanhrulyov@yandex.ru, SPIN: 7814-6308

Khrulev Stepan Pavlovich — Postgraduate student, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, stepanhrulyov@yandex.ru

Черноперов Василий Львович — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, vlchernoperov@rambler.ru, SPIN: 5277-4946

Chernoperov Vasily Lvovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History and International Relations, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, vlchernoperov@rambler.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 122—130.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 2. P. 122—130.

Научная статья.

УДК 930.1(470):321(410)“183/186”

EDN <https://elibrary.ru/oraqhs>

DOI: 10.46726/И.2026.2.15

АНГЛИЯ В ОЦЕНКАХ М.П. ПОГОДИНА: К ЭВОЛЮЦИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ ИСТОРИКА

Егор Дмитриевич Иванов

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,

г. Нижний Новгород, Россия, 79209292041@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются оценки, данные М.П. Погодиным социально-политическому строю Англии в 1830—1860-е гг. Побывав в 1839 г. в Лондоне, московский историк открыл для себя сильные и слабые стороны этого государства. Его отталкивали культ денег, социальное неравенство, коррупция, бессилие английской короны. Парламентские прения были, с его точки зрения, бесполезны. В то же самое время Погодину импонировала любовь англичан к истории, традиции, «обычаю». Английская аристократия показалась ему надменной, но все-таки «величественной». Промышленность и технические достижения ведущей буржуазно-капиталистической державы пленяли воображение. Загородная сельская местность, которую он наблюдал в окрестностях Лондона, выглядела безупречно, разбудив в Погодине либерально-реформистские надежды. Они, конечно, были приглушены в период внутривнутриполитической реакции рубежа 1840—1850-х гг. Но эпоха Великих реформ вернула их к жизни. Ратуя за буржуазно-капиталистическую модернизацию России, Погодин постоянно апеллировал к английскому опыту. Английские аристократия и парламент вызывали теперь уже не отторжение и скептицизм, а восторг. Гласность, пустившая корни в Лондоне, должна была, по его мнению, привиться и в России. Анализ английской темы в творчестве М.П. Погодина проводится, таким образом, параллельно с выявлением сдвигов в идейной позиции историка в целом.

Ключевые слова: М.П. Погодин, Б. Дизраэли, Р. Кобден, Ч. Непир, Е.П. Ковалевский, П.Д. Киселев, А.И. Кошелев, Англия, парламентаризм, аристократия, гласность, консерватизм, либерализм

Для цитирования: Иванов Е.Д. Англия в оценках М.П. Погодина: к эволюции общественно-политических взглядов историка // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 122—130.

Впервые оценки М.П. Погодиным Англии в 1839 г. рассмотрел биограф историка Н.П. Барсуков [Барсуков 5: 286—293]. Автор, пространно цитируя дорожный дневник Погодина, рассказал о пребывании его в Вестминстерском аббатстве, Британском музее, парламенте, театре, банке, Тауэре, купеческих амбарах. Обратил внимание Н.П. Барсуков и на отношение его к крестьянскому вопросу, английской аристократии. Текст автора, однако, носит описательный характер: в нем совершенно нет аналитики и выводов. Идейная сущность Погодина, оценивавшего английскую действительность, осталась неясной. В отличие от Н.П. Барсукова, В.К. Терещенко продемонстрировала несравненно большую исследовательскую культуру. Характеризуя Погодина-либерала начала 1820-х гг., она подметила любовь его к английской «частной свободе» [Терещенко: 58]. Даже

эволюционируя вправо в 1830-е гг., историк, по мнению автора, «пытался примирить охранительство (консерватизм. — *Е. И.*) с некоторыми из своих прежних (либеральных. — *Е. И.*) убеждений». «Он пытался понять новые экономические и социальные явления, связанные с развитием буржуазных отношений, — отмечала В.К. Терещенко, — ...Путешествуя по Европе (1813, 1839 гг.), он присматривался к состоянию торговли и промышленности, образования, государственного управления, положения различных слоев населения» [Там же: 117]. В политическом облике Погодина-консерватора 1830-х гг., — заключала автор, — можно обнаружить следы «влияния национально-романтического либерализма» [Там же: 136]. Из этих слов ясно, что Погодин, по мнению В.К. Терещенко, не отрекся совсем от буржуазности и либерализма в 1830—1840-е гг. К сожалению, этот вывод был проигнорирован А.Б. Давидсоном. «М.П. Погодин назвал английский банк золотым сердцем Англии, “а другое едва ли есть у нее”», — писал он в статье 1997 г., характеризуя англофобские настроения в русском обществе николаевской эпохи [Давидсон: 136]. Мнение Погодина оказалось здесь в одном ряду с оценками А.С. Пушкина, С.П. Шевырева, А.С. Хомякова и В.А. Соллогуба, консервативный смысл которых не вызывает сомнений. А.Б. Давидсону было ясно их идейное родство. Совершенно очевидно, впрочем, что одного предложения явно недостаточно для добротной характеристики погодинской позиции. Мало что дала и публикация К.А. Мазина [Мазин]. Эту недостаточность, кстати, почувствовала И.Р. Чикалова, подметив пространный характер погодинских рассуждений об Англии, содержащихся в его дорожном дневнике 1839 г. [Чикалова: 21]. И только О.С. Крюкова приблизилась к их анализу. Очутившись в Лондоне, Погодин, пишет автор, слушал выступавших в парламенте политиков, восторгался английскими «рассудком» и «пользой», находил Англию «любопытной» страной, в которой «все твердо, прочно, самобытно» [Крюкова: 73]. За рамками исследования О.С. Крюковой остались, однако, оценки, данные Погодиным английской промышленности, торговле, аристократии. Не раскрыто отношение историка к крестьянскому вопросу. Мнение его о британском парламенте требует все-таки более подробного освещения. Наконец, автор даже не пытается определить идейно-политическую сущность Погодина, оценивавшего английские реалии. Характерно, что любопытный нам сюжет не освещен и в монографиях таких крупных специалистов, как К.Б. Умбрашко, Н.И. Павленко¹, А.А. Ширинянец [Умбрашко; Павленко; Ширинянец].

Итак, оценки Погодиным Англии 1839 г. изучены недостаточно. Есть, кроме того, возможность сравнения их с более поздними, что позволит проследить динамику отношения Погодина к ведущей буржуазно-капиталистической державе XIX в. Анализ этой динамики, совпавшей со сдвигами в идейной позиции историка в целом, и есть цель настоящей работы. Погружаясь в тему, мы, разумеется, не могли миновать и сравнения экономической жизни Англии и России в 1830—1860-е гг.

Главным источником исследования служит, конечно, дорожный дневник Погодина за 1839 г. Нельзя, впрочем, обойтись и без публицистических и эпистолярных текстов историка, созданных как в период правления Николая I, так и в эпоху Великих реформ. Статья выполнена в основном на опубликованном материале, который изучен недостаточно. Выводы ее могут быть скорректированы в ходе дальнейшей работы автора в архивах.

У профессора Погодина не было никаких сомнений в том, что без европейской науки всякое цивилизованное государство было обречено на прозябание.

---

¹ Автор обратил внимание лишь на пребывание Погодина в Париже [Павленко: 258].

Политическая экономия, учение о «торговом балансе», «правило Адама Смита», уверял он студентов Московского университета в 1834 г., есть необходимое условие улучшения «внутреннего быта народов» [Погодин 3: 30—31]. Россия, конечно, не должна была остаться в стороне от этого процесса. Включенной в общеевропейскую семью Петром I, ей следовало обратить внимание на Англию, уже сумевшую обустроить благополучие своего «гражданского общества» при помощи полезных изобретений [Там же: 31]. Восприятие технических достижений, впрочем, не должно было вести к лакейству перед Европой. Вот почему Погодин ратовал за «самостоятельные труды» в науке, «без непосредственной помощи» «гордых англичан» [Там же: 42]. «Русская кровь заговорила в моем сердце», — признавался он, ополчаясь против «обид» и «оскорблений», которым подвергаются «наши ученые» от «чужеземцев». «О, Россия! <...> Тебе, тебе суждено довершить... развитие человечества», — выражал надежду историк, бичуя пришедший из Англии «эгоизм» (цит. по: [Шапиро: 380]).

У консерватора Погодина были все основания сомневаться в безупречности английского буржуазно-капиталистического строя. Приближаясь к Лондону, он, конечно, был поражен обилием пароходов на Темзе, дивился кипучей «торговой деятельностью» моряков. И все-таки первая же обобщающая оценка британской столицы содержала в себе некоторую долю скептицизма. «Вот он, всемирный базар, — писал Погодин, — вот столица народа купующего (покупающего. — *Е. И.*) и продающего, с похотью очей и гордостью житейской, который трудится изо всех сил, ломает себе голову и шею, ухищряется, выдумывает, мерзнет у полюсов и печется под экватором, — с одной целью приобретать все больше и больше; народа, который богаче и беднее всех в мире, у которого личное право развито наиболее, у которого дом есть крепость» [Погодин 1844: 177]. Погодин здесь, бесспорно, не обольщается достижениями буржуазного строя, оспаривая целесообразность тяжелого труда английского народа. Едва ли стоит, полагает он, «трудиться изо всех сил», «ухищряться», «мерзнуть у полюсов» ради бесконечного обогащения. Погодина явно отталкивает «похоть очей» и «житейская гордость» англичан. Подметил он и кричащее противоречие в английском обществе — социальное неравенство.

Со скепсисом продолжал Погодин свое знакомство с английскими порядками. Ему не составило труда обнаружить в обществе следы коррупции [Там же: 179]. «Мошенники, — опасался историк, — попадают здесь (в Лондоне. — *Е. И.*) на каждом шагу». Прогуливаясь по улицам английской столицы, русский путешественник наблюдал «разносчиков афишек», готовых приносить в жертву свое «человеческое достоинство» ради денег. «Что за унижительное положение для человека!» — досадовал Погодин [Там же: 185]. Подчеркивавший исключительно мирный, «любовный» характер взаимоотношений власти и народа в истории России, он видел здесь следы убийств королевских особ. «Здесь задушен тот, там повешен этот... Боже мой! Из чего состоит история!» — передавал он свои впечатления от мрачного Тауэра [Там же: 194]. Наконец, убежденный апологет абсолютистской власти, историк чувствовал бессилие английской короны. Споры в парламенте показались ему «скучными» и «дикими». «Сосед мой, — писал Погодин, — ругал лорда Станлея и приговаривал: вот он чего хочет! Как же! Хорош! <...> Члены его партии и противники выражали свое удовольствие и неудовольствие громкими криками и междометиями, точно как у нас слышатся иногда на улицах, в рядах или на охоте, когда псары пускаются на зайцев. Иностранцу странно слышать такие дикие вопли в высшем совете государства, среди самых важных рассуждений» [Там же: 188]. В парламентских прениях, — признавал все-таки историк, —

было много «рассудка», «пользы», респектабельности. И, тем не менее, смысла они не имели, поскольку результат был заранее предрешен.

Нашел ли Погодин что-либо симпатичное для себя в социально-политическом строе Англии? Да, несомненно. Ему, как консерватору, импонировала любовь англичан к истории, традиции, «обычаю». Следы «поллюбовного обхождения с остатками старины и древности» обнаружил он в том же Тауэре. Виндзорский замок, восклицал он восхищенно, был сама «средняя история» «со своими зубчатыми стенами, подозрными башнями, массивными воротами, мостами». Англиканская церковь поражала его своим «удивительным благоговением». Цельность, единство нации чувствовал он во всем: «от ростбифа, портера до роли, речи». Наконец, московский историк был поражен «гордостью», «независимостью», «спокойствием» английской аристократии. «Отворяются дверцы, и из каретки выскакивает Пери, румяная, белокурая, — делился впечатлениями Погодин. — <...> По всем движениям было видно, что она совершенно довольна собой, что она презирует или пренебрегает все; ничто не кажется ей важным, значительным; она ничему не удивляется; богатству ее верно счету нет, и она не знает цены ему, не понимая даже, что значит быть богатой, а еще менее, что такое нужда и бедность. Она не зависит ни от кого, ни от чего» [Там же: 211]. Аристократические независимость и богатство, бросившиеся в глаза Погодину, соседствовали здесь все-таки с десятками миллионов нищих. Громадное «различие между сословиями», ужасы социального неравенства возмущали русского путешественника, мечтавшего о заветном «сближении сословий». Но даже эти соображения социально-политического реализма не вели к отказу от первоначального восхищения. «Я стоял еще у крыльца, как леди и след простыл, — заключал он. — Вот она, английская аристократия. Кому придется топыриться за ней! Я не люблю ее, а признаюсь, она величественна...» [Там же].

Каково же было отношение Погодина к техническим достижениям ведущей буржуазно-капиталистической державы XIX в.? А.Б. Давидсон, как мы видели ранее, характеризовал его как отрицательное, приводя в качестве доказательства оценку московским историком лондонского банка [Давидсон: 136]. Пространные рассуждения Погодина оказались, таким образом, сведены всего лишь к одному предложению. Такой подход не назовешь корректным. В начале своих размышлений историк, действительно, весьма не восторженно отозвался о «золотом сердце» Англии. Но затем все-таки признал бесспорную прогрессивность «проворных» и «ловких» банкиров. «Англичанин не может держать золота своего дома: ему необходимо пустить его в ход, — писал Погодин. — Своего рода пропаганда! У нас, — признавал он, — толкуют много о торговле, не обращая внимания на характер народа. Никогда торговля наша не сравнится с английской, потому что она не в духе народа; <...> Купец у нас наживет капитал, бросает торговлю, не хочет подвергаться ее опасностям и отказывается от оборотов, а живет себе спокойно процентами. У англичан напротив: капитал чем больше, тем сильнее беспокоит его, и он пускает его в ход» [Погодин 1844: 190—191]. «Мы можем быть счастливы только дома, у себя, в своем семействе, в своей избе», — фиксировал он, характеризуя особенности «быта» «славян». Итак, Погодин подметил коренные, с его точки зрения, отличия английского банкира от русского купца. Последний, к сожалению историка, явно уступал «проворному» и «ловкому» англичанину².

² В этом утверждении, конечно, Погодин был не вполне прав — иначе невозможно объяснить бурную деятельность ивановских промышленников XIX в. — Грачевых, Куваевых, Бабуриных, Витовых, Гарелиных, Ямановских, Бурьлиных.

Обратил внимание Погодин и на другие достижения буржуазного строя. Только в «купеческих амбарах» на берегу Темзы он понял, какой размах может принять торговля. «Горы товаров» обнаружил он в лондонских магазинах, дивясь «богатству», «обилию», «полноте». Проведенный под Темзой тоннель, несмотря на некоторые изъяны, оказался «просторной, удобной, опрятной галереей». Сама постройка его, считал Погодин, доказала, что человек успешно «борется с природой и берет с бою всякий шаг в ее области». В лондонском почтамте не нашел он ни малейших следов пресловутого бюрократизма. Железные дороги были в его глазах «удивительным», «грандиозным» замыслом англичан. Поездка на омнибусе была «страшной», но все-таки захватывающей, «веселой», «с поэзией». Могучая английская промышленность, расположенная не только в Лондоне, но и в Манчестере, Бирмингеме, пленяла его своим размахом, качеством продукции. Наконец, быстроходными и удобными показались Погодину английские пароходы, способные в две недели достигнуть Нью-Йорка. «За лондонским мостом, — писал он, — мы сели на пароход, который должен довести нас почти до самого жилища. Мы проехали Темзу почти во всю длину. Красивый пароход был наполнен людьми как омнибус. И отдохновение, и прогулка, и путешествие!» [Там же: 199]. Москвичу Погодину, по его собственному признанию, было непривычно видеть «действие машин». «Точность заведенных часов», признавал он, перешла здесь во «всеобщее верование, для нас неизвестное».

Восторг от буржуазных достижений перемежался с внимательным наблюдением английской сельской местности вокруг Лондона. «Какая чистота, — описывал Погодин дорогу от Лондона до Хэмптон-корта, — стекла вымыты, задвижки вычищены, крыльца усыпаны песком, везде приметен праздничный день, что за порядок! Сердце радуется» [Там же: 201—202]. Задумывавшись о судьбе английского крестьянина, он невольно вспомнил нелегкую участь крестьянина русского. «Воображение, — писал он, — перенесло меня в те селения, казенные и помещичьи, которые случилось мне узнать коротко в продолжение моей жизни: я представил себе русского крестьянина — что у него есть и чего недостает, что он ест и чего не ест, что пьет, об чем думает и в чем полагает свое счастье» [Там же: 202]. Наблюдая благополучие и довольствие Англии, Погодин мысленно возвращался в Россию и возлагал надежды на П.Д. Киселева, Николая I. Меры «тихие», «спокойные» и «безобидные», писал историк с либеральным воодушевлением, должны улучшить жизнь крепостных крестьян. «Час самый сладкий, самый упоительный во всем моем путешествии! — заключал он. — О, никогда, никогда не позабуду я поездки из Лондона в Гамптон. Думал ли, что вскоре по возвращении из путешествия мечты мои будут осуществляться! Господи! Продли дни нашего великодушного Государя (Николая I. — *Е. И.*), и Дух Святой да наставляет Его во всех путях Его, ко благу Его, то есть, нашей возлюбленной России» [Там же: 203]. Что же явствует из этих рассуждений автора? Бесспорно, что перед нами либеральные надежды Погодина — сына крепостного, который, по верному наблюдению А.В. Почиваловой, «лишь волею судеб получил свободу» и «отрицательно относился к крепостническим порядкам» [Почивалова: 934]. Надежда его на меры «тихие», «спокойные» и «безобидные» есть не что иное, как симпатии к умеренному либеральному реформизму. Иначе и быть не могло в условиях благоустроенной сельской местности Англии, где сердце Погодина «радовалось».

Итоговые впечатления Погодин от английской действительности выглядели следующим образом. «Любопытна Англия! — восклицал он. — Как здесь все твердо, прочно, самобытно! Нельзя не отдать чести англичанам, хоть бы кто и не любил их! Жаль, что я мог взглянуть на них одну минуту. Французы — юноши

в сравнении с этими зрелыми мужчинами, которые знают, чего хотят и куда идут. Но не такого состояния желаю я моему отечеству!» [Погодин 1844: 215]. Последнее замечание автора выглядит, как нам представляется, явной натяжкой. Погодин, конечно, не желал появления в России парламента и аристократии. Его явно отталкивал дух бесконечного обогащения, унижения «человеческого достоинства» ради денег. Чаемое им сближение сословий не имело ничего общего с ужасами социального неравенства Англии. И все-таки именно благоустроенная сельская местность вокруг Лондона навела его на мысли о необходимости мер «тихих», «спокойных» и «безобидных» для России. Реформистские надежды на П.Д. Киселева, навеянные Англией, несут на себе отпечаток умеренного либерализма.

Английский «опыт» пригодился Погодину в 1850—1860-е гг. Проектируя создание Земской думы в период Крымской войны, требуя широчайшего распространения гласности, он невольно оглядывался на Англию. «Что ты надрываешься? — обращался он к Николаю I в конце 1854 г. — Работая так, ты утомляешься понапрасну и тратишь свои силы, для нас драгоценные. В Англии, — продолжал он, — собралось министерство из первых талантов всех партий, которому помогают два парламента, где говорит всякий, что хочет, да неограниченная печать» [Погодин 1874: 285]. Разумеется, подчеркивая принципиальное отличие Земской думы от парламента, историк решительно отводил всяческие подозрения в ее конституционной сущности. Но бесспорно, что поборник русской народности склонил-таки голову перед английской гласностью. «Посмотрите на Англию, которая всегда может представить много поучительного, — писал Погодин А.И. Кошелеву в 1858 г. — Возмущение в Ост-Индии считается ли там делом, принадлежащим директорам Компании? Нет, последний матрос, последний помещик считает это дело собственным своим, рассуждает, действует, и единодушные обещивают успех» (цит. по: [Барсуков 16: 19]). Не случайно, историк был в восторге от английского адмирала Чарльза Непира, который, настойчиво и прямолинейно требуя гласности, «призывал правительство к оружию» [Неизданное объяснение М.П. Погодина...: 179]

От реформистских надежд на П.Д. Киселева, навеянных английской действительностью, ничего не осталось. «Управление государственных имуществ», признавал Погодин в период Крымской войны, «одно заботится об освобождении крепостных крестьян». Но заботилось оно все-таки «дурно», с чиновничье-бюрократической, «приказной» точки зрения [Погодин 1874: 263]. Отмежевываясь от Киселева, Погодин, однако, не оставил своей мечты о ликвидации крепостничества. Меры «тихие», «спокойные» и «безобидные», о которых он грезил в Англии, вдруг стали реальностью. Рескрипт В.И. Назимову, работа губернских дворянских комитетов и Редакционных комиссий, наконец, манифест 19 февраля 1861 г. вызвали неописуемый восторг Погодина. «Мы приветствуем теперь новую зарю», — восклицал он (цит. по: [Барсуков 15: 495]).

Восхищаясь «свободной искренней речью англичан» [Погодин 3: 221], историк одобрил судебную реформу 1864 г. и введение суда присяжных по английскому образцу [Там же: 259, 284].

Восторг от буржуазных достижений Англии, имевший место в 1839 г., не прошел бесследно. Являясь акционером Волго-Донской железной дороги [Павленко: 241], Погодин был в восторге от того, «что мы вступаем, наконец, в новый период истории, что у нас повеяло теперь другим воздухом, и мы начинаем видеть, сознавать свои недостатки» [Погодин 3: 364]. Историк покорно признавал теперь, что «все промышленные народы в Европе разбогатели, возвысились, усилились посредством компаний. Довольно указать на Англию...» [Там же: 363]. Погодин

призывал русский народ «кланяться немцам», которые «ушлее (т. е. хитрее, изворотливее. — *Е. И.*) нас наукою». «<...> Укажите, помогите, научите, — умолял он, — мы отстали маленько, благодаря недобрым или неумным людям <...> Надо догонять, безпременно надо догонять» [Погодин 1861: 27]. Политическая экономия, над которой он смеялся в Лондоне, стала теперь жизненно необходимой [Барсуков 18: 91]. Не случайно историк обсуждал проблему строительства железных дорог в России с лидером английских фритредеров Р. Кобденом [Барсуков 21: 166—170].

Как и ранее, Погодин не мыслил Россию без самодержавной власти. Но отношение его к английскому парламенту все-таки изменилось в лучшую сторону. «Как поучительно, приятно наблюдать или созерцать государственных людей Англии! — восклицал историк в “Политическом обозрении 1866 г.” — Чтобы быть там деятелем, нужно иметь великие способности, нужно много учиться, нужно пройти через строгую школу Парламента, нужно иметь силу работать с утра до ночи, и от ночи до утра. <...> Вот где сила Англии! Члены Парламента только что слушай, и, как присяжные, произноси свое: да или нет. Причины все и доказательства перед ними» [Погодин 5: 158]. Что касается аристократии, то и она упрочила свой авторитет в глазах историка. Именно английские лорды, демонстрируя поразительное единение и понимая необходимость уступок, рассуждал он, оказали всестороннюю поддержку талантливому Б. Дизраэли [Там же: 214—215]. Ничего подобного историк не обнаруживал в своей стране. Свергнувшие Бориса Годунова бояре и понятия не имели о прогрессе, желая лишь охранить собственные интересы, был уверен он. Пример Англии, сожалел Погодин, так ничему и не научил русскую общественность.

Подведем итоги. На протяжении всей жизни московский историк Погодин проявлял значительный интерес к Англии. Реальное знакомство с социально-политическим строем этого государства, произошедшее в 1839 г., открыло для него сильные и слабые стороны «туманного Альбиона». Его отталкивали культ денег и бесконечного обогащения, вопиющее социальное неравенство, коррупция, бессилие английской короны. Парламентские прения были, с точки зрения историка, бесполезны. В то же самое время Погодину импонировала любовь англичан к истории, традиции, «обычаю». Английская аристократия показалась ему «величественной». Промышленность и технические достижения ведущей буржуазно-капиталистической державы вызывали восторг. Загородная сельская местность, которую он наблюдал в окрестностях Лондона, выглядела безупречно, разбудив в Погодине либерально-реформистские надежды. Они, конечно, были приглушены в период внутривосточной реакции рубежа 1840—1850-х гг. Но эпоха Великих реформ вернула их к жизни. Ратуя за буржуазно-капиталистическую модернизацию России, он апеллировал к английскому опыту. Ему было ясно: достижения цивилизации, которые он видел в Англии, стали появляться и в России.

Список источников

- Неизданное объяснение М.П. Погодина по поводу его публикации в газете «Парус» / подг. текста, вступит. заметка и коммент. И.В. Логвиновой // Литературоведческий журнал. 2022. № 4. С. 176—187.
- Погодин М.П. Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник: в 3 ч. М.: Типография Н. Степанова, 1844. Ч. 3. 225 с.
- Погодин М.П. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны: 1853—1856 гг. М.: Типография В.М. Фриш, 1874. 390 с.
- Погодин М.П. Красное яичко для крестьян. СПб.: Типография Академии наук, 1861. 77 с.
- Погодин М.П. Сочинения: в 5 т. М.: Синодальная типография, 1872—1876.

Список литературы / References

- Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина: в 22 кн. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1888—1910.
(Barsukov N.P. Life and works of M.P. Pogodin: in 22 books, St. Petersburg, 1888—1910. — In Russ.)
- Давидсон А.Б. В поисках туманного Альбиона... Из воспоминаний о Николае Александровиче Ерофееве (1907—1996) // Новая и новейшая история. 1997. № 5. С. 130—140.
(Davidson A.B. In search of foggy Albion... From the memories of Nikolai Alexandrovich Erofeev (1907—1996), *New and Contemporary History*, 1997, no. 5, pp. 130—140. — In Russ.)
- Крюкова О.С. Европейское путешествие (1839) М.П. Погодина // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2025. № 1. С. 63—76.
(Kryukova O.S. European journey (1839) of M.P. Pogodin, *Man: image and essence. Humanitarian aspects*, 2025, no. 1, pp. 63—76. — In Russ.)
- Мазин К.А. М.П. Погодин: человек, историк, публицист, коллекционер, турист... // Современные проблемы сервиса и туризма. 2014. № 3. С. 5—12.
(Mazin K.A. M.P. Pogodin: man, historian, publicist, collector, tourist..., *Modern problems of service and tourism*, 2014, no. 3, pp. 5—12. — In Russ.)
- Павленко Н.И. Михаил Погодин. Жизнь и творчество. М.: Памятники исторической мысли, 2003. 360 с.
(Pavlenko N.I. Mikhail Pogodin. Life and work. Moscow, 2003, 360 pp. — In Russ.)
- Почивалова А.В. М.П. Погодин о проблеме крепостного права в России // Известия Пензенского педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 933—937.
(Pochivalova A.V. M.P. Pogodin about the problem of serfdom in Russia, *Bulletin of the Penza pedagogical university named after V.G. Belinsky*, 2012, no. 27, pp. 933—937. — In Russ.)
- Терещенко В.К. М.П. Погодин в общественно-политической борьбе 30—40-х годов XIX столетия: дис. ... канд. ист. наук. М., 1975. 262 с.
(Tereshchenko V.K. M.P. Pogodin in the socio-political struggle of the 30—40s of the XIX century: diss. ... Candidate of Sciences (History), Moscow, 1975, 262 p. — In Russ.)
- Умбрашко К.Б. М.П. Погодин: Человек. Историк. Публицист. М.: Ин-т рос. истории, 1999. 292 с.
(Umbrashko K.B. M.P. Pogodin: Man. Historian. Publicist, Moscow, 1999, 292 pp. — In Russ.)
- Чикалова И.Р. Наблюдения об Англии и англичанах в эгодокументах и отчетах российских путешественников (конец XVIII — начало XX в.) // Запад—Восток. 2016. № 9. С. 18—35.
(Chikalova I.R. Observations about England and the English in ego documents and reports of Russian travelers (late 18th—early 20th centuries), *West—East*, 2016, no. 9, pp. 18—35. — In Russ.)
- Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г.: учебное пособие. М.: Культура, 1993. 761 с.
(Shapiro A.L. Russian historiography from ancient times to 1917: study guide, Moscow, 1993, 761 pp. — In Russ.)
- Ширинаянц А.А. Русский хранитель. Политический консерватизм М.П. Погодина. М.: Русский мир, 2008. 416 с.
(Shirinyants A.A. Russian khranitel'. Political conservatism of M.P. Pogodin, Moscow, 2008, 416 pp. — In Russ.)

ENGLAND IN THE ASSESSMENTS OF M.P. POGODIN: TO THE EVOLUTION OF SOCIAL AND POLITICAL VIEWS OF THE HISTORIAN

Egor D. Ivanov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russian Federation,
79209292041@yandex.ru

Abstract. This article analyzes M.P. Pogodin's assessment of England's sociopolitical system from the 1830's to the 1860's. Having visited London in 1839, the Moscow historian discovered the strengths and weaknesses of that state. He was repelled by the cult of money, social inequality, corruption, and the impotence of the English crown. Parliamentary debates were, in his view, futile. At the same time, Pogodin was impressed by the English love of history, tradition, and "custom". He found the English aristocracy haughty, yet still "majestic". The industry and technical achievements of the leading bourgeois-capitalist power captivated his imagination. The rural countryside he observed around London appeared immaculate, awakening in Pogodin liberal reformist hopes. These were, of course, muted during the period of domestic political reaction in the late 1840's and early 1850s. But the era of the Great Reforms brought them back to life. Advocating for the bourgeois-capitalist modernization of Russia, Pogodin constantly appealed to the English experience. The English aristocracy and parliament no longer evoked rejection and skepticism, but admiration. Publicity, which had taken root in London, was destined, in his view, to take root in Russia as well. An analysis of the English "theme" in M.P. Pogodin's work is thus conducted in parallel with the identification of shifts in the historian's ideological position as a whole.

Keywords: M.P. Pogodin, B. Disraeli, R. Cobden, C. Napier, E.P. Kovalevsky, P.D. Kiselev, A.I. Koshelev, England, parliamentarism, aristocracy, publicity, conservatism, liberalism

For citation: Ivanov E.D. England in the assessments of M.P. Pogodin: to the evolution of social and political views of the historian, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2026, iss. 2, pp. 122—130.

Статья поступила в редакцию 13.11.2025; одобрена после рецензирования 27.02.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 13.11.2025; approved after reviewing 27.02.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Иванов Егор Дмитриевич — аспирант кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, 79209292041@yandex.ru, SPIN: 3101-8994

Ivanov Egor Dmitrievich — postgraduate student, Department of information technologies in humanities research, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 79209292041@yandex.ru

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 131—140.
Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 2. P. 131—140.*

Научная статья
УДК 94(47).084.9
EDN <https://elibrary.ru/oufuaz>
DOI: 10.46726/H.2026.2.16

«ТОВАРИЩ СТАЛИН, ПРОСТИТЕ ЗА ДЛИННОЕ ПИСЬМО...»: ВЛАСТЬ И СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО В ЭПИСТОЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ (1952—1953 ГГ.)

Кирилл Александрович Юдин

Ивановский государственный химико-технологический университет,
г. Иваново, Россия, kirill-yudin.hist@mail.ru

Аннотация. Статья продолжает традиции изучения феномена «писем во власть». Новизна исследования заключается в предпринятой попытке детально рассмотреть относительно узкий хронологический срез — письма, отправленные на имя И.В. Сталина в последние годы его жизни — 1952—1953 гг. с учетом сформированного историографического задела, методологии изучения повседневности, интеллектуальной истории. Преимущественное внимание уделено эго-документам, авторами которых выступали представители научно-педагогической интеллигенции разного статуса — академики И.И. Шмальгаузен, П.Л. Капица, Л.А. Орбели, И.И. Презент, или люди, чей жизненный путь наиболее репрезентативно отразил институционально-политические трансформации периода позднего сталинизма. Делаются выводы о том, что эпистолярному дискурсу была свойственна амбивалентность. Воспроизводились генерированные и инкорпорированные властью в массовое сознание формы ритуализированного нарратива и диалога. При этом на материалах отдельных фрагментов биографий из взятой выборки показано, что, несмотря на наличие стандартизированной лексики, письма содержали индивидуализированные стратегии самозащиты. Они проявлялись в инструментальном использовании практик «критики и самокритики» для смягчения уже предъявленных обвинений, или создании своеобразного коммеморативно-имагологического «стенда», направленного на запуск механизма реабилитации в системе партийно-политического контроля.

Ключевые слова: поздний сталинизм, идеологические кампании, партийно-политический контроль, «письма во власть», интеллектуальная история, интеллигенция, имагология, социальная память

Для цитирования: Юдин К.А. «Товарищ Сталин, простите за длинное письмо...»: власть и советское общество в эпистолярном дискурсе (1952—1953 гг.) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 131—140.

Введение: постановка проблемы, теоретические аспекты

Феномену «писем во власть» в новейшей историографии уделяется значительное внимание [Орлов; Попова]. Об этом свидетельствуют многочисленные научные публикации, профессионально составленные сборники документов [Последние письма Сталину]. В них осуществляется масштабная репрезентация различных проявлений «голоса народа» с учетом теоретико-методологических ориентиров интеллектуальной истории, культурной антропологии, имагологии, истории повседневности и так далее [Зубкова; Пушкарева, Любичанковский; Иллерицкая; Руцинская].

© Юдин К.А., 2026

Особую разновидность корреспонденции составляют письма, отправленные непосредственно лидеру страны — И.В. Сталину. Некоторые из них, как полагают исследователи, можно считать «исповедальной формой самосознания советской интеллигенции» [Зайцев]. С этой концептуальной оценкой вполне можно согласиться, поскольку даже неоправленные письма [Мозохин], или по тем или иным причинам не прошедшие отбора [Волобуев], сохраняли и информационную, и интеллектуальную ценность, запечатлевая уникальные эмоционально-когнитивные состояния, обусловленные «мозаичностью социального пространства» [Попова]. В связи с этим данную проблематику нельзя считать завершенной не только по причине регулярного пополнения источниковой базы по новейшей истории эго-документами, но и в силу того, что интерпретация образа «уходящей натуры» [Кобозева: 35—36], по существу, носит неисчерпаемый характер. Кроме того, требует дополнительного изучения и обладает особой актуальностью специфика эпистолярного дискурса не только во время открытых военных столкновений, но и в период катаклизмов, конфликтов особого, «холодного» типа [«Враг номер один»]. Именно в период так называемой «ранней холодной войны» (1946—1953) происходило, безусловно, влиявшее на информационно-когнитивный модус писем дальнейшее идеологическое конструирование советской идентичности, которая строилась «вокруг формирования образа СССР как наиболее эффективного и справедливого общества в мировой истории, коренным образом отличающегося от капиталистических стран» [Рябов: 36, 38].

«Товарищ Сталин, простите за длинное письмо...»

На последние годы жизни И.В. Сталина (1952—1953 гг.) приходится завершающий цикл соответствующего периода — позднего сталинизма, когда основной эффект и «ударная волна» идеологических кампаний и дел — по борьбе с «безродным космополитизмом», «низкопоклонством перед Западом», «формализмом» в культуре и искусстве, «ленинградское дело» и его региональные отголоски (см.: [Генина, Овчинников]) — в целом завершились, но наступила фаза *мнимого* затихания. В это время руководством страны поощрялся «учет компрометирующих материалов» [Хлевнюк, Горлицкий: 27], сохранение «ординарной» бдительности и адресно-персональные «разоблачения», дисциплинирующие атаки в отношении тех, кто уже представлял меньшую «опасность», либо не представлял никакой, но просто пока (или уже) не вписывался в конъюнктуру, или нарушил «правила игры» в номенклатурной системе.

В этот период на имя Сталина продолжали поступать письма от разных категорий населения, в немалом количестве — от научной-педагогической интеллигенции, представители которой пытались не просто ритуально «исповедаться». Они надеялись получить реальный ответ не обязательно лично от вождя, но хотя бы от любой «высшей инстанции», как им действовать, оценивать свое прошлое, защитить настоящее в условиях комплексной институционализированной опеки, сохранения напряженности, политического контроля в ходе реорганизаций партийно-государственного аппарата, сопровождавшихся борьбой за стабильность и на региональном уровне [Юдин]. Показательным в этом отношении можно считать письмо отстраненного от должности заведующего областным отделом народного образования (облоно) Кировской области А.С. Ходырева, написанное на имя И.В. Сталина в сентябре 1952 г. В этом эпистолярном документе он, как отмечается в историографии, раскрывал суть «непартийных методов в отношении руководящих кадров», применявшихся новым первым секретарем обкома А.П. Пчеляковым, инициировавшим «чистки»

аппарата обкома для «укрепления личной власти» [Егоров, Чупина, Зарубина, Синько, Шиловцев: 298, 300].

Некоторые из писем, действительно, были достаточно объемными. Например, письмо (от 18 июля 1952 г.) Надежны Николаевны Локтевой (1907 — ?) из Ленинграда — учителя русского языка и литературы, директора, педагога-организатора различных школ, затем вузовского преподавателя, которого, как тогда говорили, «выдвинули на ответственную работу» в качестве заместителя председателя исполкома Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся, — занимает более десяти листов. В нем героиня повествует о катастрофической ситуации, личной экзистенциально-политической драме, когда партколлективом обкома ей было предъявлено 12 пунктов (по ее собственным подсчетам) обвинений. Причиной претензий стала чрезмерная самостоятельность, нонконформизм, вызвавшие неудовольствие со стороны вышестоящего руководства, решившего использовать все ресурсы для «проработки», а затем и устранения из этого звена властных структур. «Некоторые факты, — признавалась Локтева, делаясь опытом работы в исполкоме, — приводили меня в недоумение, некоторые в какое-то состояние внутреннего раздражения и протеста, некоторые даже влекли за собой мой внешний протест в виде открытых высказываний на заседаниях. О последствиях я не думала, говорила то, что мне велела совесть». Судя по ее дальнейшим свидетельствам, примеров, когда она пыталась препятствовать реализации решений исполкома, «ищущих вразрез желаниям населения» [Последние письма Сталину: 179—180], накопилось довольно много.

В итоге был запущен проверенный механизм «инструментализации фактов в репрессивных целях» [Блюм: 267]. На основании поступившего анонимного письма Н.Н. Локтева сначала получила от бюро Ленинградского горкома ВКП(б) строгий выговор за «разглашение государственной тайны», за то, что она имела неосторожность поделиться впечатлениями о встрече с английской писательницей М. Фелтон. Затем произошла трансформация «образа своего» в «социально-чуждого элемента». Самыми «легкими» обвинениями были «контрреволюционная настроенность», проявившаяся в виде склонности к сектантству, посещение церкви в детском возрасте, торговая деятельность отца в годы НЭПа, а наиболее серьезными — «восхваление» «врагов народа» — своего научного руководителя во время учебы в аспирантуре, литературоведа, доктора филологических наук, профессора Г.А. Гуковского и расстрелянного в 1950 г. фигуранта «ленинградского дела», бывшего секретаря Ленинградского горкома и обкома ВКП(б) П.С. Попкова. «Дело ведется так, — далее сообщала Н.Н. Локтева, — чтобы запугать меня, принизить, забить. Это до некоторой степени удается, я не сплю ночами, я ничего не могу есть, мгновенная рвота лишает меня пищи» [Последние письма Сталину: 185].

Для нашего исследования данный психолого-коммеморативный срез представляет особую ценность, поскольку многие письма отражали тревожно-ажитационное эмоциональное состояние, связанное с ощущением высшей несправедливости государственной политики памяти, которая не принимала в расчет никакие заслуги человека перед страной, Родиной: «Товарищ Сталин, если в Ленинграде предъявляется самое страшное обвинение, то оно обязательно называется связью с бывшим антипартийным руководством. Это даже вызывает страх, сразу запугивается человек. Ленинградцы, перенесшие все ужасы блокады, уже не считают это честью, вернее бояться, так как это было при враждебном руководстве. Это вроде как не героизм, а позор» [Там же: 184]. Целесообразно процитировать и далее: «Наверное, я, мать единственного ребенка, просившего корочку хлеба и распухшими от голода ручонками коловшего щепки, чтобы сварить на печурке бурду <...>

наверное, я, зарывшая в братских могилах труп матери, мужа и сына, узнав о злодеяниях Попкова, буду его хвалить и защищать. Помогите, товарищ Сталин» [Там же: 185]. Идеологизация политики памяти, усиление информационно-имагологического контроля подтверждается и архивными документами. В феврале 1950 г. управляющая псковской областной конторой «Главкинопрокат» Э.П. Теллинг получила от бюро обкома выговор «за притупление большевистской бдительности». Это стало следствием поступивших жалоб от зрителей киножурнала «Ленинград встречает победителей», усмотревших в кадре представителей «ленинградской антипартийной группировки» А.А. Кузнецова, П.С. Попкова [Выписка из протокола, л. 35].

Письма, составленные представителями научно-педагогической интеллигенции высшего звена — крупными учеными, пострадавшими от идеологических кампаний, были несколько более сдержанными, но также передававшими и психологическое, и интеллектуальное напряжение. Показательны обращения к Сталину известного ученого-биолога, теоретика эволюционного учения, академика АН СССР И.И. Шмальгаузена и академика ВАСХНИЛ И.И. Презента, претерпевавших по итогам сессии 1948 г. Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина (ВАСХНИЛ), нанесшей тяжелый удар по отечественной генетике, контрольно-репрессивные санкции и связанные с ними ограничения творческой и жизненной активности. «Дорогой Иосиф Виссарионович, — писал Шмальгаузен 25 июля 1952 г., — на днях исполняется 4 года со времени моего осуждения на сессии ВАСХНИЛ. Я был снят с работы и до сих пор полностью устранен не только от педагогической и научно-организационной, но и от научно-общественных обязанностей <...>. На сессии меня выставили и осудили как “главу советской школы менделистов-морганистов” <...>, в университете я снят с работы за “борьбу против мичуринского учения”, хотя я никогда с ним не боролся, но, наоборот, всегда давал высокую оценку как работам самого И.В. Мичурина, так и положительным достижениям его последователей...». В продолжении И.И. Шмальгаузен по сложившейся традиции выражает готовность «выступить с самокритикой в печати», однако находит мужество, чтобы попытаться «прояснить недоразумения», показать «недобросовестность некоторых критиков». Это было расценено как продолжение идейно-теоретического «фрондирования». В справке, подготовленной на имя Г.М. Маленкова и датированной 30 августа 1952 г., говорилось: «Письмо Шмальгаузена показывает, что он продолжает отстаивать реакционные антимишуринские позиции в науке, не желает критически отнестись к допущенным им серьезным ошибкам в биологической науке» [Последние письма Сталину: 196, 97, 201]. В более вынужденно «подобострастном» ключе было выдержано письмо И.И. Презента, в котором он просил вождя дать ему «возможность в рядах партии искупить свои ошибки и оправдать доверие партии» [Там же: 204].

Пострадал и другой известный советский ученый, последователь, ученик и ближайший соратник И.П. Павлова — академик Л.А. Орбели, обвиненный в «идеализме» и причисленный к «антипавловцам». В отправленном в декабре 1952 г. письме И.В. Сталину, очевидно ставшим итогом ранней рефлексии и размышлений [Назарцев], он просил пересмотреть оценку его деятельности и научной позиции: «Дело в том, — объяснял он, — что я не могу согласиться с утверждением критики, будто я провожу идеалистические взгляды и стою на точке зрения психофизиологического параллелизма. Не могу согласиться также, что пути изучения высшей нервной деятельности человека, на которых я стоял и стою, идут вразрез

с учением моего великого учителя Ивана Петровича Павлова, хотя, может быть, в частностях отличаются» [Последние письма Сталину: 372].

Более решительно защищали Л.А. Орбели сотрудники его научных групп и лабораторий — кандидаты биологических наук З.И. Барбашова и А.В. Ясенецкий, которые решительно протестовали против организованной травли своего учителя и фактического отождествления обвинений в создании «антипавловской группировки» с «антисоветской деятельностью». В обстоятельном письме, датированном 2 ноября 1952 г., они обрисовывали мрачные будни политизированной научной повседневности, в частности, обстановку на Научном совете по физиологии при Президиуме АН СССР в июне 1951 г., когда, по их словам, у Л.А. Орбели произошел срыв, «приведший к тяжелому невротическому состоянию», который был вызван неэтичным поведением его коллег. «На другой день председательствующий академик К.М. Быков, открывая заседание, обратился к Л.А. Орбели с заявлением, сделанным в откровенно грубой и оскорбительной форме <...>. Л.А. Орбели потерял самообладание. Все, что произошло на следующих заседаниях, носило характер хладнокровного избияния шестидесятидевятилетнего человека, потерявшего способность управлять своими мыслями» [Там же: 368].

Масштабный отклик вызвали у широкой общественности, научно-педагогической интеллигенции последние работы кремлевского диктатора — «Марксизм и вопросы языкознания», сборник статей «Экономические проблемы социализма в СССР» (1952), появление которых сопровождалось инспирированными «сверху» дискуссиями по различным отраслям научных знаний. Причем серьезность намерений и мотивов составителей писем, в которых излагались просьбы прояснить актуализированную и легитимированную властью «дискурсивную трактовку» перспектив развития той или иной науки, теории или практики «социалистического строительства», вряд ли стоит недооценивать. Это объясняется реальной дезориентацией ученых в условиях идеологического пресса, опасавшихся обвинений в том или ином «уклоне» от генеральной линии партии в процессе научно-педагогической деятельности. Эту обеспокоенность отразил в своем письме от 29 июня 1952 г. декан Московского заочного педагогического института А.Г. Спиркин, так обрисовав ситуацию накануне Совещания по вопросам психологии, открывавшегося на следующий день, 30 июня, и продолжавшегося до 5 июля. «Теоретический разброд в высших кругах психологической науки, — писал он, — породил невероятную путаницу в сознании рядовых работников, большой армии преподавателей, которые, не имея до сих пор учебника для вузов, должны каждый по-своему излагать курс психологии. Особенно серьезное недовольство испытывает молодежь, которая не может всерьез, с доверием учиться у своих руководителей, сознавая их полное теоретическое банкротство» [Там же: 155]. На значительность последующей рефлексии прошедшего Совещания указывается и в историографии. Как отмечали А.Л. Журавлев и Н.Ю. Стоюхина, «читая доклады, порой кажется, что они буквально тонут в клятвах верности учению И.П. Павлова, трудам по языкознанию И.В. Сталина; это так и не совсем так. В текстах можно обнаружить множество историко-психологических сюжетов, описать которые еще только предстоит. Один из них — спор между теми, кто стоял на основе принципа единства психики и нервной деятельности» [Журавлев, Стоюхина: 77].

Внештатный научный сотрудник Института истории СССР АН СССР И. Зибберфарб также надеялся получить от Сталина ответ на вопрос, какая позиция является правильной. «Но кто из них прав...», — рассуждал он, — ...те, кто считает, что некоторые идеи великих социалистов-утопистов, будучи критически переработаны Марксом и Энгельсом, оказались поглощены их учением и тем самым стали

в историческом смысле одной из составных частей марксизма, являющегося по своей революционной научной сущности не голым отрицанием всех достижений человеческой мысли предыдущего периода, а диалектическим их отрицанием? Или же те, которые полагают, что поскольку возникновение марксизма было величайшей революцией в истории философии и науки об обществе, не может быть и речи о преемственной связи научного социализма с социализмом утопическим?» [Последние письма Сталину: 254]. В письме, составленном 25 апреля 1952 г., слушатель Института повышения квалификации преподавателей марксизма-ленинизма при МГУ А.Е. Калошин просил «дорогого Иосифа Виссарионовича» дать «краткое разъяснение» по следующим вопросам: «как понимать экономический закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, — как закон, присущий только социалистическому обществу, или как закон, относящийся ко всем общественным формациям?; сохраняют ли свою силу законы капитализма для переходного периода от капитализма к социализму? <...> Если да, то какие законы и в какой степени сохраняют свою силу для переходного периода?» [Там же: 93—94].

Заключение-эпилог: «к сожалению, аракчеевщина у нас не прекращается...» (П.Л. Капица)

Подводя итоги, отметим, что в поле нашего зрения попала лишь малая часть корреспонденции, которая была предназначена для прочтения самим И.В. Сталиным или иными партийно-государственными деятелями из его окружения. Проанализированные эпистолярные фрагменты интересны тем, что в них можно усмотреть стратегию формирования интеллектуального иммунитета, поскольку многие представители научной, педагогической интеллигенции использовали политический дискурс эпохи для абстрагирования от него, сохранения собственной сущности и ценностей. Как отмечали Б. Штудер и Б. Уинфрид, «формулы критики и самокритики представляли также защиту. При правильной и адекватной ситуации применения за ними можно было скрыть свой внутренний мир» [Штудер, Уинфрид: 114]. Иногда для доказательства своей правоты требовалось больше усилий, что обычно проявляли более настойчивые люди из «средних страт», как, например, вышеупомянутая Н.Н. Локтева. Она нашла в себе силы, чтобы пройти все инстанции — после исключения из партии в 1952 г. добиться аудиенции у Г.М. Маленкова и возобновить «расследование», в результате которого эта суровая для того времени санкция на основе апелляции была сначала заменена выговором, объявленным КПК при ЦК КПСС, а затем в 1955 г. снятым по просьбе Ленинградского обкома КПСС.

Известные и публичные ученые, например, академик П.Л. Капица, пытались, насколько это было возможно, максимально объективно, последовательно излагать свои доводы, донести сожаление от последствий атак на научное сообщество и культуру. «После Вашей статьи о языкознании, — откровенно констатировал Капица в письме от 30 июля 1952 г., — к сожалению, аракчеевщина у нас не прекращается... Я лично самую вредную форму аракчеевщины нахожу тогда, когда, чтобы исключить возможность неудач в творческой научной работе, ее пытаются взять под фельдфебельский контроль» [Последние письма Сталину: 219].

Если говорить об эпистолярном кластере, поступившем на имя кремлевского диктатора в последние месяцы его жизни, январь — март 1953 г., то в изученном сборнике документов он занимает незначительное место и представлен всего одиннадцатью документами (№ 138—149), но тем не менее вполне достаточными для репрезентации феномена сопричастности к власти и атмосферы

идеологической индоктринации. Например, письмо инженера-кораблестроителя А.И. Смирнова, написанное 10 февраля 1953 г., было оформлено (озаглавлено) в виде заявления, в котором он обращался к Сталину именно как к депутату Верховного Совета СССР. Автор просил «главного депутата» страны «проверить действия и некоторых специалистов-евреев», убежденность в проведении «антигосударственной линии» которых возникла у него после того, как он узнал из печати (Судя по всему, из известной статьи, опубликованной в газете «Правда» 13 января 1953 г. [Подлые шпионы]. — *К. Ю.*), что «при кремлевской больнице вскрыта группа евреев-убийц» и на волне возмущения «происками окружающих нас капиталистов и внутренних врагов, диверсантов и вредителей» [Последние письма Сталину: 492]. Сильно впечатленным от проведенного в ноябре 1952 г. показательного процесса Сланского, когда ряд высокопоставленных деятелей коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) был обвинен в «троцкистско-сионистско-титовском заговоре», оказался в СССР ответственный секретарь газеты «Челнок» комбината «Красная роза» С.О. Берман, предложивший «родному Иосифу Виссарионовичу» организовать митинг или иную форму общественного протеста, чтобы «поднять свой голос, голос советских евреев, строящих вместе со всеми народами нашей страны светлое здание коммунизма, против злодеяний еврейской реакции, идущей на поводу американских врагов мира» [Там же: 497].

Все эти аспекты повседневности советского общества, творческой интеллигенции требуют дальнейшего изучения, особенно в рамках переходного периода от позднего сталинизма к «ранней» десталинизации, когда, как показывают исследователи, даже после смерти И.В. Сталина была очень сильна инерция, и никакие «сигналы» сверху не могли обеспечить мгновенную остановку политических кампаний [Шадрин: 515].

Список источников

- Выписка из протокола № 67 заседания бюро Псковского обкома ВКП(б) 23.02. 1950 г. «О демонстрации на курорте “Хилово” киножурнала “Ленинград встречает победителей” с наличием в нем запрещенных кадров о Кузнецове А.А. и Попкове П.С. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 428. Л. 35—36.
- Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей // Правда. 1953. 13 января.
- Последние письма Сталину. 1952—1953 гг. Реконструкция документального комплекса. М.: ПЭН, 2015. 542 с.

Список литературы / References

- Блюм А., Веспуле М. Бюрократическая анархия: Статистика и власть при Сталине. М.: РОССПЭН, 2006. 328 с.
- (Blum A., Vespule M. Bureaucratic anarchy: statistics and power under Stalin, Moscow, 2006, 328 p. — In Russ.)
- Волобуев О.В. О Мотивации отбора корреспонденции для Сталина (по сводкам писем 1947 г.) // Вестник Московского государственного областного университета. 2013. № 4. С. 28—37.
- (Volobuev O.V. On the motivation for selecting correspondence for Stalin (based on letter summaries of 1947), *Bulletin of the Moscow State Regional University*, 2013, no. 4, pp. 28—37. — In Russ.)
- «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода Холодной войны / под ред. О.В. Рябова. М.: Аспект Пресс, 2023. 400 с.
- (“Enemy Number One” in the symbolic politics of the USSR and USA cinematography during the Cold War, ed. by O.V. Ryabov, Moscow, 2023, 400 p. — In Russ.)

- Генина Е.С., Овчинников В.А. Кампания по борьбе с космополитизмом в СССР (отечественная историография проблемы 2010-х — начала 2020-х гг.) // СибСкрипт. 2024. Т. 26, № 6. С. 929—939.
- (Genina E.S., Ovchinnikov V.A. Campaign to combat cosmopolitanism in the USSR (domestic historiography of the problem of the 2010's — early 2020's), *SibScript*, 2024, vol. 26, iss. 6, pp. 929—939. — In Russ.)
- Егоров С.Г., Чупина И.П., Зарубина Е.В., Синько В.Н., Шиловцев А.В. «Вот на этой фигуре и будем воспитывать кадры»: к вопросу о методах руководства региональной номенклатурой в начале 1950-х гг. // Российский научный вестник. 2025. № 9. С. 296—300.
- (Egorov S.G., Chupina I.P., Zarubina E.V., Sinko V.N., Shilovtsev A.V. “We will train our personnel on this figure”: on the methods of leading the regional nomenclature in the early 1950's, *Russian Scientific Bulletin*, 2025, iss. 9, pp. 296—300. — In Russ.)
- Журавлев А.Л., Стоюхина Н.Ю. Совещание по вопросам психологии 1952 г. (к 70-летию проведения) // Психологический журнал. 2022. Т. 43, № 5. С. 71—80.
- (Zhuravlev A.L., Stoyukhina N.Yu. Meeting on psychology issues in 1952 (on the 70th anniversary of the meeting), *Psychological Journal*, 2022, vol. 43, iss. 5, pp. 71—80. — In Russ.)
- Зайцев П.Л. «Письмо товарищу Сталину» как исповедальная форма самосознания советской интеллигенции // Омский научный вестник. 2015. № 3 (139). С. 56—61.
- (Zaitsev P.L. “Letter to comrade Stalin” as a confessional form of self-awareness of the Soviet intelligentsia, *Omsk Scientific Bulletin*, 2015, iss. 3 (139), pp. 56—61. — In Russ.)
- Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945—1953. М.: РОССПЭН, 1999. 229 с.
- (Zubkova E.Yu. Post-war Soviet society: politics and everyday life. 1945—1953, Moscow, 1999, 229 p. — In Russ.)
- Иллерицкая Н.В. «История повседневности» в контексте современной историографии // Вестник РГГУ. Серия: История. Политология. Международные отношения. 2022. № 2. С. 12—20.
- (Illeritskaya N.V. “The history of everyday life” in the context of modern historiography, *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: History. Political Science. International Relations*, 2022, iss 2, pp. 12—20. — In Russ.)
- Кобозева З.М. «Повседневные практики» в «истории повседневности»: как работает метод // Вестник Самарского университета. Серия: История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 1. С. 32—38.
- (Kobozeva Z.M. “Everyday practices” in the “History of everyday life”: how the method works, *Bulletin of Samara University. Series: History, Pedagogy, Philology*, 2021, vol. 27, iss. 1, pp. 32—38. — In Russ.)
- Мозохин О.Б. Неотправленное письмо академика М.С. Грушевского И.В. Сталину // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 2 (17). С. 70—88.
- (Mozokhin O.B. Unsent letter from Academician M.S. Grushevsky to I.V. Stalin, *Journal of Russian and East European Historical Studies*, 2019, iss. 2 (17), pp. 70—88. — In Russ.)
- Назарцев Б.И. Ученый и власть (неотправленные письма Л.А. и Е.И. Орбели Сталину) // Петербургская библиотечная школа. 2013. № 3 (43). С. 15—23.
- (Nazarzev B.I. The Scientist and the Government (unsent letters from L.A. and E.I. Orbeli to Stalin), *St. Petersburg Library School*, 2013, iss. 3 (43), pp. 15—23. — In Russ.)
- Орлов И.Б. Письма во власть в системе властных коммуникаций // Российская история. 2022. № 1. С. 217—221.
- (Orlov I.B. Letters to the government in the system of government communications, *Russian History*, 2022, iss. 1, pp. 217—221. — In Russ.)
- Попова О.Д. «Письма во власть» как источник изучения советской повседневности в условиях мозаичности социального пространства во второй половине XX века // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2025. № 3 (58). С. 551—561.

- (Popova O.D. “Letters to the Authorities” as a source of studying soviet everyday life in the context of the mosaic social space in the second half of the 20th century, *Scientific Notes of Novgorod State University*, 2025, iss. 3 (58), pp. 551—561. — In Russ.)
- Пушкарева Н.Л., Lyubichankovskiy С.В. Понимание истории повседневности в современных исторических исследованиях: от школы Анналов к Российской философской школе // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 4, № 1. С. 7—21.
- Pushkareva N.L., Lyubichankovsky S.V. Understanding the history of everyday life in modern historical research: from the Annales school to the Russian philosophical school, *Bulletin of Leningrad State University named after A.S. Pushkin*, 2014, vol. 4, iss. 1, pp. 7—21. — In Russ.)
- Рущинская И.И. «И.В. Сталин читает письмо В.И. Ленина»: визуальные нарративы в советском изобразительном искусстве // Диалог со временем. 2020. Вып. 70. С. 219—234.
- Rutsinskaya, I.I. “I.V. Stalin reads a letter from V.I. Lenin”: visual narratives in soviet fine art, *Dialogue with Time*, 2020, iss. 70, pp. 219—234. — In Russ.)
- Рябов О.В. Спортивный дискурс в политике советской идентичности периода холодной войны // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2025. № 6. С. 34—51.
- (Riabov O.V. “Sport discourse in the Cold War policy of Soviet identity”, *RSUH/RGGU Bulletin Series “Political Science. History. International Relations”*, 2025, no. 6, pp. 34—51. — In Russ.)
- Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Секретари. Региональные сети в СССР от Сталина до Брежнева. М.: НЛЮ, 2024. 432 с.
- (Khlevnyuk O.V., Gorlitsky Y. Secretaries. Regional networks in the USSR from Stalin to Brezhnev, Moscow, 2024, 432 p. — In Russ.)
- Шадрина А.В. За рыжики и против белых грибов: рецидив антисемитской кампании в отдельно взятом оперном театре // 1953-й. Подведение итогов и выбор пути: материалы XV международной научной конференции. Екатеринбург, 21 — 24 июля 2023. М.: ПЭН, 2023. С. 510—515.
- (Shadrina A.V. For the russula and against the boletus: a relapse of the anti-semitic campaign in a single opera house, 1953. *Summing up and choosing a path: materials of the XV international scientific conference. Yekaterinburg, July 21—24, 2023*, Moscow, 2023, pp. 510—515. — In Russ.)
- Штудер Б., Уинфрид Б. Сталинские партийные кадры. Практика идентификации и дискурсы в Советском Союзе 1930-х гг. М.: РОССПЭН, 2011. 247 с.
- (Studer B., Winfried B. Stalin's party cadres. Identity practices and discourses in the Soviet Union of the 1930's, Moscow, 2011, 247 p. — In Russ.)
- Юдин К.А. Реорганизации партийно-государственного аппарата СССР и методы политического контроля над региональной номенклатурой во второй половине 1940 — начале 1950-х гг. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 4. С. 63—74.
- Yudin K.A. Reorganizations of the party-state apparatus of the USSR and methods of political control over the regional nomenclature in the second half of the 1940's — early 1950's, *Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2015, iss. 4, pp. 63—74. — In Russ.)

“COMRADRE STALIN, FORGIVE ME FOR THIS LONG LETTER...”: POWER AND SOVIET SOCIETY IN EPISTOLARY DISCOURSE (1952—1953)

Kirill A. Yudin

Ivanovo State University of Chemistry and Technology, Ivanovo,
Russian Federation, kirill-yudin.hist@mail.ru

Abstract. The article continues the tradition of studying the phenomenon of “letters to the authorities”. The novelty of the study lies in the attempt, considering the formed historiographic groundwork, the methodology of studying everyday life, and intellectual history, to examine in detail a relatively narrow chronological section — letters sent to I.V. Stalin in

the last years of his life — 1952—1953. Primary attention is paid to ego-documents authored by representatives of the scientific and pedagogical intelligentsia of different status — academicians I.I. Shmalgauzen, P.L. Kapitsa, L.A. Orbeli, I.I. Present, or people whose life path most representatively reflected the institutional and political transformations of the period of late Stalinism. It is concluded that the epistolary discourse was characterized by ambivalence. The forms of ritualized narrative and dialogue generated and incorporated into the mass consciousness by the authorities were reproduced. At the same time, despite the presence of standardized vocabulary, it is shown that the letters contained individualized strategies of self-defense. They were manifested in the instrumental use of the practices of “criticism and self-criticism” to mitigate the accusations already brought, or the creation of a kind of commemorative-imagological “stent” aimed at launching a mechanism of rehabilitation in the system of party-political control.

Keywords: late Stalinism, ideological campaigns, party-political control, “letters to the authorities”, intellectual history, intelligentsia, imagology, social memory

For citation: Yudin K.A. “Comrade Stalin, forgive me for the long letter...”: power and Soviet society in epistolary discourse (1952—1953), *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2026, iss. 2, pp. 131—140.

Статья поступила в редакцию 25.01.2026; одобрена после рецензирования 27.02.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 25.01.2026; approved after reviewing 27.02.2026; accepted for publication 13.03.2026

Информация об авторе / Information about the author

Юдин Кирилл Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культурологии, Ивановский государственный химико-технологический университет, г. Иваново, Россия, kirill-yudin.hist@mail.ru

Yudin Kirill Alexandrovich — Doctor of Sciences (History), Professor Department of History and Cultural Studies, Ivanovo State University of Chemistry and Technology, Ivanovo, Russian Federation, kirill-yudin.hist@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 141—153.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 2. P. 141—153.

Научная статья

УДК 001:316.77:130.2

EDN <https://elibrary.ru/ozoirt>

DOI: 10.46726/И.2026.2.17

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ КУЛЬТУРЫ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Екатерина Андреевна Антюхова,

Марина Давидовна Крынжина

Московский государственный институт международных отношений МИД России,
г. Москва, Россия, e.antukhova@gmail.com, m.krynzchina@inno.mgimo.ru

Аннотация. В представленной статье авторы обосновывают и вводят в научный оборот концепт «культуры популяризации научного знания» как совокупности ценностей (аксиологическое измерение), норм, практик и институтов (политическое измерение), обеспечивающих доступность научных результатов широкой аудитории. Систематизируют теоретические основы культуры популяризации научного знания как философского, социокультурного, общественно-политического и коммуникативного феномена и раскрывают его содержание. Особое внимание уделяется европоцентричной природе современной культуры популяризации, сложившейся под влиянием просветительских традиций и глобализационных процессов. Проведена реконструкция социокультурного и политического контекста, в котором развивалась и эволюционировала культура популяризации научного знания начиная с эпохи Просвещения до наших дней. Показано, что «популяризация» науки в ее современном прочтении представляет собой более утилитарный, инструментальный, прагматичный и локальный процесс, направленный на адаптацию и передачу уже существующих (то есть доказанных, обоснованных и согласованных в пределах экспертного сообщества) научных знаний широкой аудитории, не обладающей специализированной подготовкой. Ее основная цель заключается в том, чтобы сделать науку доступной, понятной и интересной для неспециалистов, преодолевая разрыв между академическим знанием и повседневным опытом. В отличие от просветительской утопии всеобщего освобождения, популяризация публично не декларирует перед собой задачу кардинального изменения мировоззрения или социальных структур. Вызовы цифровизации и деглобализации, вкупе со стремлением государств и обществ к формированию собственных стратегий научно-технологического развития, требуют переосмысления универсальных стандартов научной коммуникации, сформированных под влиянием европейской культуры, просветительских традиций, неолиберальных принципов и глобализационных процессов.

Ключевые слова: культура популяризации научного знания, популяризация науки, научные коммуникации, Просвещение, общественное понимание науки

Для цитирования: Антюхова Е.А., Крынжина М.Д. Концептуальные основы культуры популяризации научного знания // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С.141—153.

© Антюхова Е.А., Крынжина М.Д., 2026

Подходы к популяризации как изложению информации в доступной форме, либо как к деятельности с целью сделать какое-либо знание широко известным, существенно сужают границы понимания данного явления. Современные вызовы цифровизации и деглобализации, с которыми сталкивается всемирная общественность, расширяют рамки анализа сущности процесса популяризации научного знания как социально значимого вида деятельности.

Системное описание процесса популяризации научного знания как особого вида культуры позволяет по-новому интерпретировать значение этой деятельности в современном обществе. Подходы к культуре как интерпретативной [Гирц] системе коммуникативных [Хабермас] и дискурсивных [Фуко] практик позволяют рассматривать культуру популяризации научного знания как систему ценностей (аксиологический уровень), норм (нормативный), практик (практический) и институтов (институциональный). Выделение этих уровней формирует теоретическую модель изучения сложного процесса популяризации как феномена социальной действительности.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения культуры популяризации научного знания как содержательно сложного феномена, являющегося барометром состояния трансформационных процессов, происходящих во всех сферах общественной жизни.

Основы для изучения популяризации научного знания как культуры заложила постпозитивистская философия науки в лице М. Полани [Полани], Т. Куна [Кун], И. Лакатоса [Лакатос] и П. Фейерабенда [Фейерабенд]. Нравственные ценности и императивы науки подробно исследованы в трудах отечественных авторов В.С. Степина [Степин], А.П. Огурцова [Огурцов], В.В. Миронова [Миронов], Б.Г. Юдина [Юдин].

М. Полани одним из первых обратил внимание на то, что популяризация научных фактов важна как средство легитимации результатов научной деятельности и принятия научных фактов как части фиксированного знания последующими поколениями. «Любая искренняя оценка науки со стороны неспециалистов зависела и зависит от оценки той красоты, хотя бы и воспринятой лишь из вторых рук, и представляет собой отголосок тех ценностных норм, установление которых (как тому учат в общеобразовательных школах) является прерогативой группы признанных культурных лидеров» [Полани: 247].

В дальнейшем этот тезис развил П. Бурдьё, показав, что «профессионалов объяснения и публичного выступления — социологов, историков, политиков, журналистов и т. п. — объединяют две вещи: с одной стороны, они работают над экспликацией принципов видения и деления практик, с другой стороны, они борются, каждый в своем пространстве, за навязывание этих принципов и за возможность признания их в качестве легитимных категорий конструирования социального мира» [Бурдьё: 123].

Популяризация науки традиционно была объектом пристального интереса исследователей в советское время. Ряд исследователей изучали цели и задачи популяризации научного знания с позиций марксизма-ленинизма [Лазаревич; Панков].

Работы А.Ю. Багияна [Багиян], Н.Г. Багдасарьяна [Багдасарьян, Сонина], П.Н. Демченко [Демченко], М.В. Загидуллиной [Загидуллина], Е.Г. Константиновой [Константинова], Е.Е. Макаровой [Макарова], А.Л. Самсонова [Самсонов], Т.Ю. Сорокиной [Сорокина], С.П. Суворовой [Суворова], В.И. Штепы [Штепа] посвящены теоретическому осмыслению популяризации научного знания, в том числе ее современному состоянию, актуальным задачам и новым явлениям, ей присущим.

Метод исследования культуры популяризации научного знания основывается на теории культурной гегемонии А. Грамши, которая рассматривает, как доминирующие социальные группы продвигают свои ценности, нормы и идеологические конструкты через культурные, образовательные и политические институты, формируя тем самым мировой консенсус вокруг внедряемых практик и используя последние как средство легитимации определенных ценностей в глобальном масштабе.

Этот подход позволяет проанализировать процесс формирования ценностных оснований культуры популяризации научного знания и утверждения глобальной гегемонии западноевропейских норм, стандартов и практик в контексте культуры популяризации научного знания. Методы исторического исследования и интеллектуальной истории позволяют осуществить реконструкцию социокультурного и политического контекста, в котором развивалась и эволюционировала культура популяризации научного знания начиная с эпохи Просвещения до наших дней.

Проблема терминологии: исследование феномена культуры популяризации научного знания может быть осуществлено только в условиях устранения терминологической путаницы. Применительно к процессу трансляции научного знания от ученых во внешнюю среду в зарубежной и отечественной литературе используются различные термины, среди которых в качестве наиболее употребляемых следует выделить следующие: «научные коммуникации», «общественное понимание науки», «публичная наука», «медиатизация науки», «популярная наука», «популяризация науки».

Международная наука, выраженная в англоязычном лингводискурсе, оперирует двумя разными по смыслу терминами — “science communication” и “scientific communication”, — имеющими одинаковый перевод на русский язык (в пер. с англ. — «научные коммуникации») [Крынжина]. Г. Мензель в 1958 году описал “scientific communication” как «совокупность публикаций, средств, случаев, институциональных механизмов и обычаев, которые влияют на прямую или косвенную передачу научных сообщений среди ученых» [Menzel: 31]. То есть речь идет о внутренней научной коммуникации, которая является неотъемлемой частью существования научного сообщества в целом. Исследование научной коммуникации как “scientific communication” относится, в первую очередь, к области социологии науки и сфере науковедения. Научная коммуникация здесь рассматривается в качестве формы взаимоотношений между учеными, а научное поле как социальная структура со своими средствами и методами передачи информации. Поскольку взаимодействие субъектов научного знания, как правило, осуществляется на базе университетов и институтов, в рамках которых исследователи реализуют свою научную деятельность, то вполне правомерно называть внутреннюю научную коммуникацию академической [Крынжина].

Как самостоятельное направление исследований “science communication” выделилось из социологии науки в конце XX века под влиянием комплекса социальных, технологических и институциональных трансформаций. Рост общественного интереса к науке вкупе с демократизацией знания (инициатива «открытая наука») потребовал от научного сообщества большей прозрачности и диалога с обществом, что стимулировало развитие профессиональных практик коммуникации представителей научного сообщества с внешней средой.

Распространение Интернета и развитие социальных медиа радикально изменило каналы распространения научных знаний, сделав их более доступными благодаря цифровым платформам и интерактивным форматам. Изучение научных

коммуникаций сквозь эту исследовательскую призму вышло за рамки изучения коммуникаций внутри науки, т. е. анализа процедур профессионального общения в научном сообществе, призванных установить взаимосвязь между процессами получения интеллектуального результата, его экспертизы и внедрения в научное поле.

«Внешние» научные коммуникации подразумевают организованные и спланированные действия, направленные на передачу научных знаний, методологии, методов и практик в тех случаях, когда существенной частью аудитории являются неспециалисты.

Таким образом, использование термина «научные коммуникации» в контексте исследования процесса передачи научных знаний от ученых во внешнюю среду не является релевантным, так как охватывает гораздо более широкий спектр взаимодействий, включая обмен информацией внутри академического сообщества, а также между представителями науки, бизнеса, государственных структур, медиа и общественности.

Введение в научный оборот проблемы «общественного понимания науки» обусловлено публикацией доклада У. Бодмера в 1985 году под заголовком “Public Understanding of Science” (пер. с англ. — «Общественное понимание науки»), представленного на собрании Лондонского королевского общества. У. Бодмер впервые публично предположил, что национальное процветание общества напрямую связано с тем, как общественность воспринимает деятельность ученых. Он призвал скоординировать усилия образовательных учреждений, правительства и частных организаций для того, чтобы вырос общий уровень общественного понимания науки. Проблема общественного понимания или восприятия науки фокусируется при данном подходе на уровне научной грамотности населения как ключевом показателе эффективного взаимодействия общества и науки. Употребление термина «общественное понимание науки» в научном дискурсе отсылает к анализу образовательных и институциональных практик. Однако исследование феномена культуры популяризации научного знания выходит далеко за рамки повышения уровня осведомленности общества о результатах научной деятельности.

Термин «публичная наука», часто встречаемый в зарубежных публикациях, обозначает такой подход к научной деятельности, при котором наука рассматривается не как закрытая академическая сфера, а как открытый процесс, активно вовлекающий в диалог широкие слои общества.

В научном дискурсе данный термин акцентирует внимание на взаимодействии и сотрудничестве ученых и общества, подчеркивая важность совместного производства знаний экспертами и неспециалистами (гражданская наука), включения дискуссий по поводу гипотез, методов и результатов научной деятельности в общественный дискурс с целью выработки конструктивных решений социально значимых проблем с учетом разнообразных точек зрения [Irwin 2006].

Исследование роли «публичной науки» в современном обществе фокусируется на выявлении и систематизации практик вовлечения неспециалистов в научно-исследовательский процесс, выраженный в феномене «гражданской науки» [Irwin 2002]. В то же время передача научного знания от ученых во внешнюю среду не должна ограничиваться анализом практик сотрудничества, так как культура популяризации научного знания включает в себя широкий спектр социальных взаимодействий, формирующих восприятие науки как части общественной культуры и идентичности.

Термин «медиатизация науки», несмотря на широкое распространение в коммуникативистике понятия «медиатизация» в значении описания процесса влияния медиа на все сферы общественной жизни без исключения, будь то политика,

спорт или образование [Наседкина], ограничивает рамки исследования культуры популяризации научного знания изучением влияния новых технологий и социальных медиа на процесс распространения знания.

Термин «популярная наука» (пер. на англ. — “popular science”) имеет различные коннотации. Например, А.В. Даум предлагает выйти за рамки исследования различных форм популярной науки за счет понимания ее как изменчивого набора процессов, практик и акторов, которые порождают и трансформируют публичные знания в разных временных периодах, пространствах и культурах [Daum].

В отечественных научных публикациях история возникновения научно-популярных жанров исследуется с позиций “popular science”. А.Г. Ваганов, анализируя процесс развития научной популяризации как жанра периодической печати, предлагает ограничивать период развития «народной науки» (popular Science) XVII—XVIII вв. — временем, когда за счет развития книгопечатания и усиления интереса к науке благодаря просветительской деятельности, широкая публика начала знакомиться с результатами научной деятельности [Ваганов].

Можно резюмировать, что в российском научном дискурсе исследования «популярной науки» фокусируются на анализе эволюции форм и методов популяризации научного знания, истории научной журналистики и развитии научно-популярной периодической печати. Однако само по себе исследование инструментов и механизмов распространения научного знания не выражает всех аспектов культуры популяризации научного знания как социально значимого феномена.

Употребление понятия «популяризация» применительно к изучению сущности феномена культуры распространения научных знаний от ученых во внешнюю среду в русскоязычном научном дискурсе представляется наиболее концептуально обоснованным. Термин «популяризация научного знания», не ограничиваясь констатацией факта передачи информации, предполагает активную трансформацию массово-информационного дискурса, его адаптацию к культурным, когнитивным и языковым особенностям неспециалистов, что делает его особенно релевантным для анализа тех практик, которые направлены на преодоление разрыва между наукой и обществом и вовлечение неспециалистов в научно-исследовательский процесс.

Однако использование понятия «популяризация» сопряжено с рядом эпистемологических проблем, первая из которых заключается в его аксиологической нагруженности. *Аксиологическое измерение культуры популяризации научного знания* обусловлено тем, что в отличие от нейтрального понятия «научные коммуникации», которое лишь констатирует факт передачи информации, «популяризация науки» изначально предполагает позитивную ценностную оценку: в ее основе лежит идея эпохи Просвещения, согласно которой распространение научных знаний среди широких масс является безусловным благом.

Формирование европейской науки и ее дальнейшее развитие были обусловлены становлением в XVIII в. нового, механистического подхода к исследованию мира. Ядро нового подхода составила идея «Вселенной как машины» или «модели мира как часового механизма», согласно которой сама Вселенная и части ее как целого представляют собой сложно устроенный механизм.

Механистический подход нашел свое выражение в противоборствующих физических теориях своего времени, картезианской, основанной на геометрии, и ньютоновской физике, основанной на математике, как двух философско-методологических концепциях. При этом именно благодаря активной просветительской (или, вернее сказать, популяризаторской) деятельности Ф.-М. Вольтера последняя утвердилась в научном дискурсе.

Решающим фактором в этом вопросе стало издание Ф.-М. Вольтером «Философских писем», где в доступной для широкой аудитории форме были изложены основные положения ньютоновской физики. Ф.-М. Вольтер не только разъяснил суть ньютоновских идей, но и подверг критике недостатки картезианства, подчеркнув, что последнее не способно объяснить многие наблюдаемые явления, в то время как ньютонианство опирается на строгие экспериментальные данные и математический аппарат. Его работа вызвала широкий общественный резонанс, несмотря на официальный запрет во Франции, что лишь усилило интерес к ньютонианству как к символу научного прогресса и рационализма [Огурцов].

Следует отметить, что фундаментальное различие концептов «популяризация» и «просвещение» содержится в стратегиях взаимодействия со знанием. Просвещение как философско-культурное движение XVIII века, ставило перед собой глобальную задачу эмансипации человеческого разума через распространение критического мышления, научных знаний и рациональных принципов организации общества.

В свою очередь, «популяризация» науки в ее современном прочтении, напротив, представляет собой более утилитарный, инструментальный, прагматичный и локальный процесс, направленный на адаптацию и передачу уже существующих (то есть доказанных, обоснованных и согласованных в пределах экспертного сообщества) научных знаний широкой аудитории, не обладающей специализированной подготовкой.

Ее основная цель заключается в том, чтобы сделать науку доступной, понятной и интересной для неспециалистов, преодолевая разрыв между академическим знанием и повседневным опытом. В отличие от просветительской утопии всеобщего освобождения, популяризация публично не декларирует перед собой задачу кардинального изменения мировоззрения или социальных структур.

Если просвещение стремилось к перевоспитанию общества через радикальную смену ценностей, то популяризация фокусируется на интеграции научных знаний в существующую культурную парадигму, не претендуя на революционные преобразования. Таким образом, просвещение было проектом социальной и интеллектуальной европейской революции, тогда как популяризация науки в ее современном виде выступает как инструмент демократизации знания в рамках сложившихся общественных отношений, сохраняя при этом публично декларируемую нейтральность по отношению к их переустройству.

Такое понимание популяризации как способа адаптации научного знания для неспециалистов порождает вторую эпистемологическую проблему, обусловленную рисками упрощения, искажения и манипулирования научными знаниями. Рассуждая о роли популяризации научного знания, С. Хильгартнер справедливо отмечает, что «господствующая в культурном отношении точка зрения на популяризацию науки основывается на двухэтапной модели: сначала ученые создают подлинные знания, затем популяризаторы распространяют упрощенные версии этих знаний среди широкой публики. В результате, в лучшем случае, популяризация рассматривается как низкостатусная образовательная задача. В худшем случае — ее считают опощением, искажением науки внешними силами» [Hilgartner: 534].

Хотя С. Хильгартнер отмечает, что ограничения данного подхода обусловлены социальной структурой научного сообщества, которое неоднородно, состоит из многочисленных групп, придерживающихся различных точек зрения, он не учитывает, что научное сообщество благодаря транснационализму и проникновению неолиберальной идеологии во все сферы общественной жизни, в том числе и науку, привело к формированию науки глобальной, обеспеченной международными

стандартами, сформулированными по западноевропейским образцам. В этом разрезе его суждение о «золотом стандарте» научного знания и популяризации этого знания оказывается актуальным в контексте национальных моделей науки. То, что доминирующими глобальными научными группами преподносится как подлинное знание, достойное популяризации, зачастую оказывается «искажением» для периферийных научных культур.

Ошибочно полагать, что смысл популяризации в XXI в. ограничивается информированием, вовлечением и формированием научной грамотности как основы для осознанного участия в современном мире. *Политическое измерение культуры популяризации научного знания* обусловлено тем, что Просвещение как европейский феномен изначально было детерминировано стремлением к доминированию как над природой, так и над социальными структурами.

Центральным принципом просветительской парадигмы XVII—XVIII вв. выступает формула Ф. Бэкона: «знание — сила», подразумевающая, что рациональное познание мира позволит человеку освободиться от оков религиозных догм и «суеверий», которые, по мнению просветителей, препятствовали установлению контроля над природными процессами и рациональной организации общества. Согласно этой логике, преодоление «темноты» средневековья, характеризовавшейся страхом перед непознанными силами природы, должно было привести к обретению человеком суверенитета как в познавательном, так и в практическом отношении. Р. Рорти считает, что «Просвещение сплетало свою политическую риторику главным образом вокруг образа ученого, понимаемого как своего рода священнослужителя, который добился контакта с нечеловеческой истиной, будучи “логичным”, “методичным” и “объективным”» [Рорти: 81].

Т. Адорно полагает, что Просвещение было ориентировано на формирование нового типа автономной, способной к самостоятельному суждению и активному участию в преобразовании социальной реальности личности. Просвещение предполагало системное изменение мировоззрения, нравственных норм и политических институтов, наивно рассматривая знание как инструмент освобождения человека от всех форм угнетения, будь то религиозное, политическое или интеллектуальное.

В этом смысле просветительский проект носил универсальный и трансформационный характер, нацеленный на коренное переустройство общества на основе веры в преобразующую силу разума. Однако реалии современной жизни показывают, что вера представителей эпохи Просвещения в преобразующую силу разума не оправдалась на практике. Разум и прогресс наук не избавляет общество от предрассудков и предрешений. Прогресс наук не приводит ни к формированию разумного политического устройства, ни к совершенствованию общественной морали и нравственности. Вызовы XXI в. доказывают обратное — ведь знание доступно широким массам как никогда прежде. Итогом Просвещения стало не освобождение, а новый вид зависимости [Horkheimer].

Р. Рорти считает, что в современном мире естественные науки перестали играть роль самых интересных наук (он их называет «волнующей областью культуры» [Рорти: 81]), а наука стала инструментом достижения политических целей. С. Хильгартнер также рассматривает популяризацию как политический инструмент в публичных дискуссиях, полагая, что главная концептуальная проблема популяризации заключается в том, что популяризируемое знание противопоставляется знанию подлинному так, как будто это суть два разных знания. «Концепция чистоты требует концепции загрязнения, а идея популяризации подразумевает идеализированное представление о подлинном, объективном, научно-сертифицированном

знании <...> эта точка зрения на популяризацию предоставляет ученым широкие полномочия определять, какие упрощения являются «уместными» (и, следовательно, полезными), а какие — «искажениями» (и, следовательно, бесполезными или даже вредными). В результате научные эксперты обладают большой гибкостью в публичных дискуссиях» [Hilgartner: 520].

Более того, особенность положения культуры популяризации науки как социального феномена заключается в том, что современная наука изначально развивалась как осознанно международное предприятие, объединявшее участников поверх государственных границ [Коннов]. Более того, современное воплощение культуры популяризации научного знания сформировалось под влиянием глобализационных процессов, продиктованных неолиберальным поворотом во взаимодействии науки и общества.

Признавая то, что неолиберализм как идеология сформировался в Европе и был изначально адаптирован под европейские реалии, следует заключить, что и культура популяризации научного знания как набор норм, институтов и практик является по своей сути, как и вся современная наука, западноевропейским феноменом.

Сотрудники Национальной академии наук, инженерии и медицины Соединенных Штатов в 2017 году выделили пять общих целей научной коммуникации в значении “science communication” (т. е. в значении популяризации научного знания): 1) обмен новейшими результатами научной деятельности, усиление интереса к научной деятельности; 2) обеспечение общественного признания науки; 3) повышение уровня знаний и улучшение понимания науки; 4) влияние на мнения, политические предпочтения или поведение людей; 5) обеспечение условий для поиска решений социальных проблем с учетом многообразия точек зрения на науку, которых придерживаются разные группы [National Academies...].

Таким образом, популяризацию научного знания следует рассматривать не столько как механизм трансляции специализированной информации, сколько как процесс конструирования культурных значений и когнитивных рамок, определяющих восприятие науки обществом. В этом контексте она выполняет функцию формирования культурного кода, который интегрирует научные представления в систему коллективных смыслов, влияя на мировоззренческие ориентации, ценностные установки и социальные практики. Популяризация, таким образом, выступает не только инструментом просвещения, но и механизмом культурной легитимации науки, способствующим ее институционализации в повседневной жизни и массовом сознании.

Р. Рорти предлагает «признать, что констелляции каузальных сил, вызвавшие разговор о ДНК или о Вселенском взрыве, и каузальные силы, вызвавшие разговор о “секуляризации” или о “позднем капитализме”, являются однородными. Будучи случайными факторами, эти различные констелляции сделали именно эти, а не другие вещи предметом нашего разговора, именно эти, а не другие проекты возможными и важными» [Рорти: 38]. Следует полагать, что в данном абзаце под «разговорами» Р. Рорти понимает дискуссии внутри научного сообщества, вектор направления научного развития внутри определенных групп ученых.

Соглашаясь с данным утверждением, мы рискуем признать, что и «разговоры» в среде неспециалистов также обусловлены случаем: те или иные события, представленные средствами массовой коммуникации в виде новости, популяризируются независимо от воли их создателей. То есть по воле случая. Тогда мы должны сделать логический вывод, что популяризация — это процесс, не подверженный влиянию извне и, как следствие, не поддающийся измерению.

Однако на практике именно западные институты, университеты и медиа играют ключевую роль в формировании международных норм, этических принципов и практик культуры популяризации научного знания, выступая не только как центры генерации и трансляции знаний, но и как нормативные агенты, устанавливающие стандарты качества, достоверности и этики научной коммуникации. Университеты, в особенности ведущие западные исследовательские центры, такие как Гарвард, Оксфорд или Массачусетский технологический институт, активно разрабатывают и внедряют институциональные протоколы популяризации науки, включая программы подготовки ученых к взаимодействию с широкой аудиторией, курсы по научной коммуникации и этические кодексы, регулирующие баланс между доступностью информации и ее научной строгостью [Lewenstein].

Медиа, в свою очередь, выступают в качестве основного канала трансляции нормативных принципов, определяя, какие научные темы станут предметом общественного обсуждения, а какие останутся на периферии. Крупные западные медиакорпорации не только популяризируют науку, но и формируют этические рамки ее презентации, с одной стороны, декларируя следование универсальным стандартам проверки фактов, а с другой — через механизмы фрейминга определяя, какие аспекты научного знания являются социально значимыми, а какие — маргинальными или спорными.

Как отмечает Б. Тренч, «популяризация науки не может быть нейтральной; она всегда встроена в социальные, политические и культурные контексты, которые определяют, какие знания считаются легитимными, а какие — маргинальными» [Trench: 118]. Этот тезис подчеркивает, что нормы популяризации формируются не только внутри научного сообщества, но и под воздействием внешних факторов, таких как государственная политика, рыночные механизмы медиа и общественные ожидания.

Такие медиа, как *Science* и *Nature*, являются одновременно и инструментами глобальной экспансии западных нормативных стандартов научно-исследовательской деятельности, и механизмами трансляции определенных представлений о том, как должна выглядеть «правильная» популяризация науки [Schroeder, Palmer: 78].

В XXI веке цифровые технологии, социальные медиа, концепция открытого доступа к научным исследованиям, а также новейшие технологии ИИ радикально трансформируют способы передачи и восприятия научных идей. Культура популяризации научного знания играет особую роль в условиях фрагментации мирового порядка и усиления влияния национальных и цивилизационных идентичностей. Именно от состояния культуры популяризации научного знания в обществе зависит легитимность определенных научных и политических нарративов, то, какие научные идеи становятся частью массового сознания, а какие остаются на периферии, доверие или недоверие к общественным институтам и властным структурам, уровень консолидации или, напротив, поляризации общества в отношении актуальных проблем. Вызовы цифровизации и деглобализации, вкуче со стремлением государств и обществ к формированию собственных стратегий научно-технологического развития, требуют переосмысления универсальных стандартов научной коммуникации, сформированных под влиянием европейской культуры, просветительских традиций, нелиберальных принципов и глобализационных процессов.

Реализация системного анализа популяризации научного знания как особого вида культуры открывает практические возможности для разработки эффективных государственных стратегий в сфере научной политики, что особенно важно в эпоху, когда результаты научной деятельности являются ключевым ресурсом социально-экономического развития, а их популяризация — ресурсом международного влияния.

Список литературы / References

- Багдасарьян Н.Г., Сони́на Л.А. Мнимые единицы публикационной активности в обществе потребления // Высшее образование в России. 2020. № 12. С. 86—94.
(Bagdasaryan N.G., Sonina L.A. Fictitious units of publication activity in a consumer society, *Higher Education in Russia*, 2020, no. 12, pp. 86—94. — In Russ.)
- Багьян А.Ю. Сущностные свойства и основные характеристики научно-популярного дискурса // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2014. № 3. С. 81—86.
(Bagiyana A.Yu. Essential properties and main characteristics of popular science discourse, *Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University*, 2014, no. 3, pp. 81—86. — In Russ.)
- Бурдьё П. О телевидении и журналистике. М.: Прагматика культуры, 2002. 159 с.
(Bourdieu P. On television and journalism, Moscow, 2002, 159 p. — In Russ.)
- Ваганов А.Г. Спираль жанра: от «народной науки» до развлекательного бизнеса. М.: URSS: Ленанд, 2014. 213 с.
(Vaganov A.G. The spiral of the genre: from “folk science” to entertainment business, Moscow, 2014, 213 p. — In Russ.)
- Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Культурология XX век: Дайджест. 1997. № 1. С. 103—138.
(Geertz C. “Thick description”: in search of an interpretive theory of culture, *Cultural Studies XX Century: Digest*, 1997, no. 1, pp. 103—138. — In Russ.)
- Демченко П.Н., Мальцев И.В. Медиатизация как фактор повышения интереса к современным научно-популярным СМИ (на примере журналов «Наука и жизнь» и «Популярная механика») // Научный диалог. 2021. № 3. С. 171—189.
(Demchenko P.N., Maltsev I.V. Mediatization as a factor in increasing interest in modern popular science media (on the example of the magazines “Science & Life” and Popular mechanics”), *Scientific Dialogue*, 2021, no. 3, pp. 171—189. — In Russ.)
- Загидуллина М.В. Популяризация и наука: о конфликте институциональных логик // Медиасреда. 2024. № 2. С. 76—79.
(Zagidullina M.V. Popularization and science: on the conflict of institutional logics, *Media Environment*, 2024, no. 2, pp. 76—79. — In Russ.)
- Коннов В.И. Философско-антропологические основания культуры российского научного сообщества: дис. ... д-ра филос. наук. М., 2023. 408 с.
(Konnov V.I. Philosophical and anthropological foundations of the culture of the Russian scientific community: diss. ... Candidate of Sciences (Philosophy), Moscow, 2023, 408 p. — In Russ.)
- Константинова Е.Г. Популяризация науки на современном российском экране: кризис направления и пути преодоления // Медиаскоп. 2009. № 1. URL: <https://clck.ru/3TtRGj> (дата обращения: 03.02.2026)
(Konstantinova E.G. Popularization of science on the modern Russian screen: the crisis of direction and ways to overcome it, *Mediascope*, 2009, no. 1. — In Russ.)
- Крынжина М.Д. Влияние неолиберализма на модели научной коммуникации // Концепт: философия, религия, культура. 2022. Т. 6, № 2. С. 119—137.
(Krynzhina M.D. The influence of neoliberalism on models of scientific communication, *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 2022, vol. 6, no. 2, pp. 119—137. — In Russ.)
- Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ: Ермак, 2003. 365 с.
(Kuhn T. The structure of scientific revolutions, Moscow, 2003, 365 p. — In Russ.)
- Лазаревич Э.А. Искусство популяризации. М.: АН СССР, 1960. 190 с.
(Lazarevich E.A. The art of popularization, Moscow, 1960, 190 p. — In Russ.)
- Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки: доказательства и опровержения (как доказываются теоремы). История науки и ее рациональные реконструкции. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М., 2008. 475 с.
(Lakatos I. Selected works on the philosophy and methodology of science: proofs and refutations (how theorems are proved), History of science and its rational reconstructions. Falsification and the methodology of scientific research programs, Moscow, 2008, 475 p. — In Russ.)

- Макарова Е.Е. Популяризация науки в Интернете: содержание, формы, тенденции развития // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2013. № 2. С. 98—104.
(Makarova E.E. Popularization of science on the Internet: content, forms, development trends, *Bulletin of Moscow University, Series 10: Journalism*, 2013, no. 2, pp. 98—104. — In Russ.)
- Миронов В.В. Философия и метаморфозы культуры. М.: Современные тетради, 2005. 422 с.
(Mironov V.V. Philosophy and metamorphoses of culture, Moscow, 2005, 422 p. — In Russ.)
- Наседкина Н.И. Сущность медиатизации как явления современного общества // *Universum: филология и искусствоведение*. 2018. № 9 (54). С. 15—17.
(Nasedkina N.I. The essence of mediatization as a phenomenon of modern society, *Universum: Philology and Art Criticism*, 2018, no. 9 (54), pp. 15—17. — In Russ.)
- Огурцов А. П. Философия науки эпохи Просвещения. М.: ИФ РАН, 1993. 213 с.
(Ogurtsov A.P. Philosophy of science of the Enlightenment era, Moscow, 1993, 213 p. — In Russ.)
- Панков А.В. Популяризация науки в периодической печати (на материале литературно-общественно-политических: дис. ... канд. филол. наук. М., 1973. 217 с.
(Pankov A.V. Popularization of science in the periodical press: based on the material of literary, social, and political magazines: dis. ... Candidate of Sciences (Philology), Moscow, 1973, 217 p. — In Russ.)
- Полани М. Личностное знание: на пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
(Polanyi M. Personal knowledge: Towards a post-critical philosophy, Moscow, 1985, 344 p. — In Russ.)
- Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М.: Русское феноменологическое общество, 1996. 282 с.
(Rorty R. Contingency, irony, and solidarity, Moscow, 1996, 282 p. — In Russ.)
- Самсонов А.Л. Экология чтения и роль научной популяризации // Информационные технологии, компьютерные системы и издательская продукция для библиотек. 2007. С. 15—18.
(Samsonov A.L. Ecology of reading and the role of scientific popularization, *Information technologies, computer systems and publishing products for libraries*, 2007, pp. 15—18. — In Russ.)
- Сорокина Т.Ю. Наука и СМИ: в поисках оптимальной модели взаимодействия // В современном мире. 2012. С. 72.
(Sorokina T.Yu. Science and mass media: in search of an optimal model of interaction, *In the Modern World*, 2012, p. 72. — In Russ.)
- Степин В.С. Человек. Деятельность. Культура. СПб.: СПбГУП, 2018. 796 с.
(Stepin V.S. *Man. Activity. Culture*, St. Petersburg, 2018, 796 p. — In Russ.)
- Суворова С.П. Журналистика научная и научно-популярная: особенности предметной области, функций и задач // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2009. № 6. С. 14—23.
(Suvorova S.P. Scientific and popular science journalism: features of the subject area, functions and tasks, *Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism*, 2009, no. 6, pp. 14—23. — In Russ.)
- Фейерабенд П. Против метода: очерк анархистской теории познания. М.: АСТ, 2007. 413 с.
(Feuerabend P. Against method: outline of an anarchistic theory of knowledge, Moscow, 2007, 413 p. — In Russ.)
- Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная Академия, 2004. 416 с.
(Foucault M. The archaeology of knowledge, St. Petersburg, 2004, 416 p. — In Russ.)
- Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия (фрагменты) // Личность. Культура. Общество. 2004. Т. 6, № 1. С. 303—312.
(Habermas J. The theory of communicative action (fragments), *Personality. Culture. Society*, 2004, vol. 6, no. 1, pp. 303—312. — In Russ.)

- Штепа В.И. Формирование информационно-коммуникативной парадигмы на примере естественнонаучной тематики в отечественной прессе. Информационная составляющая в контексте новой парадигмы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2008. № 2. С. 252—256.
(Shtepa V.I. Formation of information and communication paradigm on the example of natural science topics in the domestic press. Information component in the context of a new paradigm, *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 2008, no. 2, pp. 252—256. — In Russ.)
- Юдин Б.Г. Наука и мир человека. М.: Знание, 1978. 64 с.
(Yudin B.G. Science and the human world, Moscow, Znanie, 1978, 64 p. — In Russ.)
- Daum A.W. Varieties of popular science and the transformations of public knowledge: some historical reflections, 2009, vol. 100, no. 2, pp. 319—332.
- Hilgartner S. The dominant view of popularization: Conceptual problems, political uses, *Social studies of science*, 1990, vol. 20, no. 3, pp. 519—539.
- Horkheimer M. Dialectic of enlightenment, New York, 1972, 258 p.
- Irwin A. Citizen science: A study of people, expertise and sustainable development, London: Routledge, 2002, 198 p.
- Irwin A. The politics of talk: coming to terms with the ‘new’ scientific governance, *Social studies of science*, 2006, vol. 36, no. 2, pp. 299—320.
- Lewenstein, B.V. Models of Public Communication of Science and Technology, *Communicating Science in Social Contexts*, 16 June, 2003, pp. 1—10.
- Menzel H. The flow of information among scientists: problems, opportunities, and research questions, New York, 1958, 175 p.
- National Academies of Sciences et al. Communicating science effectively: A research agenda, 2017, 158 p.
- Schroeder D., Palmer C. Ethics of Science Communication in the Digital Age, London: Routledge, 2019, 78 p.
- Trench B. Towards a New Enlightened Idle: Science Communication’s Shifting Topographies, *Practising Science Communication in the Information Age*, ed. by Holliman R, Oxford: Oxford University Press, 2008, 288 p.

CONCEPTUAL FRAMEWORK OF THE SCIENCE POPULARIZATION CULTURE

Ekaterina A. Antyukhova, Marina D. Krynzhina

Moscow State Institute of International Relations, Moscow,
Russian Federation, e.antyukhova@gmail.com, m.krynzhina@inno.mgimo.ru

Abstract. This paper substantiates and introduces into scholarly discourse the concept of “science popularization culture” as a system of values (axiological dimension), norms, practices, and institutions (political dimension) that ensure the accessibility of scientific findings to a broad audience. The authors systematize the theoretical foundations of the culture of science popularization as a philosophical, sociocultural, socio-political, and communicative phenomenon, elucidating its content. Particular attention is given to the Eurocentric nature of modern science popularization culture, shaped by Enlightenment traditions and globalization processes. The authors reconstruct the sociocultural and political context in which the culture of science popularization has developed and evolved from the Age of Enlightenment to the present day. It is projected that in the near future, the culture of science popularization may undergo significant transformations, as deglobalization and the rise of national identities turn science communication into an arena for competing epistemologies. The challenges of digitalization and deglobalization necessitate a rethinking of universal standards in scientific communication and a search for a balance between global and national approaches.

The authors conclude that science popularization fulfills several key functions: it legitimizes specific scientific and political narratives, influences which scientific ideas enter the public consciousness and which remain marginalized, shapes trust or distrust in public institutions and power structures, and contributes to either societal consolidation or polarization around pressing issues.

Keywords: science popularization culture, popular science, science communication, Enlightenment, public understanding of science

For citation: Antyukhova E.A., Krynzhina M.D. Conceptual framework of the science popularization culture, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 2, pp. 141—153.

Статья поступила в редакцию 30.03.2026; одобрена после рецензирования 30.04.2026; принята к публикации 05.05.2026.

The article was submitted 30.03.2026; approved after reviewing 30.04.2026; accepted for publication 05.05.2026.

Информация об авторах / Information about the authors

Антюхова Екатерина Андреевна — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры мировых политических процессов, МГИМО МИД России, Москва, Россия, e.antyukhova@gmail.com, SPIN: 2048-2979

Antyukhova Ekaterina Andreevna — Doctor of Sciences (Political), Associate professor, Professor at the Department of Global Political Processes, MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, e.antyukhova@gmail.com

Крынжина Марина Давидовна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры международной журналистики, МГИМО МИД России, Москва, Россия, m.krynzhina@inno.mgimo.ru, SPIN: 8878-3418

Krynzhina Marina Davidovna — Candidate of Sciences (Philosophy), Associate professor at the Department of International Journalism, MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, m.krynzhina@inno.mgimo.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 154—166.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 2. P. 154—166.

Научная статья

УДК 37.013:316.47:101

EDN <https://elibrary.ru/pyjfgz>

DOI: 10.46726/И.2026.2.18

СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО В ПОДГОТОВКЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ: ДИНАМИКА НАУЧНО-ФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДОВ

Денис Евгеньевич Палатников

Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского,
г. Ярославль, Россия, denira-1@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу динамики формирования научно-философских взглядов на институт социально-профессионального партнерства в подготовке педагогических кадров. Рассмотрены исторические периоды античности, Нового времени, современности. Отдельное внимание уделено теоретическому осмыслению и практической реализации подходов к социально-профессиональному партнерству в истории отечественной философской мысли. Сделан вывод, что, несмотря на институциональное оформление социально-профессионального партнерства лишь в XX веке, ему предшествовал длительный этап философской рефлексии и педагогической практики, позволивший сформировать собственные ценностные принципы и наиболее эффективные механизмы организации взаимодействия социальных партнеров в подготовке педагогических кадров. Отмечено, что наибольший вклад в становление современной концепции социально-профессионального партнерства внесли просветители Т. Гоббс и Ж.-Ж. Руссо, «отцы» политэкономии У. Петти и А. Смит, социологи Э. Дюркгейм и Д. Роулза. Отечественная практика формирования систем социально-профессионального партнерства представлена реформами эпох Петра I и Николая I, Александра II и Александра III, философскими наблюдениями Д. Кавелина, советским периодом.

Ключевые слова: социально-профессиональное партнерство, научно-философские взгляды, социальная практика, подготовка кадров, институты гражданского общества

Для цитирования: Палатников Д.Е. Социально-профессиональное партнерство в подготовке педагогических кадров: динамика научно-философских взглядов // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 154—166.

Актуальность

Признавая за социальным партнерством важную роль одного из естественных, самоорганизующихся атрибутов социума, мы ранее показали необходимость отражения в данной категории актуальных изменений практик взаимодействия социальных партнеров в различных отраслях, в том числе в сфере подготовки педагогов. С этой целью нами было обосновано использование термина «социально-профессиональное партнерство» в части представления взаимодействий организаций высшего образования и социальных партнеров с целью осуществления подготовки кадров, как особого типа социального взаимодействия, реализуемое субъектами из различных социальных сфер и групп на различных иерархических уровнях, но внутри одной профессиональной системы [Палатников 2025].

Для данной работы наиболее актуальным представляется исследование генезиса научно-философских взглядов на формирование института социально-профессионального партнерства в целом и в отношении сферы подготовки профессиональных педагогических кадров для более полного и комплексного понимания данного общественного института.

Другой стороной актуальности исследования является тот факт, что для современных реформ российского образования, в том числе высшего педагогического, свойственен запаздывающий характер теоретического осмысления происходящих процессов и непроработанность перспектив в условиях повышенной неопределенности социально-экономических и общественно-политических процессов, социокультурного и этно-исторического контекста, предопределяющих выстраивание новой модели отношений университетов с социальными институтами и партнерами.

Соответственно, целью данной работы будет анализ научно-философских истоков формирования института социально-профессионального партнерства на разных этапах развития общественной мысли. В качестве хронологических рамок исследования нами взят достаточно большой промежуток от античности до конца XX века.

Для достижения цели осуществлен поиск релевантных в данном отношении научно-философских теорий. При этом ход исследования базировался на гипотезе наличия и реализации партнерских практик прежде всего в сфере образования в различных обществах прошлого как важного механизма формирования и сохранения упорядоченности общественных отношений, который обуславливает социальные контакты индивидов и групп, специфику существования ключевых общественных институтов, детерминирует поведение социальных акторов.

В качестве основной методологической концепции исследования нами использованы критический, сравнительный, герменевтический методы истории философии, синергетическая парадигма как междисциплинарный философский метод познания.

Основная часть

По устоявшемуся мнению исследователей феномена социального партнерства, его зарождение на основе солидарности граждан как равных и независимых от давления государства членов социума можно отнести еще к периоду античности.

Связанный с именами античных философов, прежде всего Платона и Аристотеля, выделяется первый этап развития научно-философских представлений о социально-профессиональном партнерстве.

Так, Платон первым сделал наблюдение о зависимости типа системы образования от типа государственного устройства. Он же первый указал на важнейшего социального партнера и «заказчика» системы образования — государство. Социальные цели образования и воспитания были изложены им в трактате «Законы» — «сделать совершенным гражданином, умеющим справедливо подчиняться или начальствовать». В идеальном государстве руководит философ, он же руководит и системой образования и воспитания. Поэтому для подготовки философа-педагога в системе образования необходим особый подход, ориентированный на практику и взаимодействие с социумом. «Я говорю и утверждаю, — замечал в этой связи Платон, — что человек, желающий стать выдающимся в каком бы то ни было деле, должен с ранних лет упражняться...» [Джуринский: 46].

Аристотель утверждал, что «само же государство представляет собой общение родов и селений ради достижения совершенного самодовлеющего

существования, которое, как мы утверждаем, состоит в счастливой и прекрасной жизни» [Аристотель: 186].

Второй этап формирования научно-философских представлений о социально-профессиональном партнерстве можно отнести к периоду XVI—XVIII веков.

Методологические основания социально-профессионального партнерства в виде концепта «общественного договора» предложили философы Нового времени — Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Дж. Локк и другие.

Так, Ф. Бэкон, говоря современным языком, первым выступил с анализом социально-трудовых отношений, продемонстрировав, что «существует три основных блага, которых люди ждут для себя от гражданского общества: избавление от одиночества, помощь в делах и защита от обидчиков. И эти три вида мудрости совершенно различны по своей природе и весьма часто отделены друг от друга: мудрость общения, мудрость в делах, мудрость правления» [Бэкон: 418—419].

Т. Гоббс впервые фактически в близком к современному пониманию изложил основной принцип социального партнерства как добровольный выбор индивидов и социальных групп такой формы сожительства, которая обеспечивает достижение наибольшего благополучия всех при минимальном ограничении индивидуальной свободы каждого. Таковую форму социального партнерства он называл «общественным договором». Философ одним из первых предположил обязательность социального партнерства как предпосылки для предотвращения социального хаоса.

Политик и педагог Джон Локк предложил теорию социального компромисса, призванную привести в английское общество, болезненно переживавшее переход к рыночным отношениям, стабильность. Его задачей было сглаживание противоречий между элементами феодального и буржуазного мировоззрений и соответствующих им системами воспитания. Это, в свою очередь, позволило бы повысить результативность процессов адаптации и утверждения новой системы ценностей. Локку удалось воплотить в жизнь систему воспитания, близкую к дворянской по форме, но смыслово наполненную новым содержанием. Таким образом, принцип классового партнерства и компромисса обосновывался и претворялся в жизнь Локком именно через систему образования. Так, начальной отправной точкой этой системы, воплощавшей идею компромисса, явилось «воспитание джентльмена» — человека, который умеет жить сам и при этом не мешает жить другим [Лазарев: 230].

Педагогический принцип «Обучение для жизни», идеологом которого был французский просветитель Ж.-Ж. Руссо, стал еще одним «кирпичиком» в фундаменте современного понимания социального партнерства в подготовке педагогических кадров. Утилитаризм его подхода призывал учить только тому, что связано с жизнью ученика: «Я не перестаю повторять: облачайте все ваши уроки молодым людям в форму поступков, а не речей; пусть они не учат по книгам того, чему может научить их опыт». Иначе говоря, Руссо утверждал, что образование должно охватывать не только знания, но и формирование социальных навыков и умений, что невозможно без установления отношений сотрудничества между учеником, учителем, родителем и другими социальными институтами [Хуторской: 75].

Педагогические идеи Руссо нашли продолжение во взглядах и практической деятельности отечественных педагогов (К.Д. Ушинский, А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинский и др.) [Шульга]. Более того, принцип природосообразности в обучении и деятельностный подход в образовании явились теми основополагающими компонентами, которые оказывали формирующее влияние на развитие современных идей социального партнерства.

Третий этап эволюции научно-философских представлений о социально-профессиональном партнерстве приходится на вторую половину XVIII — конец XIX в.

Во взглядах основоположника немецкой классической философии И. Канта социальное партнерство выступает как сотрудничество на основе взаимного уважения и свободы, где каждый человек рассматривается как цель сам по себе, а не как средство для достижения цели других. Поэтому важнейшая задача в подготовке педагога на основе этого принципа — способствовать воспитанию такого человека, который способен, прежде всего, понимать, затем человека, «способного правильно рассуждать», и только потом человека, который будет являться ученым [Кант].

В философской системе Г. Гегеля элементы теории социального партнерства обозначаются в контексте ключевого для него понятия — «гражданского общества» — как высшей ступени общественной организации. Гегель обращает внимание на новый акцент в развитии социального партнерства, а именно, на роль экономических потребностей в его развитии. Потребности служат стимулом развития сотрудничества и обмена между людьми, что в свою очередь подталкивает к координации и сотрудничеству между различными группами людей. Таким образом, социальное партнерство в той форме, как его представлял Гегель, является основой для становления политического государства, выражающего и защищающего интересы общества. В этой связи в подготовке педагога Гегелем отводилась особая роль гражданскому обществу, так как образование и воспитание должно носить общественный характер и контролироваться гражданским обществом: «Гражданское общество обязано и имеет право наблюдать за воспитанием и влиять на него наперекор случайности намерений родителей, поскольку это воспитание имеет отношение к способности стать членом общества...; поскольку могут быть приняты общие меры для осуществления этого воспитания, общество имеет также право и обязанность принимать такие меры» [Аксенова: 70].

С середины XIX века анализ общественных отношений и зарождающегося социального партнерства становится предметом социологии как самостоятельной научной отрасли. Так, О. Конт трактовал общество как единый организм, где все части взаимосвязаны и взаимозависимы. Подчеркивая важность социального порядка, основанного на сотрудничестве и взаимопомощи, а не на соперничестве и борьбе, социальное партнерство становится для него не просто желательным состоянием, а необходимой предпосылкой для стабильного и прогрессивного общества. Эта мысль была продолжена им при формулировке задач социологии образования. О. Конт предпринял практическую попытку создать альтернативную государственной форму обучения — «позитивистское общество», организованное на базе группы слушателей — рабочих и студентов. Задачей этого общества было обучение и воспитание людей в духе позитивистского мировоззрения для практического претворения в жизнь данных принципов с целью преодоления кризисного состояния современного ему, О. Конту, общества. Сочетание теоретического и практического компонентов в своем образовательном подходе при подготовке кадров представлялся ему как выход из данного кризиса и основанием для «полного перерождения всеобщего образования», в котором образование и воспитание соответствовали бы «духу эпохи» и были приспособлены к потребностям современной цивилизации [Конт].

Проблема эффективности работы педагога и экономических условий его работы впервые поднята в работах А. Смита. Мыслитель в «Исследовании о природе и причинах богатства народов» обращает внимание на то, что учителя

(преподаватели), работающие в образовательных учреждениях, вознаграждаются за свой труд, во-первых, за счет гонораров, которые уплачиваются студентами (школьниками) за свое обучение («естественный источник»), и, во-вторых, за счет выплат, которые имеют своим источником другой доход, получаемый этими учреждениями «за счет каких-нибудь местных или провинциальных доходов, за счет ренты с какого-либо земельного владения или процентов с капитала, предоставленного специально для этой цели иногда самим государем, иногда каким-нибудь частным жертвователем». При этом, А. Смит задается вопросом: «Содействовали ли в общем эти общественные пожертвования достижению той цели, ради которой они делались?» То есть впервые ставится вопрос об экономической эффективности подготовки педагога и образования в целом.

Анализирует А. Смит и качество подготовки кадров и с точки зрения управления образовательной организации и роли в этой связи ее внешних партнеров. Он дает негативную оценку так называемой корпоративной организации власти: «Если власть, которой он (преподаватель) подчинен, олицетворяется в корпорации — в колледже или университете, членом которой он состоит сам и большая часть других членов которой состоит из таких же преподавателей, как и он, или будущих преподавателей, то они скорее всего будут действовать согласно, будут все очень снисходительны друг к другу, причем каждый согласится, чтобы его сосед пренебрегал своими обязанностями» [Смит: 844].

Более эффективна, с точки зрения качества преподавания, модель, в которой власть принадлежит «посторонним субъектам», или, как мы бы сегодня сказали, социальным партнерам университета. «Если власть, которой преподаватель подчинен, принадлежит не столько корпорации, членом которой он является, а каким-либо другим посторонним лицам, например епископу диоцеза, губернатору провинции или, может быть, одному из министров государства, в таких случаях маловероятно, чтобы ему вообще было позволено пренебрегать своими обязанностями. Но такое начальство может самое большее заставить его посвящать своим ученикам определенное число часов, т. е. читать им определенное число лекций в неделю или в год [Лубский: 40].

В трудах К. Маркса содержатся знаковые предпосылки анализа процессов партнерства в сфере социально-трудовых отношений. Так, установленная им зависимость судьбы наемного рабочего от капитала в сфере образования оформлялась как необходимость воспроизводить с помощью нее положения господства одного класса над другим и в этой связи отношения социального партнерства власти и института образования выглядят как концентрированный прагматизм.

Однако, исходя из марксистской антропологии, ядром которой является теория интериоризации, человек является совокупностью всех общественных отношений, в которые он вступает в своей жизни, формирует свое сознание и свое социальное поведение в зависимости от этих отношений. Следовательно, чтобы обучаемый сформировался здоровой и продуктивной личностью, родителям и педагогам необходимо создавать такие условия, в которых бы общественные отношения носили подлинно человеческий, практически действенный характер.

Задачей системы подготовки педагога при таких предпосылках будет являться создание таких условий, в которых воспитательный и образовательный процессы будут носить не отчужденный характер, в которых педагог будет заинтересован в результате своего труда, а образование будет служить основой для построения общества будущего [Кондрашов, Кручинина].

Концептуальной основой для развития четвертого этапа представлений о социально-профессиональном партнерстве в конце XIX — начале XX в. послужила

теория «гармонизации отношений» П.Ж. Прудона, который эффективную модель общественных отношений видел в ассоциации свободных производителей, которые на договорной основе будут обмениваться продуктами труда на взаимной и равноправной основе, без государственного принуждения.

Э. Дюркгейм, автор теории «социальной солидарности», при анализе современного ему индустриального общества, подчеркивал, что главной силой гармонизации такого сложно упорядоченного организма является разделение труда, дифференциация видов деятельности, что позволяет социальным акторам действовать эффективнее. В свою очередь, это обуславливает необходимость уплотнения, упрочения общественных связей, социальных сетей, включающие субъектов с разными функциями. Необходимость использовать уникальные возможности других, дает основу для развития социального взаимодействия, основанного не на конфликтной, а на согласительной природе своего происхождения. Все это способствует формированию нового типа органической солидарности, где социальное партнерство будет являться одним из видов социальных взаимодействий [Ховрин: 9].

Среди идей другого социолога, М. Вебера, для контекста нашего исследования представляет интерес предложенная им теория «социального действия», при обосновании которой он анализирует категорию «социальное отношение». Под ним он понимает «поведение нескольких людей, соотнесенное по своему смыслу друг с другом и ориентирующееся на это» [Вебер: 30]. В интересующем нас аспекте он выделял следующие характеристики социальных отношений:

— возможность продолжительного, длительного характера отношений, то есть партнерские отношения не сложившиеся спонтанно, а устанавливаемые целенаправленно и существующие в виду своей необходимости;

— содержание социальных отношений может быть сформулировано только по взаимной договоренности сторон. Это делает партнерские отношения предсказуемыми и позволяют всем сторонам ориентироваться на них при планировании своего будущего;

— содержание социальных отношений должно соответствовать ожиданиям всех субъектов (партнеров) [Вебер: 31].

В качестве главной причины рациональных действий социальных субъектов М. Вебер называет интерес. Интерес, по Веберу, является более сильным регулятором поведения, чем нормы и обязательные элементы ролевого набора, определяемого соответствующими статусами субъектов [Ховрин: 20].

Таким образом, идеи М. Вебера о социальных отношениях формируют прочный базис для формирования теории социального партнерства.

Теория «социального обмена» существенно дополняет понимание категории социального партнерства. Б. Скиннер, Дж. Хоманс, П. Блау в качестве универсального механизма социальной жизни определяли социальный обмен различными типами деятельности. Подобный обмен между субъектами общественной жизни благодаря фактору «выгоды» способствует формированию в социуме такого вида поведения, который через механизмы социального контроля может помочь преодолеть большинство социальных проблем. Его же целесообразно использовать для формирования и реализации рациональной социальной политики, в том числе для подготовки кадров в сфере образования: взаимодействие между участниками образовательного процесса, такими как ученики, учителя, администрация, как взаимный обмен, где каждый участник вкладывает определенные ресурсы (время, знания, усилия) и получает взамен определенные результаты (образование, вознаграждение, удовлетворение) [Тимашова].

Теория «социальной справедливости» Дж. Ролза также явилась значимой предпосылкой для формирования современных представлений о социальном партнерстве. Американский философ полагал, что наиболее справедливое общество должно быть организовано так, чтобы защищать права наименее обеспеченных и обеспечивать равенство основных прав и обязанностей, руководствуясь при принятии решений «завесой невежества».

Среди современных научно-философских концепций наибольшее влияние на развитие социально-профессионального партнерства в образовании, на наш взгляд, оказывает синергетическая парадигма.

Современные условия профессионального становления профессионала в любой отрасли, в том числе педагога, характеризуются высокой неопределенностью и изменчивостью условий, множественностью воздействующих факторов, начиная постоянного накопления огромного массива информации, усложнения системы научного знания, заканчивая воздействием и состоянием разнообразных социальных институтов (семьи, системы образования всех ступеней, социальных институтов), престижем профессии.

Затруднительность прогноза всех проблемных ситуаций, которые могут возникнуть перед молодым педагогом, изменчивость внешнего фона создают предпосылки для трактовки студента как самоорганизующейся системы, а значит, суть его профессиональной подготовки должна базироваться не столько на получении какой-то совокупности знаний, сколько на развитии профессиональной гибкости, навыков адаптации и, в хорошем смысле, «привычке» к инновациям, и в этом смысле система профессиональной подготовки педагогических кадров может рассматриваться с точки зрения основных синергетических принципов [Палатников 2024].

Несмотря на то, что объективные и субъективные предпосылки социального партнерства в трудовой сфере в России зародились еще в конце XIX века, когда отмечается зарождение профсоюзных организаций, в сфере образования мы можем говорить о более ранних примерах формирования социально-профессионального партнерства в подготовке кадров. В истории социально-философской мысли и соответствующему ей периоду социальных трансформаций стала эпоха Петра I с характерным для него прагматическим подходом, выражавшемся в понимании необходимости скорейшего и, по возможности, экономичного решения насущных, практических задач. Система образования в этот период в России имела слабую ориентацию на потребности экономики. Исходя из принципов прагматизма, Петр I вынужден был пойти по соответствующему пути социального партнерства и организации политехнического обучения, преимущественно на базе действующих производств, учреждения полупрофессиональных школ, занимавшихся подготовкой кадров сразу по нескольким специальностям.

Безусловно, здесь мы не ведем речь о прагматизме как направлении философии образования, появившемся на рубеже XIX—XX столетий (Ч. Пирс, У. Джеймс, Д. Дьюи), а лишь констатируем тот факт, что государство было нацелено на экономию времени и средств при ликвидации дефицита кадров для необходимых промышленных отраслей. Система школ Петра I обеспечивала в основном образование технического типа и характера, отражавшего реальные потребности страны.

В отношении начального образования его прагматизация получает проявление в лице организации цифирных, гарнизонных и архиерейских школ.

Следующий этап углубления прагматического подхода в образовании наблюдается в период реформ 1860-х гг. Реально обусловленное ситуацией промышленного переворота гуманитарное образование классического типа, известное под именем формального, сменяется реальным, материальным, и в его ключе реализуется так называемый «знаниевый» подход.

В начале XX столетия в сфере образования преобладали научно-философские идеи Л.Н. Толстого, П.Ф. Каптерева, В.П. Вахтерова, С.Т. Шацкого и других российских педагогов-гуманистов. Они формулировали идеи гуманной педагогики и свободного воспитания и инициировали их реализацию в образовательной деятельности.

Период 1890—1917 гг. характеризуется не только фундаментальными сдвигами в общественно-политической жизни страны, но и существенными изменениями в сфере образования, среди которых особенно выделяются те, которые были направлены на углубление взаимодействия в сфере социально-профессионального партнерства.

Общественный запрос формировал социальный заказ на демократическое реформирование образования — гуманизацию школы, приоритет общечеловеческих ценностей, повышение уровня грамотности населения посредством всеобщего начального обучения [Скударева: 71].

Этот общественный запрос на практике трансформировался в формирование просветительных обществ и педагогических организаций, создание обществ взаимопомощи учителей, съездов по вопросам народного образования, студенческих землячеств, родительских объединений, то есть реализовался в тех социальных институтах, которые являют собой актуальные и сегодня форматы социально-профессионального партнерства.

Тем не менее, системной инфраструктуры социального партнерства сферы образования и институтов общества, представителей различных групп учредить не удалось. Развернулось противоборство за реформаторскую повестку уже среди демократической общественности: либералы настаивали на изменениях в системе образования с учетом сохранения сотрудничества с правительством, а социалисты видели успех перемен только исключительно в контексте революционной смены общественного строя, настаивая на отмене сословных, материальных ограничений в образовании, включении общественности в управление образованием.

Как итог революционных событий 1905—1907 гг. из среды общественности по инициативе В.И. Чарнолуского был сформирован государственный комитет по народному образованию, который представлял собой своего рода экспертный центр при министерстве народного просвещения и стал важной вехой в формировании практики партнерства и участия общественности в делах государства и системы образования. В его состав вошли виднейшие педагоги того времени. Комитет просуществовал вплоть до революции 1917 г., когда и был упразднен.

В 1908—1910 годы земствами создаются начальные училища повышенного типа, на благотворительные средства учреждаются сельские гимназии. Общества народных университетов и рабочих организаций в крупных городах создают вечерне-воскресные средние школы, что обеспечивает значительный рост образовательного и культурного уровня населения. Из всех форм социального партнерства государство поддерживает лишь попечительство и благотворительность, что способствует формированию системы участия граждан всех сословий в образовании на условиях добровольности. Их партнерскими усилиями создана благоприятная атмосфера согласия и сотрудничества, основанная на гражданской инициативе [Скударева: 72].

Поляризация и активизация общественного дискурса не могла не сказаться и на педагогическом сообществе, у демократической части которого поддерживалась идея отделения школы от церкви и от самодержавной идеологии.

Весьма характерным научно-философским исследованием того времени стал труд П.Ф. Каптерева «История русской педагогики», в котором предлагается периодизация и раскрывается общественное значение русской педагогики [Каптерев].

Роли педагога и его развитию посвящены некоторые работы В.И. Ленина и Н.К. Крупской, в которых демократические педагогические идеи гармонизировали с педагогической теорией марксизма [Крупская: 178—180].

Первая мировая война обострила противоречия между широким общественным реформистским движением в образовании и правительственной политикой.

Период 1915—1916 годов характеризовался активными изменениями народного образования, связанными с именем министра П.Н. Игнатьева. С его деятельностью связан первый в современной трактовке социально-партнерский опыт соединения государственного и общественного начал в системе управления образованием. Значительная роль в осуществлении реформ отводилась самоуправлению в учебных заведениях, в гимназиях вместе с педагогическими советами действовали комитеты из представителей общественности, родительские советы. Педагогическим советам предоставлялось право самостоятельно разрабатывать планы и программы, решать хозяйственные вопросы. Провозглашалась необходимость соответствия школы потребностям общества и интересам национальной экономики.

Октябрьская революция 1917 года привела к пересмотру устоявшихся ранее форм социально-профессионального партнерства.

1920-е годы стали возвращением к идеям прагматизма через явное стремление к воспроизводству американского педагогического опыта в лице идей и технологий дальтон-планов (в форме лабораторно-бригадного метода), комплексных программ и т. д. Этот опыт, в отличие от царского периода, представлялся наиболее передовым. К этому времени социальное партнерство в образовании прочно основывалось на философских принципах утилитаризма (базовый принцип полезности И. Бентама) и прагматизма в философии и педагогике (Д. Дьюи).

Наиболее яркой формой социального партнерства тех лет стала деятельность школ-коммун, преследовавших, кроме сугубо практических, еще и определенные политические цели. Согласно Педагогическому словарю, школы-коммуны — «учебно-воспитательные учреждения интернатного типа, появившиеся в РСФСР в 1918 г. в соответствии с «Положением о единой трудовой школе РСФСР», входившие в систему опытно-показательных учреждений (ОПУ) Наркомпросов республик, разрабатывавшие на практике советскую педагогику и идею трудовой школы» [Педагогический...: 320].

Согласно ст. 12 Декрета «Об Единой Трудовой Школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение)» (1918), «основой школьной жизни должен служить производительный труд не как средство оплаты издержек на содержание детей и не только как метод преподавания, но, именно как производительный общественно-необходимый труд», органически связанный с обучением, с окружающей жизнью, позволяющий знакомить детей с разнообразными формами производства [Декрет...]. К 1923 году в РСФСР насчитывалось 178 школ-коммун.

В сфере вузовского образования его исторически сложившаяся организационная структура в советский период была сформирована на основе представления высшей школы как учреждения, полностью управляемого и зависимого от государства. Это в условиях плановой экономики, безусловно, гарантировало вузу стабильность и долгосрочность отношений с основным заказчиком.

В данной модели взаимодействия государство формировало «заказ» на молодого специалиста, в том числе педагога, не только с необходимым набором профессиональных качеств, но и с серьезной идеологической подготовкой, соответствующим комплексом необходимых знаний, умений и навыков [Арасланова].

Специфичной, но при этом работающей формой социально-профессионального партнерства стала система целенаправленного распределения учащейся молодежи на рабочие места в соответствии с полученным образованием и специальностью, основанная на тесном взаимодействии учебных заведений с базовыми организациями.

Но при этом сама система управления вузами не предполагала каких-либо самоорганизационных начал и учета изменяющихся условий внешней среды, что в начальный постсоветский период стало причиной кризисного состояния как высшего образования, так и науки, и сделало актуальным вопрос формирования партнерских отношений как с экономическими субъектами в новой рыночной модели, так и с институтами гражданского общества.

Заключение

Таким образом, на основе проведенного ретроспективного анализа научно-философских идей и течений, затрагивавших тему взаимодействия различных социальных субъектов в сфере трудовых отношений, особенно в сфере образования, можно заключить, что социально-профессиональное партнерство не является продуктом исключительно индустриального общества и сконцентрировано не только в сфере регулирования социально-трудовых отношений, а имманентно присуще человечеству на различных исторических этапах его развития.

Анализ научно-философских подходов показал, что в истории научной мысли были заложены многие базовые характеристики социально-профессионального партнерства как социального института:

- договорной характер отношений;
- исключительно взаимовыгодное взаимодействие;
- долгосрочность взаимодействий;
- цель установления отношений — поддержание порядка в социальной системе;
- смысловое содержание отношений определяется ценностными ориентациями вступающих во взаимодействие акторов.

Опираясь на проведенный анализ научно-философских взглядов, можно дополнить сформулированное ранее содержание категории социально-профессионального партнерства и определить ее как рациональную форму социального взаимодействия социальных акторов, которая реализуется за счет высокой ценностно-нормативной системы с целью упорядочивания социального пространства, минимизации социальных рисков, повышения результативности решения общественно значимых задач (в нашем случае — эффективности подготовки педагогических кадров) и стремления к социальному равновесию.

Список литературы / References

- Аксенова Э.А. Педагогические идеи в философском наследии Георга Вильгельма Фридриха Гегеля // Проблемы современного образования. 2015. № 2. С. 66—75.
(Aksenova E.A. Pedagogical ideas in the philosophical heritage of Georg Wilhelm Friedrich Hegel, *Problems of Modern Education*, 2015, no. 2, pp. 66—75. — In Russ.)
- Арасланова А.А. Предпосылки зарождения партнерских отношений в системе вузовского образования СССР // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 11-2. URL: <https://clck.ru/3U2DYJ> (дата обращения: 17.06.2025).

(Araşlanova A.A. Prerequisites for the emergence of partnerships in the higher education system of the USSR, *Actual Problems of Humanities and Natural Sciences*, 2013, no. 11-2. — In Russ.)

Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 462 с. (Aristotle. Politics, *Aristotle. Works: in 4 vols.*, Moscow, 1983, vol. 4, 462 p. — In Russ.)

Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. М.: Мысль, 1977. Т. 1. 567 с. (Bacon F. Works in two volumes, Moscow, 1977, vol. 1, 567 p. — In Russ.)

Вебер М. Основные социологические понятия. М.: Директ-Медиа, 2014. 52 с. (Weber M. Basic sociological concepts, Moscow, 2014, 52 p. — In Russ.)

Декрет ВЦИК от 16.10.1918 «Об Единой Трудовой Школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики». URL: <https://www.prlib.ru/item/1439848> (дата обращения: 17.06.2025).

(Decree of the All-Russian Central Executive Committee of 16.10.1918 “On the Unified Labor School of the Russian Socialist Federative Soviet Republic”. — In Russ.)

Джуринский А.Н. История педагогики: Учеб. пособие для студ. педвузов. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. 432 с.

(Dzhurinsky A.N. History of pedagogy: Textbook for students of pedagogical universities, Moscow, 2000, 432 p. — In Russ.)

Кант И. О педагогике // Кант И. Сочинения: в 8 т. М., 1994. Т. 8. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/kant/pedag.php (дата обращения: 17.06.2025).

(Kant I. On pedagogy, *Kant I. Works: in 8 vols.*, Moscow, 1994, vol. 8. — In Russ.)

Каптерев П.Ф. История русской педагогики: в 2 ч. М.: Юрайт, 2019. Ч. 2: Общественная педагогика: учебное пособие для вузов. 271 с.

(Kapterev P.F. History of Russian pedagogy: in 2 parts, Moscow, 2019, pt. 2: Public pedagogy: textbook for universities, 271 p. — In Russ.)

Кондрашов П.Н., Кручинина А.В. Гуманистические идеи Карла Маркса и педагогика // Проблемы современной науки и образования. 2014. № 6. С. 35—42.

(Kondrashov P.N., Kruchinina A.V. Humanistic ideas of Karl Marx and pedagogy, *Problems of Modern Science and Education*, 2014, no. 6, pp. 35—42. — In Russ.)

Конт О. Общий обзор позитивизма / пер. с фр. И. Шапиро. М.: Либроком, 2011. 296 с. URL: <http://studentdream.narod.ru/kont.htm> (дата обращения: 17.06.2025).

(Comte O. A general view of positivism, transl. from French by I. Shapiro, Moscow, 2011, 296 p. — In Russ.)

Крупская Н.К. К обновлению народной школы // Педагогические сочинения: в 10 т. М., 1957. Т. 1. 510 с.

(Krupskaya N.K. Towards the renewal of the public school, *Pedagogical works: in 10 vols.*, Moscow, 1957, vol. 1, 510 p. — In Russ.)

Лазарев М.А. Джон Локк и идеалы просвещения // Наука и школа. 2019. № 1. С. 227—236. (Lazarev M.A. John Locke and the ideals of the Enlightenment, *Science and School*, 2019, no. 1, pp. 227—236. — In Russ.)

Лубский А.А. Адам Смит о факторах повышения качества преподавательской деятельности // Инновационные проекты и программы в образовании. 2020. № 3. С. 36—44.

(Lubsky A.A. Adam Smith on factors for improving the quality of teaching activity, *Innovative Projects and Programs in Education*, 2020, no. 3, pp. 36—44. — In Russ.)

Палатников Д.Е. Возможности применения синергетического подхода для анализа систем профессиональной подготовки педагогов // Ярославский педагогический вестник. 2024. № 6 (141). С. 98—106.

(Palatnikov D.E. Possibilities of applying a synergetic approach for the analysis of vocational training systems for teachers, *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2024, no. 6 (141), pp. 98—106. — In Russ.)

- Палатников Д.Е. Социально-профессиональное партнерство в подготовке педагогических кадров: сущность и содержание понятия // Научный поиск: личность, образование, культура. 2025. № 3. С. 118—125.
(Palatnikov D.E. Social and professional partnership in the training of pedagogical personnel: essence and content of the concept, *Scientific Search: Personality, Education, Culture*, 2025, no. 3, pp. 118—125. — In Russ.)
- Педагогический энциклопедический словарь. М., 2002. 527 с.
(Pedagogical Encyclopedic Dictionary, Moscow, 2002, 527 p. — In Russ.)
- Скударева Г.Н. Становление социального партнерства в системе образования России на рубеже XIX—XX веков // Высшее образование сегодня. 2020. № 8. С. 70—74.
(Skudareva G.N. The formation of social partnership in the educational system of Russia at the turn of the 19th—20th centuries, *Higher Education Today*, 2020, no. 8, pp. 70—74. — In Russ.)
- Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов: пер. с англ. М.: АСТ, 2019. 1072 с.
(Smith A. An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations, Moscow, 2019, 1072 p. — In Russ.)
- Тимашова А.О. Потенциал классических социологических теорий в исследовании социального партнерства государства и гражданского общества // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 1. С. 29—33.
(Timashova A.O. The potential of classical sociological theories in the study of social partnership between the state and civil society, *Central Russian Journal of Social Sciences*, 2014, no. 1, pp. 29—33. — In Russ.)
- Ховрин А.Ю. Теоретико-методологические основания исследования социального партнерства в работах Э. Дюркгейма и М. Вебера // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 3. С. 1—29.
(Khovrin A.Yu. Theoretical and methodological foundations of the study of social partnership in the works of E. Durkheim and M. Weber, *Socio-Humanitarian Knowledge*, 2010, no. 3, pp. 1—29. — In Russ.)
- Хуторской А.В. Естественное воспитание и обучение Ж.-Ж. Руссо // Школьные технологии. 2010. № 1. С. 75—78.
(Khutorskoy A.V. Natural upbringing and education of J.-J. Rousseau, *School Technologies*, 2010, no. 1, pp. 75—78. — In Russ.)
- Шульга Н.В. Социальное партнерство в образовании: историко-педагогический аспект // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 62-2. С. 265—268.
(Shulga N.V. Social partnership in education: historical and pedagogical aspect, *Problems of Modern Pedagogical Education*, 2019, no. 62-2, pp. 265—268. — In Russ.)

SOCIAL AND PROFESSIONAL PARTNERSHIP IN TEACHER EDUCATION: THE EVOLUTION OF SCIENTIFIC AND PHILOSOPHICAL PERSPECTIVES

Denis E. Palatnikov

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky,
Yaroslavl, Russian Federation, denipa-1@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the dynamics of the formation of scientific and philosophical views on the institution of social and professional partnership in the teacher training process. The historical periods of antiquity, Modern times, and modernity are considered. Special attention is paid to the theoretical understanding and practical implementation of approaches to social and professional partnership in the history of Russian philosophical thought. It is concluded that, despite the institutionalization of social and professional partnership only in the 20th century, this was preceded by a long stage of philosophical reflection and pedagogical

practice, which allowed to form our own value principles and the most effective mechanisms for organizing interaction between social partners in the training of teaching staff. It is noted that the greatest contribution to the formation of the modern concept of social and professional partnership was made by educators T. Hobbes and J.-J. Rousseau, the “fathers” of political economy W. Petty and A. Smith, sociologists E. Durkheim and D. Rawls. The domestic practice of forming social and professional partnership systems is represented by the reforms of the epochs of Peter I, Nicholas I, Alexander II and Alexander III, D. Kavelin's philosophical observations, and the Soviet period.

Keywords: social and professional partnerships, scientific and philosophical perspectives, social practice, workforce development, civil society institutions

For citation: Palatnikov D.E. Social and professional partnership in teacher education: the evolution of scientific and philosophical perspectives, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, no. 2, pp. 154—166.

Статья поступила в редакцию 26.03.2026; одобрена после рецензирования 30.04.2026; принята к публикации 05.05.2026.

The article was submitted 26.03.2026; approved after reviewing 30.04.2026; accepted for publication 05.05.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Палатников Денис Евгеньевич — кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и социологии, Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского, г. Ярославль, Россия, denipa-1@rambler.ru, SPIN: 9472-2770

Palatnikov Denis Evgenyevich — Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor of the department of political science and sociology, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation, denipa-1@rambler.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 167—180.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 2. P. 167—180.

Научная статья

УДК 130.2:316.42:001.18

EDN <https://elibrary.ru/qozost>

DOI: 10.46726/И.2026.2.19

НООСФЕРНОЕ РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО МИРА: ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ КОНЦЕПЦИИ

Михаил Вячеславович Жульков

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, mzh1@mail.ru

Аннотация. Концепция ноосферного развития рассмотрена как синтетическая модель развития человечества, включающая в себя вещественные, информационные, структурно-энергетические, философско-религиозные, культурно-цивилизационные концепции, объясняющая структуры и динамику современного мира. Статья посвящена рассмотрению основных направлений ноосферного развития, движущих сил и энергий, определяющих его динамику. Концепция основана на методологии учения В.И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, системно-синергетического и энергоинформационного подходов в интерпретации автора статьи, положении о соответствии и взаимозависимости сознания и социальной реальности, образующих единый развивающийся комплекс. Основные направления ноосферного развития включают глобальное ноосферное сознание, коллективный разум, социальную и ноосферную автотрофность, формирование ноосферного человека. Основными энергиями современного этапа ноосферного развития становятся энергии сознания и мысли и соответствующая им социальная деятельность. Рассмотрена взаимосвязь глобального сетевого разума и индивидуального сознания, нравственные ценности предстают как условие связи этих двух основных форм сознания. Из фундаментальных концепций ноосферного развития вытекает ряд прикладных, таких как концепция мировой цивилизационной сети, геополитических треугольников, российской национальной идеи, безопасности национального и индивидуального сознания, поиска новых форм социума, объединяющих преимущества социализма и капитализма и купирующих их недостатки, введение субъективных факторов в современное моделирование и ряд других.

Ключевые слова: ноосферное развитие, ноосферная автотрофность, ноосферная личность, системный подход, энергоинформационный подход, энергия сознания и социального действия, глобальное сознание, коллективный разум

Для цитирования: Жульков М.В. Ноосферное развитие современного мира: фундаментальные и прикладные концепции // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 167—180.

Введение. Динамизм современного мира, процессы глобализации, формирования глобального сознания, коллективного разума, глобальные проблемы требуют новых методологических подходов в их исследовании, моделировании глобального и локального развития всех сфер общественной жизни и глобального развития в целом. Существует целый ряд концепций, объясняющих тенденции современного мира, их можно объединить в следующие группы: вещественные (формационный подход К. Маркса, концепция мир-экономики Ф. Броделя, мир-системный анализ И. Валлерстайна), информационные (сетевое общества Я. Ван Дейка, М. Кастельса, информационного общества, общества знания, искусственного интеллекта), структурно-энергетические (однополярного и многополярного мира, учение о переходе биосферы в ноосферу В.И. Вернадского, коэволюции общества и

© Жульков М.В., 2026

природы Н.Н. Моисеева, пассионарности Л.Н. Гумилева, Н. Фергюсона о сетевых и иерархических структурах власти), философско-религиозные (Агни Йога о психической энергии Е.И. и Н.К. Рерихов, солидарности и любви П.А. Сорокина, нового религиозного сознания Н.А. Бердяева, Розы Мира Д.Л. Андреева), культурно-цивилизационные концепции (столкновения цивилизаций С. Хантингтона, ООН как организации единства человечества К. Ясперса, первой глобальной революции А. Кинга, Б. Шнайдера, конца истории Ф. Фукуямы, сверхобщества А.А. Зиновьева, ноомахии А.Г. Дугина). Одним из вариантов новой методологии, рассматривающей динамику современного мира в качестве его существенной стороны, предусматривающей эффективность в моделировании процессов космопланетарной эволюции, является концепция ноосферного развития. Концепция ноосферного развития носит синтетический характер, объединяет естественнонаучные и гуманитарные исследования и предпосылки ноосферы, научные, социально-экономические, политические, культурные основания, объясняя их с единых методологических позиций. Необходимость системного описания процессов глобализации, деглобализации, регионализации, конструктивных и деструктивных процессов современного мира определяет актуальность темы. Статья подводит определенный итог многолетним исследованиям автора по теме ноосферного развития, в статье кратко характеризуются структурный аспект ноосферного развития и обращается внимание на его динамику, движущие силы и энергии. Отметим, что эти исследования лежат в русле ноосферных исследований кафедры философии Ивановского государственного университета. Цель статьи заключается в описании концепции ноосферного развития, для чего решаются следующие задачи: выявить основные направления ноосферного развития; исследовать систему ноосферы и ноосферного общества; исследовать организованность ноосферы, используя комплексный подход (системно-синергетический, энергоинформационный, ноосферный); проанализировать основные характеристики глобального сознания, коллективного разума; выявить основные движущие силы ноосферного развития; рассмотреть прикладные концепции, вытекающие из теоретических разделов концепции ноосферного развития.

Используемые методы включают учение В.И. Вернадского о биосфере и ее преобразовании в ноосферу; системный подход на основе исследований А.И. Уемова, И.В. Дмитриевской [Уемов 1978; Дмитриевская 2002], предложений автора по адаптации этого подхода к процессам ноосферного развития (добавлены понятия «сущность системы» и «энергия системы») [Жульков 2013]; учения Н.Н. Моисеева: универсального эволюционизма, о коэволюции общества и природы, о коллективном разуме как основе дальнейшего развития человечества [Моисеев 1990; 2001].

Новизна заключается в определении ноосферного развития, его основных направлений, разработке системы ноосферы и ноосферного общества, исследовании энергии мысли и энергии сознания как универсальных энергий ноосферного развития, выявлении основных особенностей коллективного разума и глобального сознания, взаимосвязи глобального/национального сознания и социума как форм его проявления, исследовании ступеней и методов достижения целостного сознания. Практическая значимость результатов состоит в разработке на основе теоретических положений ноосферного развития прикладных концепций — мировой цивилизационной сети, геополитических треугольников, российской национальной идеи на современном этапе, развитии национального мировоззрения на основе научно-философского учения о ноосфере, форм социально-экономического

развития, безопасности национального и индивидуального сознаний, исследования проблем моделирования с учетом субъективных факторов.

Основные проблемы ноосферного развития. Концепция ноосферного развития начинается с основного противоречия ноосферного развития. Согласно исследованиям Г.С. Смирнова, основной ноосферный конфликт — это противоречие между материальной и духовной составляющими всемирно-исторического процесса [Смирнов 2007: 97]. При разрешении этого конфликта выявляются основные направления ноосферного развития: глобальное ноосферное сознание, коллективный разум, социальная автотрофность, ноосферный человек.

Ноосферное развитие — это процессы коэволюционного развития общества и природы, самоорганизация системных и универсальных свойств ноосферы в процессах перехода биосферы в ноосферу в единстве их естественнонаучных, экологических, технических и гуманитарных аспектов, при активной роли развивающегося планетарного ноосферного сознания, системообразующей функции коллективного разума и образовании как основном способе самоорганизации ноосферной реальности. Основными направлениями ноосферного развития являются формирование глобального сознания и коллективного разума, социальной автотрофности, ноосферного человека [Жульков 2010: 14].

Организованность ноосферы. Проблемы ноосферного развития конкретизируются в концепции организованности ноосферы. Общая организованность ноосферы определяется наличием информационной и вещественной ноосферы, соединенных энергоинформационными взаимодействиями. Энергетические процессы играют в ноосфере существенную роль: как следует из организованности биосферы (Ф.Я. Шипунов), энергия является основой существования и развития биосферы, ее более высокая разновидность (культурная биогеохимическая энергия) играет решающую роль в процессах преобразования биосферы в ноосферу (В.И. Вернадский) [Вернадский: 124—126]. Взаимодействие между информационной и вещественной составляющими ноосферы определяется действием основного ноосферного [Дмитревская 2002: 27—28] и основного семиотического законов [Смирнов 2008: 103—105].

Для того чтобы выделить энергетические процессы как самостоятельный объект исследований, а также в целях развития сферного подхода, необходимо ввести понятие энергосферы. Энергосфера — это оболочка планеты, где происходят процессы поступления, накопления, преобразования, действия и утилизации различных энергий — от духовных космических до физических планетарных, частных видов энергии. Энергосфера пронизывает все другие сферы, обеспечивая их функционирование, жизнедеятельность и развитие. Уникальность энергосферы проявляется в том, что она проводит все типы энергий, от самых тонких — энергии сознания и энергии мысли — до наиболее плотных, физических [Жульков 2012]. Основными и определяющими энергиями в ноосфере становятся энергия мысли и энергия сознания. Понятие энергосферы имеет методологическое значение, оно используется для завершения сферного подхода, в результате он становится относительно целостным. При этом сферный подход легко соединяется с системным, энергоинформационным и синергетическим подходами в анализе ноосферного развития.

Организованность ноосферы с учетом принципа дополненности может быть представлена и как взаимодействие трех составляющих: вещественно-энергетической, энергоинформационной и информационной. Эти три большие части образуют единство на основе энергоинформационного взаимодействия. Организованность ноосферы предстает как сверхсистема сфер, открытая мегасистеме

ближнего космоса, соединяющая в себе жизнь, разум и косное вещество [Жульков 2015].

Организованность ноосферы развивается и поддерживается применением сознанием и мышлением человека основного ноосферного и основного семиотического законов, что позволяет расширять сферу управления потоками информации — энергии — вещества. Сознание сфера является наиболее сложной в информационной ноосфере, выступает источником ноосферных энергий, определяющих функционирование и развитие ноосферы.

Человек в ноосферной (энергоинформационной) картине мира. Ноосферно-универсальная картина мира утверждает единство вещественно-энергетического, энергоинформационного и информационного миров. Вещественный мир пространственноподобный, пространство информации носит (предположительно) хрональный характер. Энергоинформационные (ЭИ) взаимодействия между вещественным и информационным мирами образуют организованность мира в глобальном и локальном масштабах, они оформлены в виде восходящего и нисходящего ЭИ-потоков. Изменение баланса организованности, обобщенно отображаемое энтропией, вызывает изменение в энергоинформационных потоках, которое меняет как информационный мир, так и вещественный, в результате устанавливается новый баланс. Энергоинформационные потоки в информационном мире могут быть интерпретированы как течение времени (Н.А. Козырев, А.И. Вейник). Локальное изменение организованности одного из миров порождает энергоинформационную волну, которая распространяется в данном мире, но часть ее уходит в сопряженный мир по ЭИ потоку, где вызывает соответствующие изменения, что, в свою очередь, порождает вторичную ЭИ-волну, которая возвращается в исходный мир и затухает, поскольку информация организованности становится идентичной. Таков конкретный механизм взаимодействия миров и поддержания баланса. Два варианта взаимодействия информационного и вещественного миров следующие:

1) Энергия мысли — изменение организованности инфосферы — первичная ЭИ волна — нисходящий ЭИ-поток — организованность вещественного мира — вторичная ЭИ волна — восходящий ЭИ-поток — инфосфера (затухание волны);

2) Энергия действия — организованность вещественного мира — первичная ЭИ волна — восходящий ЭИ-поток — организованность инфосферы — вторичная ЭИ волна — нисходящий ЭИ-поток — вещественный мир (затухание волны). Так человек может влиять на мир в локальном и глобальном масштабе [Жульков 2019: 180].

Человек из простого наблюдателя становится творцом событий, так как в своем сознании он объединяет три мира (вещественный, энергоинформационный, информационный). Человек с помощью силы мысли создает модели и программы развития, которые находят воплощение благодаря энергии сознания. Творческим мышлением человек трансмутирует поступающие на планету энергии и направляет их вверх, замыкая круговорот космических и планетарных энергий, необходимых для функционирования и эволюции мира. Так само мышление человека, использование им энергии мысли, поднимает значение человека до планетарного и космического масштаба.

Система ноосферы и ноосферного общества. Философия ноосферного развития нуждается в собственной методологии, в разработке варианта системного подхода. Автор предложил ввести в системный подход понятия «сущность системы» и «энергия сущности / системы». Энергии исходят из сущности, проходят

через тройственный состав системы (концепт, структуру, субстрат) и возвращаются к сущности, обогащая ее опытом функционирования системы, обеспечивая единство системы.

Система ноосферы предстает как тройственная структура *инфосфера* — *биосфера* — *геосфера* (под геосферой понимается верхняя часть земной коры), *энергосфера* служит для функционирования, снабжения энергией всех сфер, их взаимосвязи и на этой основе их единения в целостную систему. Сущность системы определяется сферой сознания (*сознаниеисферой*), которая задает вектор развития всей системы, корректирует ее развитие [Жульков 2012]. Круговорот энергии сознания и энергии мысли позволяет системе функционировать и развиваться, соединяет ее в единое целое, этот круговорот подчиняется основному ноосферному и основному семиотическому законам.

Система ноосферного общества представлена следующим образом. Сущностью системы ноосферного общества становится формирующееся глобальное ноосферное сознание. Концептом системы является коллективный разум, структура системы обладает свойством социальной автотрофности, которая в процессе развития ноосферного сознания становится ноосферной автотрофностью. Элементом системы является ноосферный человек — главное звено ноосферного развития [Жульков 2013]. Вся система ноосферы, как в голограмме, отражается в своем элементе — человеке: ноосферный человек синтезирует в себе все составляющие ноосферы — и (глобальное) сознание, и мышление (концепт), и структурные отношения, и человечество в целом. Ноосферное развитие человечества является результатом действия биогеохимической и культурной биогеохимической энергий, а на современном этапе и действием субъективных энергий мысли и сознания.

Проблемы формирования ноосферного сознания в соотношении с ноосферной реальностью исследовал Г.С. Смирнов. Ноосферное сознание — «это действительное единство экологического глобального общечеловеческого культурного сознания цивилизованного человечества» [Смирнов: 134—135]. Ноосферное сознание «выполняет важную функцию самоорганизации ноосферы, выступает основой, определяющей будущее человеческой цивилизации» [Смирнов 1998: 129]. Ноосферное сознание характеризуется существенными признаками: жизнеутверждением [Дмитревская 2010]; экологическим и нравственным императивами [Моисеев 1990: 247—254]; глобальностью, универсальностью, активностью, научностью, гуманистичностью [Смирнов 2015: 113].

Так ноосферное сознание по определению является глобальным, имеет планетарный масштаб, его универсальность определяется мышлением как основой его активности, утверждением цивилизационных нравственных ценностей.

Основные особенности концепции ноосферного развития предстают в энергетическом и энергоинформационном подходе к эволюции разума и сознания, рассмотрению сопряженной эволюции сознания и реальности, круговорота энергии в космосе и на планете, исследовании психической энергии, энергии мысли, энергии сознания. Эта общая парадигма позволяет объединить учение Вернадского о биогеохимической энергии, энергетизм, системный, синергетический, энергоинформационный, ноосферный, диалектический, сферный подходы.

Развитие человечества представлено сопряженной эволюцией сознания и социальных форм, которые соответствуют друг другу [Жульков 2019: 139—148]. Так что для формирования глобального ноосферного сознания нужны новые формы социальной организации. Глобальная революция объединяет развитие индивидуального сознания — его нравственной составляющей, планетарного масштаба мышления, движение к большей целостности сознания, формирование

коллективного разума и глобального сознания, а также новых форм социальной реальности, которые бы способствовали творческому становлению и развитию личности, с одной стороны, а с другой — развивали бы формы коллективного творчества и сознания [Там же: 149—154].

Концепция ноосферного развития является плодотворной для понимания следующих типов ноосферной реальности и динамики ноосферы: функционирования биосферы, процессов преобразования биосферы в ноосферу, растущей автотрофности человечества, основных законов ноосферы, значения энергии в системном и системно-сферном моделировании ноосферы и ноосферного общества, энергетического подхода к сознанию, процессам формирования глобального сознания, философии социальной реальности (ноосферно-энергетические характеристики социума), качеств и характеристик ноосферных энергий и ряда других.

Как показывает исследование [Там же: 68—88], основные законы самоорганизации систем носят энергоинформационный характер и тем самым являются составной частью концепции ноосферного развития. Эти законы соответствуют трем частям системы: концепту, структуре и субстрату. Закон единения (синтеза) соответствует концепту, обеспечивает единство системы; закон притяжения и отталкивания показывает механизм самоорганизации структуры; закон борьбы энтропии и негэнтропии описывает поведение субстрата системы. Совместное действие законов обеспечивает самоорганизацию и функционирование системы. Возможно, эти законы являются тремя составными частями более общего закона существования систем.

Другой тип законов связан с циркуляцией вещества-энергии-информации в биосфере и ноосфере. Это основной ноосферный закон (информация генерирует энергию, энергия структурирует вещество, сформулированный И.В. Дмитриевской [Дмитревская 2002: 27—28]) и основной семиотический закон (энергия извлекается из вещества, энергия распаковывается в информацию, Д.Г. Смирнов [Смирнов 2008: 103—105]). Глобальное сознание и коллективный разум человечества призваны работать с потоками информации и тем самым определять и направлять развитие ноосферы и биосферы, переводят эволюцию человечества на рельсы коэволюционного пути развития.

Учения Н.Н. Моисеева о коэволюции общества и природы, о коллективном разуме являются философской, научной и методологической основой для дальнейших исследований и формирования концепции коллективного разума и глобального сознания. Коллективный разум определяется ученым как системное свойство, объединяющее индивидуальные умы людей. Он необходим для перехода на гармоничное социокультурное развитие человеческого общества, для обеспечения процессов коэволюции общества и природы, развития ноосферного мировоззрения и ноосферного сознания, управления синергетическими процессами ноосферного развития. Образование коллективного разума человечества, согласно взглядам ученого, является необходимым условием решения глобальных проблем современности и станет главным содержанием предстоящей планетарной бифуркации, сравнимой с появлением жизни и разума на планете. Начало такой бифуркации ученый относил к середине XXI века, хотя процессы его формирования в явно выраженном виде начались в конце XX века [Моисеев 1990: 34].

Глобальное сознание и коллективный разум человечества предстают результатом действия биогеохимической и культурной биогеохимической энергий, а на современном этапе и действием энергий сознания. *Коллективный разум* человечества определяется как самоорганизующаяся многоуровневая планетарная система, объединяющая человечество в единое целое, состоящая из разумов отдельных

людей, структур общественного сознания, в единстве духовно-информационных, культурных, семиотических, психических, социобиологических, экологических и информационно-технических аспектов, предназначенная для обеспечения процессов коэволюции общества и природы, развития ноосферного мировоззрения и сознания, управления процессами ноосферного развития. *Глобальное сознание* можно определить как совокупность индивидуальных сознаний, объединенных в сети разного рода, а также общечеловеческое поле, объединяющее бессознательные, осознаваемые и сверхсознательные аспекты сознаний людей. До недавнего времени глобальное сознание носило бессознательный характер, в настоящее время формируются его осознаваемые структуры на различных уровнях: групповом, социальном (соцсети), профессиональном, национальном, собственно глобальном. Именно осознаваемые части общего глобального сознания и следует называть собственно глобальным сознанием.

Учения о коллективном разуме и глобальном сознании приобретают в наше время особое значение, так как определяют вектор развития человечества на ближайшую и отдаленную перспективу. Формирующиеся глобальное сознание и коллективный разум необходимо рассматривать как сложные многомерные образования, имеющие как организационные, технические и социальные составляющие, так и информационно-семиотические и субъективные структуры. Вертикальные связи пока мало осознаются, но по мере их укрепления они начнут играть все большую роль в функционировании сознания и общества.

Человек, как известно, имеет две основные формы сознания — индивидуальную и коллективную. Коллективная форма сознания в настоящее время становится все более осознаваемой, формируются различные уровни коллективного разума: групповой, региональный, национальный, глобальный. Коллективное сознание можно представить в виде сети, соединяющей индивидуальные сознания и разумы в единое целое, на бессознательном и частично осознаваемом уровнях. Сеть обладает определенной устойчивостью и самоорганизацией, она вытесняет те разумы, которые не соблюдают принципы ее существования — вредят другим людям. Так традиционные нравственные ценности становятся обоснованными современными представлениями: они являются условиями существования коллективного разума и глобального сознания (то есть взаимодействия людей). Также нравственность определяет синтез двух форм сознания человека: индивидуальной и коллективной [Жульков 2025с: 176]. Индийская философия определяет такую связь как взаимосвязь точечного манаса и распространенного буддхи. Такая сеть становится похожей на организм, который дифференцируется для выполнения различных внутренних и внешних функций, в нем есть структуры, поддерживающие его функционирование, есть нервная система, мозг, обрабатывающий сигналы и принимающий решения и производящий отклик сети на те или иные воздействия социальной и природной среды.

Растущая автотрофность, независимость человечества от условий биосферы является существенным условием структуры ноосферы и ноосферного общества. Поскольку энергетическая составляющая является главной в обеспечении автотрофности, проблемы автотрофности входят в круг вопросов ноосферного развития. Социальная автотрофность является энергетическим фундаментом ноосферного развития, суммирует его естественнонаучные предпосылки. Она снимает остроту противоречий между человеком и природой, оказывается мерой гуманной экономики. Автотрофность человечества — составная часть решения основного противоречия ноосферного развития [Жульков 2019: 412—426].

Важной частью автотрофности является рост независимости сознания от условий биосферы. *Ноосферная автотрофность* — это растущая информационная,

энергетическая и физическая независимость человечества от биосферы, определяемая становлением ноосферного сознания и коллективного разума человечества, ростом научной мысли, информационным управлением процессами в системе вещество-энергия-информация ноосферы и биосферы, направленная на увеличение жизнеспособности биосферы и развитие сознания в ней [Там же: 432].

Концепция ноосферного развития позволяет по-новому взглянуть на социальную реальность, представить ее как совокупность энергетических процессов, протекающих в настоящем, и информационных каналов, связанных с прошлым и будущим. Это субъект-объектная реальность, на которую все более значительное влияние оказывает субъективный фактор — человеческое сознание и три вида его активности (память, когнитивная активность и моделирующее воображение), соответствующие трем аспектам времени: прошлому, настоящему и будущему. Основной ноосферный закон показывает, как именно осуществляется такое влияние: сознание и мышление определяют реальность через посредство субъективных энергий мысли и сознания.

Субъективные энергии. Анализ действия биогеохимической и культурной биогеохимической энергий в современном мире приводит к необходимости ввести третий вид энергии — энергию сознания. В результате становится возможным адекватное описание происходящих в мире процессов — переход к информационному обществу, глобальный демографический переход (на низкую рождаемость), усиление роли качества сознания в современном мире. *Энергия сознания* — это совокупность всех возможных проявлений сущности человека, связанной с развитием самого сознания, воли, познавательных способностей, а также аксиологических, нравственных качеств сознания, таких как любовь, доброта, сотрудничество и другие. *Энергия мысли* — это способность совершать интеллектуальную работу, производить и преобразовывать информацию и образы [Там же: 486—488].

Понятие энергии сознания имеет характер эмпирического обобщения и теоретической конструкции. Энергия сознания является следующей ступенью сублимации энергии воспроизведения (биогеохимической энергии). В современном информационном мире энергии сознания и энергии мысли приобретают все более существенное значение. Концепция ноосферного развития предоставляет возможность исследования этих энергий, механизмов их влияния на социальную, экономическую, политическую жизнь общества и каждого отдельного человека.

Этапы эволюции человечества. Неотъемлемой частью ноосферного развития является учение о ноосферном человеке, подробнее о ноосферном человеке (см.: [Меликян 2016]). Он является активным агентом становления ноосферы, ее составляющих на различных уровнях ноосферного общества. Ноосферно-энергетическое понимание ноосферной личности включает следующие составляющие. Сущностью ноосферной личности предстает ноосферное сознание, система ноосферной личности включает ум как концепт системы, психику как структурный компонент и тело как субстрат. Благодаря энергии сознания и энергии мысли протекают процессы интеграции компонентов личности в единое целое, они обеспечивают ноосферный характер ее функционирования [Жульков 2019: 509—524].

Применение системного метода позволяет выделить три исторических стадии развития человека: стадию физического человека, стадию развития психики (эмоциональный и желающий человек) и стадию развития ума (мыслящий человек). На первых двух стадиях человек ведет «биосферное» существование, то есть главным в его развивающейся системе является психофизическая или психическая жизнь (в узком смысле как жизнь желаний и эмоций). Вместе с развитием ума начинают протекать процессы интегрирования, появления системного

свойства, которое и называется личностью, когда все три подсистемы действуют как одно целое, человек может планировать свои действия и прикладывать усилия для достижения результатов. Использование мышления и ума в целом показывает начало собственно ноосферного развития личности [Там же: 450—459].

С этой точки зрения ноосферная история начинается тогда, когда ноосферные личности или группы людей начинают играть в историческом процессе существенную роль. Развитие понятийного мышления (начиная с осевого времени) позволяет человечеству сделать гигантский шаг в своем развитии и произвести коренной эволюционный поворот от биосферного существования к ноосферному.

В настоящее время формируется путь саморазвития человека, интегрирующий основные особенности восточного и западного путей самосовершенствования: активное познание и решение конкретных задач культурного, экономического или социально-политического развития общества (западный путь), соединенное с принципами созерцания, самоуглубления и самопознания, характерными для восточной культуры.

Прикладные учения концепции ноосферного развития. Ноосферное развитие как синтетическое научно-философское учение содержит в себе теоретический и практический уровни, теоретические и прикладные учения. Прикладные учения концепции ноосферного развития связаны с моделированием глобальной цивилизации в виде мировой цивилизационной сети, геополитическими треугольниками, российской национальной идеей, развитием национального мировоззрения, социально-экономическим развитием, проблемами безопасности сознания, современным моделированием с учетом субъективных факторов.

Россия утверждает и развивает политический, экономический суверенитет, но необходимо иметь в виду, что суверенитет основывается на независимом национальном мировоззрении, которое, в свою очередь, основывается на национальной философии. Вершиной русской философии, как известно, является период конца XIX — начала XX века (серебряный век русской культуры), содержащий три основных направления: русскую религиозную философию, русский космизм и марксизм-ленинизм. Основой русского космизма является учение В.И. Вернадского о переходе биосферы в новое состояние — ноосферу. В настоящее время — начало XXI века — эти три направления являются фундаментом современной российской философии. Учение о ноосфере является научно-философским ядром современной российской философии, на основе которого развивается ряд прикладных направлений, названных выше [Жульков 2025b].

Современная глобальная цивилизация осмысливается целым рядом подходов, которые охватывают различные стороны жизни цивилизации. Предложенная автором модель мировой цивилизационной сети состоит из узлов-городов, соединенных линиями связи, которые моделируют информационный, вещественный (торгово-экономический), энергетический обмен между узлами. Тем самым данная модель охватывает практически все аспекты современной цивилизации — вещественно-энергетические и информационные; экономические, политические, культурные. Одновременно открывается путь математического моделирования процессов в мировой цивилизационной сети на региональном, национальном, глобальном уровнях, изучение отдельных сторон жизни цивилизации, их взаимовлияния [Жульков 2023b].

Самоорганизация мировой цивилизационной сети происходит за счет двусторонних и трехсторонних связей. Формирование геополитических треугольников является одним из существенных способов ноосферной самоорганизации мировой цивилизационной сети. Благодаря применению методов философии ноосферного развития выявлены информационно-семиотическая, психоэнергетическая,

социально-экономическая подсистемы геополитического треугольника. Его структура состоит из активного и пассивного полюсов и полюса-посредника, формирующего канал взаимодействия в треугольнике. Системообразующим свойством системы геополитического треугольника является общее диалогово-мировоззренческое поле, в котором происходит поиск компромиссных решений региональных и глобальных проблем. Если треугольник находится в одном из отрицательных режимов своего функционирования, то для нормализации процессов его функционирования необходимо восстановление мировоззренческого информационно-семиотического поля, намерения сторон найти компромиссное решение конфронтационной проблемы [Жульков 2023а].

Россия, как известно, является одной из глобальных стран современного мира, от которых зависит судьба человечества. В условиях меняющейся формы глобализации (выделение отдельных зон сверхцивилизаций и их взаимосвязей), а также агрессивного давления западного мира на Россию, в Китае и ряде других стран востребованы поиски и исследования в области национальной программы развития. Российская национальная идея на современном этапе мирового развития должна быть проектом внутреннего и внешнего развития страны на период нескольких десятилетий. Он должен включать цели национального развития, идеалы общественного развития, взаимосвязанные планы политического, социально-экономического, культурного развития. Современное выражение российской национальной идеи включает политику справедливого многополярного мира, поиск социально-экономической организации, сочетающей преимущества капитализма и социализма, условия свободного развития личности [Жульков 2025а].

В настоящее время в условиях информационных, гибридных войн, оранжевых революций, все большую значимость приобретают проблемы обеспечения национальной безопасности. С точки зрения ноосферного развития в концепцию национальной безопасности необходимо ввести понятие безопасности национального и индивидуального сознания [Жульков 2023b]. Принцип сопряженной эволюции сознания и социальных форм его выражения приводит к идее энергоинформационного круговорота/обмена между национальным сознанием и социумом. Информационное вмешательство создает паразитические формы в этом круговороте. Чтобы обеспечить защиту, сам круговорот должен быть достаточно сильным, чтобы отбрасывать посторонние влияния. То же касается индивидуального сознания: активная жизненная позиция, общественно полезная деятельность должны сочетаться с развитием сознания, накоплением и использованием психической энергии, процессами самосовершенствования, движением к более целостному сознанию.

Россия, как и ряд других стран, ищет новые формы социально-экономического развития, сочетающие преимущества капитализма и социализма при купировании их недостатков. Капитализм использует личную инициативу, но подвержен кризисам перепроизводства, в настоящее время — глобальным экономическим кризисам, неизбежной дифференциацией общества на богатых и бедных, на богатые и бедные страны. Дифференциация стран, необходимость новых рынков сбыта приводит к конфликтам, переделу мира вплоть до возможности мировых войн. Социализм использует энтузиазм масс, однако личная инициатива используется слабо, для того чтобы ее использовать, было разработано социалистическое соревнование. К другим преимуществам социализма относятся концентрация капитала в руках государства, что обеспечивает реализацию крупных проектов, развитие по основным направлениям научно-технического прогресса. Социализм обеспечивает социальную справедливость, более равномерное распределение

национального богатства между классами и социальными группами. Новое понимание социализма заключается в использовании смешанных форм собственности (частной, государственной, частно-государственной, кооперативной, народной) при соблюдении принципа социальной справедливости в распределении национальных богатств. Основные критерии конвергенции социализма и капитализма следующие: наличие всех форм собственности; частные предприятия гарантируют реализацию личной инициативы; госсектор, предприятия с социалистическими формами собственности, социальные программы помощи различным слоям населения обеспечивают социальную справедливость; мягкое регулирование экономики со стороны государства обеспечивает решение трудных научно-технических задач, недопущение кризисов.

Человечество учится реальному планированию, которое включает: формирование идеальной модели, ее усложнение, привязку к местным условиям, планирование внедрения проекта, его реализация с корректировкой планов и самого проекта. Такое планирование и реализация показывает путь саморазвития и самоопределения человечества, что демонстрирует ноосферное развитие общества. Все более важное значение в современном все усложняющемся мире приобретает математическое моделирование с использованием суперкомпьютеров, что является частью развития практического разума человечества и быстро приобретает постоянный характер. Современное моделирование предполагает учет субъективных факторов в принятии решений субъектами деятельности в условиях недостатка информации [Жульков 2024]. Планирование, реализация планов с учетом результатов субъект-объектного моделирования имеет важное значение в ноосферном развитии человечества на современном этапе.

Таким образом, целый ряд прикладных учений основываются на фундаменте концепции ноосферного развития.

Заключение. Концепция ноосферного развития является синтетической, использует общенаучные и научно-философские подходы для решения основных проблем современного развития человечества (учение о биосфере и ноосфере, системно-синергетический, системно-сферный подходы, энергоинформационный подход, собственно ноосферный (сопряженная эволюция сознания и социума, их взаимосвязь и взаимозависимость, которая выявляется в динамике ноосферного развития, в моделирующем мышлении глобального/национального сознания и вытекающего из него социального действия). Ноосферное развитие представлено в виде формирующихся структур ноосферного общества и их динамики, основных ноосферных энергий. Ноосфера предстает системой сфер, а ноосферное общество как система, сущностью которого является глобальное ноосферное сознание, концептом — коллективный разум, структура общества характеризуется развивающейся социальной и ноосферной автотрофностью, элементом общества является ноосферный человек (ноосферная личность). Энергии мысли и сознания образуют динамическое единство системы ноосферы и ноосферного общества. Субъективные энергии — энергии мысли и энергии сознания — становятся все более определяющими и универсальными источниками движущих сил современного ноосферного развития человечества, отдельных стран, а также саморазвития и самосовершенствования человека. Формирование глобального сознания и коллективного разума на всех уровнях (глобальном, национальном, групповом, индивидуальном) становится основным показателем ноосферного развития человечества. Нравственные ценности призваны соединять сетевой коллективный разум и глобальное сознание в гармонично развивающееся целое. Нравственность является также условием синтеза личностной и коллективной составляющих индивидуального сознания. Основные фундаментальные концепции ноосферного развития находят свои прикладные применения. Нами рассмотрены следующие

проблемы и их решения с позиций ноосферного развития: концепция мировой цивилизационной сети, геополитических треугольников, российской национальной идеи на современном этапе, национального мировоззрения (национальной философии) как основы суверенитета страны, поиска новых форм социально-экономического развития, проблемы безопасности национального и индивидуального сознания, развития современного моделирования с учетом субъективных факторов.

Таким образом, концепция ноосферного развития имеет свое поле исследований, методологические подходы, является составной частью ноосферологии, обладает значительным потенциалом дальнейшего развития. Формирующееся глобальное ноосферное сознание и коллективный разум предстают главной структурой, управляющей организованностью ноосферы, а человек — активным звеном ноосферного развития, источником и носителем ноосферного сознания и ноосферных энергий.

Список литературы / References

- Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
(Vernadsky V.I. *Scientific thought as a planetary phenomenon*, Moscow, 1991, 271 p. — In Russ.)
- Дмитревская И.В., Портнов А.Н., Смирнов Г.С. Ноосферная динамика России: философские и культурологические проблемы: ч. 1 // Ноосферные исследования. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2002. Вып. 1. 158 с.
(Dmitrevskaya I.V., Portnov A.N., Smirnov G.S. The noospheric dynamics of Russia: philosophical and cultural problems: pt. 1, *Noospheric Research*, Ivanovo, 2002, iss. 1, 158 p. — In Russ.)
- Дмитревская И.В. Коммуникативное пространство ноосферы // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Вып. 2. С. 9—25.
(Dmitrevskaya I.V. The communicative space of the noosphere, *Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2010, iss. 2, pp. 9—25. — In Russ.)
- Жульков М.В. Геополитические треугольники как способ самоорганизации мировой цивилизационной сети // Вестник Московского государственного Областного университета. Серия: философские науки. 2023а. № 2. С. 139—152.
(Zhulkov M.V. Geopolitical triangles as a way of self-organization of the world civilization network, *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences*, 2023a, no. 2, pp. 139—152. — In Russ.)
- Жульков М.В. Мировая цивилизационная сеть: модель глобального мира // Современные философские исследования. 2023b. № 4. С. 91—102.
(Zhulkov M.V. The World civilization network: a model of the global world, *Modern philosophical research*, 2023b, no. 4, pp. 91—102. — In Russ.)
- Жульков М.В. Ноосферное общество как система // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 3 (29). Ч. 2. С. 97—102.
(Zhulkov M.V. Noospheric society as a system, *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art-conducting. Questions of theory and practice*, 2013, no. 3 (29), pt. 2, pp. 97—102. — In Russ.)
- Жульков М.В. Ноосферный энергетизм: глобальная организованность космопланетарного универсума. Иваново, 2019. 612 с.
(Zhulkov M.V. *Noospheric energetism: global organization of the cosmoplanetary universe*, Ivanovo, 2019, 612 p. — In Russ.)
- Жульков М.В. Организованность ноосферы: системный подход // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Вып. 2. С. 21—30.
(Zhulkov M.V. Organization of the noosphere: a systematic approach, *Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2015, iss. 2, pp. 21—30. — In Russ.)
- Жульков М.В. Понятие энергосферы и его использование в сферном подходе // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 5 (49). С. 94—98.

- (Zhulkov M.V. The concept of the energy sphere and its use in the sphere approach, *Scientific Notes of the Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences*, 2012, no. 5 (49), pp. 94—98. — In Russ.)
- Жульков М.В. Российская национальная идея: системный подход // Манускрипт. 2025а. Т. 18, вып. 4. С. 1696—1704.
- (Zhulkov M.V. The Russian national idea: a systems approach, *Manuscript*, 2025a, vol. 18, iss.4, pp. 1696—1704. — In Russ.)
- Жульков М.В. Русская философия в XXI веке // Государство, общество, церковь в истории России XX—XXI веков: материалы XXIV Международной научной конференции, посвященной 80-летию Победы в Великой Отечественной войне. Иваново, 2025b. С. 231—236.
- (Zhulkov M.V. Russian philosophy in the XXI century, *State, society, Church in the history of Russia of the XX—XXI centuries. Proceedings of the XXIV International Scientific Conference dedicated to the 80th anniversary of Victory in the Great Patriotic War*, Ivanovo, 2025b, pp. 231—236. — In Russ.)
- Жульков М.В. Самосознание интеллигенции: основные особенности // Материалы XXXV Международной научно-теоретической конференции, приуроченной к 80-летию победоносного завершения Великой Отечественной войны. Иваново, 2025с. С. 171—179.
- (Zhulkov M.V. Self-awareness of the intelligentsia: main features, *Proceedings of the XXXV International Scientific and Theoretical Conference dedicated to the 80th anniversary of the victorious end of the Great Patriotic War*, Ivanovo, 2025c, pp. 171—179. — In Russ.)
- Жульков М.В. Учет субъективных факторов в современном моделировании // Практическая философия: состояние и перспективы: сборник материалов VII научной конференции. Симферополь, 2024. С. 38—43.
- (Zhulkov M.V. Consideration of subjective factors in modern modeling, *Practical philosophy: state and prospects. collection of materials of the VII scientific conference*, Simferopol, 2024, pp. 38—43. — In Russ.)
- Жульков М.В. Философские проблемы ноосферного развития: коллективный разум и социальная автотрофность: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 2010. 22 с.
- (Zhulkov M.V. Philosophical problems of noospheric development: collective intelligence and social autotrophy: abstract of the dis. ... Candidate of Sciences (Philosophy), Ivanovo, 2010, 22 p. — In Russ.)
- Меликян М.А. Совершенный человек и ноосфера: личностно-персоналистическая репрезентация человеческой революции. Иваново, 2016. 200 с.
- (Melikyan M.A. *The Perfect Man and the Noosphere: a personal and personalistic representation of the human Revolution*, Ivanovo, 2016, 200 p. — In Russ.)
- Моисеев Н.Н. Универсум. Информация. Общество. М.: Устойчивый мир, 2001. 200 с.
- (Moiseev N.N. *The Universe. Information. Society*, Moscow, 2001, 200 p. — In Russ.)
- Моисеев Н.Н. Человек и Ноосфера. М.: Мол. гвардия, 1990. 351 с.
- (Moiseev N.N. *Man and the Noosphere*, Moscow, 1990, 351 p. — In Russ.)
- Смирнов Г.С. Интеллигенция и ноосфера: философско-культурологические проблемы интеллигентоведения. Иваново, 2007. 128 с.
- (Smirnov G.S. The Intelligentsia and the noosphere: philosophical and cultural problems of intellectual studies, Ivanovo, 2007, 128 p. — In Russ.)
- Смирнов Г.С. Ноосферное сознание и ноосферная реальность: философские проблемы ноосферного универсума. Иваново, 1998. 244 с.
- (Smirnov G.S. Noospheric consciousness and noospheric reality: philosophical problems of the noospheric universe, Ivanovo, 1998, 244 p. — In Russ.)
- Смирнов Г.С. Образование ноосферы: философско-методологические проблемы эволюции сознания. Иваново, 2015. 504 с.
- (Smirnov G.S. The formation of the noosphere: philosophical and methodological problems of the evolution of consciousness, Ivanovo, 2015, 504 p. — In Russ.)
- Смирнов Д.Г. Семиософия ноосферного универсума: ноосфера и семиосфера в глобальном дискурсе. Иваново, 2008. 372 с.

(Smirnov D.G. Semiosophy of the noospheric universe: the noosphere and the semiosphere in global discourse, Ivanovo, 2008, 372 p. — In Russ.)

Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль, 1978. 272 с.

(Uemov A.I. System approach and general theory of systems, Moscow, 1978, 272 p. — In Russ.)

NOOSPHERIC DEVELOPMENT OF THE MODERN WORLD: FUNDAMENTAL AND APPLIED CONCEPTS

Mihail V. Zhulkov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, mzh1@mail.ru

Abstract. The concept of noospheric development is considered as a synthetic model of the development of the modern world, which includes material, informational, structural-energetic, philosophical-religious, cultural-civilizational concepts explaining the structures and dynamics of the modern world. The article is devoted to the consideration of the main directions of noospheric development, the main driving forces and energies that determine its dynamics. The concept is based on the methodology of V.I. Vernadsky's theory of the transition of the biosphere to the noosphere, system-synergetic and energy-informational approaches in the author's interpretation, the position on the correspondence and interdependence of consciousness and social reality, forming a single developing complex. The main directions of noospheric development include global noospheric consciousness, collective intelligence, social and noospheric autotrophy, and the formation of a noospheric person. The main energies of the modern stage of noospheric development are the energies of cognition and thought and their corresponding social activities. The interrelation of the global network mind and individual consciousness is considered, traditional moral values appear as a condition for the connection of these two main forms of consciousness. A number of applied concepts result from the fundamental concepts of noospheric development. Among those applied concepts the following could be mentioned: the concept of the world civilization network, geopolitical triangles, the Russian national idea, the security of national and individual consciousness, the search for new forms of society that combine the advantages of socialism and capitalism and eliminate their disadvantages, the introduction of subjective factors into modern modelling, and a number of others.

Keywords: noospheric development, noosphere autotrophy, noospheric personality, system-sphere approach, energy-informational picture of the world, energy of consciousness and social action, global consciousness and collective mind worldview

For citation: Zhulkov M.V. Noospheric development of the modern world: fundamental and applied concepts, *Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Humanities*, iss. 2, pp. 167—180.

Статья поступила в редакцию 16.01.2026; одобрена после рецензирования 25.02.2026; принята к публикации 16.03.2026.

The article was submitted 16.01.2026; approved after reviewing 25.02.2026; accepted for publication 16.03.2026.

Информация об авторе / Information about the author

Жульков Михаил Вячеславович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, mzh1@mail.ru, SPIN: 3322-1435

Zhulkov Mikhail Vyacheslavovich — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, mzh1@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 181—191.
Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 2. P. 181—191.

Научная статья
УДК 32.019.5:316.77:004.912(470.315)
EDN <https://elibrary.ru/ruxsfa>
DOI: 10.46726/И.2026.2.20

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА В МАЛЫХ ГОРОДАХ И РАЙОНАХ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ОПЫТ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА СОЦМЕДИА

Денис Сергеевич Докучаев,
Наталья Александровна Докучаева,
Кирилл Александрович Стробыкин

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,
den-dokuchaev@mail.ru, natdok85@gmail.com, kirill.strobykin@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию региональной политической повестки в малых городах и районах Ивановской области с применением метода контент-анализа текстовых публикаций в социальных медиа и компьютерной обработки полученных данных с использованием инструментов Python. При анализе материалов авторы сосредоточились на выявлении их тематической структуры, тональности и лексических доминант. Эмпирическую базу исследования составили 1655 публикаций из 41 официального и неофициального сообщества социальной сети «ВКонтакте» за период с 15 ноября по 15 декабря 2025 года. В результате исследования установлено, что повестка в регионе носит преимущественно социально ориентированный характер и сосредоточена на вопросах качества жизни, гражданского участия и публичных мероприятий. Через тональный анализ выявлено доминирование нейтральных и позитивных сообщений при низкой доле негативного контента. Лексический анализ позволил определить превалирование принципа «от общего к частному» при публикации материалов в сообществах муниципалитетов, выявить доминирующий акцент на вопросы развития инфраструктуры детства и образования и определить тематику, способную задавать дискурс конструирования образа будущего. Также авторами обозначены перспективные направления в работе над дальнейшими исследованиями по данной тематике.

Ключевые слова: политика, политическая коммуникация, регион, региональное информационное пространство, повестка дня, политическая повестка дня, региональная политика, регионализм, региональный дискурс, региональная политическая повестка, контент-анализ соцмедиа

Для цитирования: Докучаев Д.С., Докучаева Н.А., Стробыкин К.А. Региональная политическая повестка в малых городах и районах Ивановской области: опыт контент-анализа соцмедиа // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 181—191.

Четверть проведенного пользователями времени в интернете в нашей стране приходится на социальные сети. По данным Mediascope¹, в 2025 году среднестатистический россиянин проводил в интернете по 4 часа 33 минуты в день, 25 % времени пользователи тратили на потребление контента в соцмедиа. Больше времени в социальных сетях проводят аудитории 12—17 лет, 18—24 и 65+. В этой связи

© Докучаев Д.С., Докучаева Н.А., Стробыкин К.А., 2026

¹ Актуальные цифры медиапотребления россиян — выступление Mediascope URL: https://mediascope.net/upload/iblock/cb1/hy2t7aw8y2qosa3qbikfwom97y33sfgm/Конференция_Медиапространство_Павел%20Мордаев.pdf (дата обращения: 12.12.2025).

достаточно актуальной представляется проблема борьбы за внимание аудитории со стороны создателей и распространителей контента.

Алгоритмическая выдача контента в ленте социальных сетей и ориентация алгоритмов на пользовательские реакции и вовлечение приводит к тому, что вокруг человека постепенно формируется «информационный пузырь». На эту проблему одним из первых обратил внимание американский интернет-деятель Эли Паризер (Eli Pariser). Он, в частности, отмечал, что «код, лежащий в основе новой версии Интернета, довольно прост. Фильтры нового поколения изучают то, что вам, судя по всему, нравится: ваши предшествующие действия или то, что нравится людям, похожим на вас, — и пытаются экстраполировать эти данные. Это механизмы предсказаний, постоянно уточняющие теорию о том, кто же вы на самом деле, что вы сделаете и чего захотите дальше. Вместе они творят уникальную информационную вселенную для каждого из нас — я называю этот процесс возведением «стены фильтров» — и фундаментально меняют наш подход к восприятию информации» [Паризер: 19].

Таким образом, находясь в «информационном пузыре», пользователь видит только ту информацию в соцмедиа, которая соответствует его предпочтениям, взглядам, привычному поведению в сети, прошлому опыту сетевых взаимодействий. При этом, как справедливо замечают А. Дружинин, Е. Иноземцева и Ф. Гуров, «коммуникативное онлайн-сообщество децентрализовано, поэтому множественностью процессов, в нем происходящих, никто не управляет в классическом понимании этого слова из какого-либо одного центра. Получается, что, с одной стороны, субъект коммуникации встроен в глобальный медиаконтекст, а, с другой — локализован внутри своего индивидуального коммуникационного пространства («информационного пузыря») [Дружинин, Иноземцева, Гуров: 100].

Такая ситуация с точки зрения публичной и информационной политики является проблемной для власти. Без эффективных механизмов управления политической повесткой важные для власти и общества сообщения просто не будут проходить «стену фильтров» и доходить до конкретного пользователя. Все это может привести, с одной стороны, к снижению доверия к институтам власти (пользователь не знает, что власть конкретно сделала для решения какой-то его проблемы, даже если она рассказала об этом, но в нерелевантном для пользователя канале), с другой стороны, «информационный пузырь» лишает власть возможности оперативного донесения антикризисной информации и сообщений.

Значимость развития государственного сегмента социальных медиа начинает осознаваться в России в середине 2010-х годов. Появляются первые попытки создания полуофициальных каналов органов власти, прежде всего, в работавших тогда зарубежных социальных сетях. Ситуацию сильно изменила пандемия коронавируса, когда, с одной стороны, впервые в таком масштабе российское общество столкнулось с огромным потоком недостоверной информации и фейков, с другой стороны, слабое развитие официальных источников информации в соцсетях не смогло этому противостоять на начальном этапе. Как отмечает А.С. Николаева, в период пандемии, например, в Ивановской области информационное воздействие было направлено в первую очередь на эмоционально-психологический уровень политического сознания, а цели формирования регионального медиадискурса определялись так: «пробуждение и / или усиление интереса к теме коронавируса; смена приоритетов в повестке дня; повышение активности жителей в соблюдении противоэпидемических норм, поддержка ограничительных мер, а затем и популяризация вакцинации как главного метода борьбы с COVID-19» [Николаева 2023: 176]. Именно в этот период интенсифицируется

на государственном уровне работа по созданию официальных страниц органов власти в отечественных социальных сетях — ВК и ОК. В 2022 году за органами власти и подведомственными им учреждениями законодательно закрепили требование вести госпаблики — официальные страницы ведомств в социальных сетях.

На сегодняшний день экосистема госпабликов фактически выстроена так, что пользователь оказывается подписанным сразу на несколько таких страниц: органа власти (например, местной администрации) и подведомственных учреждений (например, больницы, школы или детского сада). Таким образом, через эту многоканальность повышается вероятность преодоления «информационного пузыря» пользователя при доставке ему политического или общественно-значимого контента. Именно поэтому госпаблики стоит рассматривать основными проводниками (каналами доставки) региональной политической повестки в соцмедиа.

Основная цель исследования состоит в попытке декомпозиции регионального дискурса соцмедиа (на уровне малых городов и районов Ивановской области) для выделения в нем основных тематик публикаций, определения их тональности, выявления приоритетных и повторяющихся сообщений, лексических единиц. Для этого будет проанализирован массив сообщений соцмедиа за период с 15 ноября по 15 декабря 2025 года. Выбор данного временного интервала обусловлен повышенной интенсивностью информационных потоков, связанной с подведением итогов социально-экономического развития региона и обсуждением перспектив его дальнейшего развития в рамках встречи губернатора С. Воскресенского с жителями. В указанный период обычно наблюдается рост медийной активности государственных акторов, направленной на закрепление ключевых смыслов региональной повестки, акцентирование достигнутых результатов и демонстрацию позитивных изменений. Параллельно активизируется и коммуникационная деятельность муниципальных сообществ, транслирующих локальные события в контексте общеобластных приоритетов.

Авторы попытаются ответить на вопросы: какие тематики региональной политической повестки чаще всего «приземляются» на уровне малых городов и районов Ивановской области; как распределены эти тематики по информационным сообщениям, какие слова и словосочетания преобладают в сообщениях региональной политической повестки и, следовательно, к каким темам акторы формирования повестки привлекают основное внимание аудитории и жителей малых городов и районов Ивановской области?

Теоретические основы и методология исследования. Теоретические основания настоящего исследования восходят к ряду положений теории установления повестки (Agenda-setting theory), предложенной Д. Шоу и М. МакКомбсом. Одно из них предполагает, что перечень важных тем и проблем откладывается в сознании той или иной аудитории не посредством целенаправленной работы СМИ по формированию определенных установок, внедрению взглядов или идей, а опосредованно, через освещение событий, которые находят отклик аудитории из-за высокой частотности их упоминаний в СМИ [Дьякова: 150]. В этом плане «информационная повестка представляет собой набор тем, которые занимают приоритетное место в средствах массовой информации или в общественном мнении в определенный период времени» [Николаева 2024: 105].

В одном из своих прошлых исследований мы определили региональную политическую повестку как совокупность дискурсивных практик власти, формирующих у регионального сообщества приоритетное внимание и отношение к определенным темам с целью легитимизации и укрепления доверия к власти [Докучаев, Стробыкин]. Тематически сбалансированная и содержательная региональная

политическая повестка, правильно «приземленная» на малый город, позволяет не только сформировать представления о желаемом и возможном будущем территорий, но и нивелировать существующие проблемы городов за счет обозначения их в дискурсе медиа.

Политическая повестка внутри региона формируется целенаправленно разными акторами. Ее задача — воздействовать на информационное пространство и актуализировать в нем конкретные темы, нарративы и интерпретации. В инструментальном плане региональная политическая повестка — это стратегия и тактика привлечения внимания к необходимым интерпретациям и приоритизации конкретных сообщений (тем) за счет их многократного повторения. Несмотря на то, что в пространстве массовых коммуникаций региона сообщения повестки передаются практически равномерным потоком, в процессе их потребления могут возникать неравномерности на местах — не все сообщения в рамках региональной повестки имеют одинаковую актуальность и релевантность для жителей малых городов, например, сообщения могут быть актуальны для одного города и неактуальны для другого.

В настоящем исследовании нами предпринята попытка на основе анализа массива текстов из соцмедиа определить тематическое распределение сообщений региональной политической повестки, выявить приоритетные и повторяющиеся сообщения, провести частотный анализ лексических единиц с предварительной лингвистической нормализацией текста.

Методологическую основу исследования составил контент-анализ как количественно-качественный метод изучения медийных текстов, позволяющий выявить структуру, содержание и особенности репрезентации региональной политической повестки в цифровой среде. Метод контент-анализа хорошо зарекомендовал себя в региональных исследованиях. В частности, М.В. Назукина, используя контент-анализ для изучения выступлений глав регионов, установила, что в регионах, где интенсивнее всего представлены рассуждения о специфике территории, чаще выше интенсивность и дискурса региональной идентичности [Назукина].

Объектом контент-анализа выступили публикации, размещенные в официальных и неофициальных сообществах муниципальных образований Ивановской области в социальной сети «ВКонтакте». В выборку было включено 41 сообщество, которые были отобраны по критериям открытости, регулярности публикаций и наличия муниципальной идентификации. В качестве ключевого фильтра использовался показатель вовлеченности по охвату (ERR) с уровнем не ниже 30 %, что обеспечило включение наиболее заметных публикаций. Предметом контент-анализа являются особенности тематической структуры и тональности публикаций.

Единицей анализа выступала отдельная публикация, а единицами счета — тематическая категория и тональность сообщения. Количественный анализ осуществлялся через ручной подсчет частоты упоминаний тематических блоков и метрических показателей (просмотры, реакции, уровень вовлеченности).

Классификатор контент-анализа отражает ключевые направления региональной повестки. В их числе: деятельность органов власти, управленческие решения, развитие городской среды, социальная сфера, экономическое развитие, социальные проблемы, гражданское участие, патриотическая и военно-политическая тематика, а также публичные мероприятия и проекты развития. Такой подход позволил системно структурировать информационное поле и выявить доминирующие смысловые акценты.

Процедура исследования включала отбор ключевых слов, сбор и фильтрацию данных на платформе «Медialogия», очистку массива, тематическое кодирование и последующий сравнительный анализ официальных и неофициальных сообщений с интерпретацией полученных результатов.

Вторым методом в настоящем исследовании стал количественный контент-анализ, реализованный через частотный анализ лексических единиц с применением инструментов Python.

В исследовании применялась многоуровневая обработка текста, позволяющая учитывать:

- морфологическое разнообразие русского языка;
- устойчивые словосочетания;
- именованные сущности;
- семантические эквиваленты.

Все это позволило перейти от анализа словоформ к анализу смысловых единиц.

Эмпирическую базу исследования составил тот же корпус текстов публикаций из социальной сети ВКонтакте, выгруженный в формате CSV через платформу «Медialogия» за тот же период, что и в количественно-качественном контент-анализе. Каждый документ представляет собой текст отдельного поста.

Для анализа текстов использовались следующие инструменты Python:

- Pandas — для загрузки и обработки корпуса текстов;
- re — для регулярных выражений и очистки текста;
- NLTK (модуль stopwords) — для базового списка стоп-слов;
- rymorph3 — для морфологического анализа и лемматизации русского языка;

- collections.Counter — для подсчета частот;
- WordCloud — для визуализации результатов;
- Matplotlib — для отображения графики.

Выбор этих библиотек обусловлен их устойчивостью, распространённостью в научных исследованиях и относительной релевантностью задачам обработки естественного языка на русском языке.

Предобработка корпуса осуществлялась в несколько этапов. На первом этапе была произведена нормализация текстов с помощью регулярных выражений. Из текстов были удалены гиперссылки, упоминания пользователей и сообществ, служебная разметка ВКонтакте, знаки пунктуации, не кириллические символы за исключением пробелов и символа «_». Тексты были приведены к нижнему регистру и нормализованы по пробельным символам. Цель этапа предобработки текстов — устранение шумов и приведение корпуса к унифицированному виду.

Была проведена замена устойчивых словосочетаний и именованных сущностей на единые токены (отдельные слова) с использованием регулярных выражений. Например, сочетание «ивановская область» во всех падежных формах было заменено на «ивановская_область»; все слова и словосочетания, семантически близкие в данном контексте к токену «губернатор» были им заменены (например, «Станислав Воскресенский», «губернатор Воскресенский», «губернатор Ивановской области», «глава региона» и т. п.); словосочетания «детский сад» во всех формах заменены на «детский_сад» и т. п. Слова, имеющие общий смысл, связанный с детьми (за исключением уже замененных согласно указанному выше правилу), были заменены токеном «ребенок». Эти изменения позволили предотвратить разбиение смысловых единиц на отдельные слова, исключить двойной учет компонентов и обеспечить корректное представление именованных сущностей, а также

снизить лексическую вариативность корпуса. Выбранный подход соответствует практике нормализации *named entities* в задачах анализа текстов.

После замены сущностей текст был разбит на токены (отдельные слова). Была применена лемматизация с использованием библиотеки *ru morphology3*, которая позволила привести различные словоформы к базовой форме, снизить размер словаря, объединить морфологически связанные варианты (например, «городов», «городе», «городам» свести к единой начальной форме «город»).

На следующем этапе удалялись стоп-слова: стандартные стоп-слова русского языка (союзы, предлоги, частицы) и дополнительные стоп-слова, сформированные вручную на основе анализа корпуса. Расширенный (кастомизированный) список стоп-слов включил высокочастотные, но малосодержательные слова, административную и служебную лексику, универсальные глаголы и прилагательные, не несущие тематической нагрузки. Также итеративно определялись и исключались из анализа частотные, но малозначимые для исследовательской задачи слова, чтобы результат анализа максимально наглядно отражал реальную медиаповестку.

В ходе исследования проанализировано 1655 публикаций, размещенных в 41 официальном и неофициальном сообществе муниципальных образований Ивановской области в социальной сети «ВКонтакте».

Анализ медиаметрических показателей демонстрирует, что лидирующие позиции по количеству публикаций занимают преимущественно официальные сообщества, однако в их числе присутствуют и неофициальные. По суммарному количеству пользовательских реакций в распределении преобладают больше неофициальные сообщества.

Ручной тональный анализ публикаций свидетельствует о доминировании нейтральной (52 %) и позитивной (44 %) тональностей. Нейтральные сообщения, как правило, выполняют информирующую функцию и связаны с освещением управленческих решений (разработка и принятие законопроектов, подписание указов, формирование бюджетных проектов и т. п.), инфраструктурных изменений (прежде всего тематика развития и благоустройства городской среды) и функционирования социальной сферы (вопросы образования, спорта, здравоохранения и др.). Информация в постах с такой подачей, как правило, лишена эмоционально окрашенных выражений и просто констатирует факт прохождения какого-либо мероприятия, разработки проекта, принятия решения. Процентное распределение негативных публикаций в большинстве сообществ примерно равное и не превышает 6 % от числа всех постов с такой тональностью.

Позитивный контент в основном сосредоточен вокруг публичных мероприятий (конкурсов, соревнований, общественных акций), в которых подчеркивается участие местных жителей, и содержит в себе такие эмоционально окрашенные выражения, как, например, «радостное событие», «прекрасный праздник», «царила особая атмосфера», «хорошее настроение», а также различные поздравления и слова благодарности. Позитивный характер повествования присущ публикациям, связанным с военно-политической тематикой, волонтерством и гуманитарной деятельностью в целом, а также с патриотической и ценностной риторикой. Лидерами по доле публикаций с позитивной тональностью являются преимущественно официальные сообщества.

Доля негативных публикаций при этом остается сравнительно низкой (4 %) и в основном связана с освещением социальных проблем, криминальных происшествий и рисков, включая случаи мошенничества и дорожно-транспортные происшествия. При этом негативный дискурс чаще представлен в неофициальных

сообществах, что указывает на их роль как каналов артикуляции проблемной повестки.

По тематическому наполнению (рис. 1) наибольшую долю в массиве занимают публикации, посвященные социальной сфере и качеству жизни населения (45 %). Внутри данной категории преобладают материалы о культуре (26 %), образовании (24 %), спорте (16 %), здравоохранении (15 %) и ЖКХ (14 %), что свидетельствует об ориентации на демонстрацию функционирования и развития базовых социальных институтов. Вторым по значимости направлением выступает гражданское участие и механизмы обратной связи (39 %). Подобные публикации ориентированы на отражение вовлеченности населения в различные формы публичной активности. При этом значительная часть материалов пересекается с патриотической (25 %) и военно-политической (23 %) риторикой. Публичные мероприятия как самостоятельная категория представлены в 30 % публикаций. Они охватывают широкий спектр событий (от конкурсов и соревнований до форумов и общественных акций) и сопровождаются акцентом на массовое участие и позитивный социальный эффект. Значительный объем контента (22 %) связан с освещением государственных, региональных и муниципальных проектов, стратегий и программ развития. Данная категория в основном коррелирует с тремя другими тематиками: развитие и благоустройство городской среды (57 %), стратегическое развитие и образ будущего (55 %), управленческие решения и ответственность государственных организаций (43 %). В публикациях данной группы преимущественно подчеркиваются возможности, планы и результаты реализации проектов по формированию комфортной городской среды.

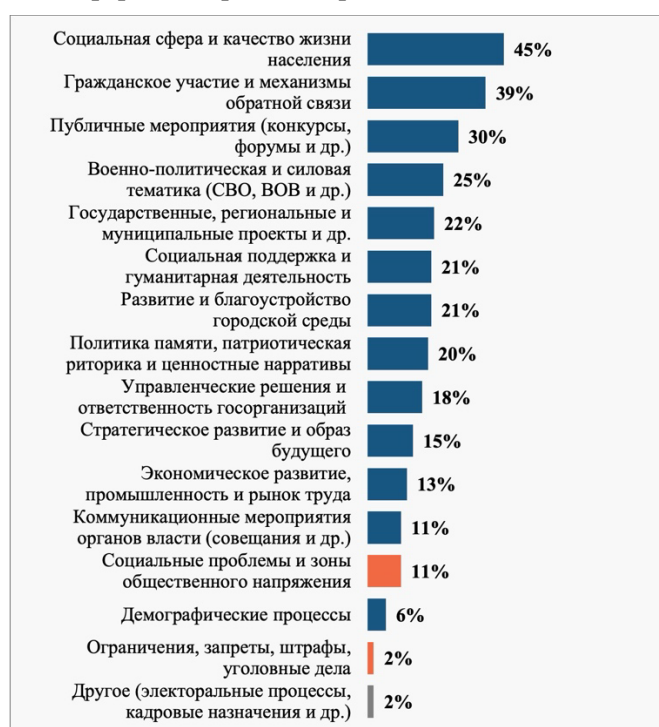

Рис. 1. Тематическое распределение публикаций в сообществах, %

Тематическое распределение публикаций по сферам в целом отражает векторы региональной политической повестки, однако содержательные аспекты конкретных сообщений представляют отдельный интерес. Используя методы компьютерной обработки текстовых данных, мы попробовали выявить лексические доминанты

в корпусе публикаций в соцмедиа. Основываясь на частотном анализе лексических единиц с предварительной лингвистической нормализацией текста, мы сформировали итоговый список токенов (отдельных слов), включающий нормализованные одиночные слова и канонические многословные сущности. Результатом стало распределение частот лексических единиц, отражающее тематическую структуру корпуса. Так выглядит топ-20 токенов с частотностью упоминания (рис. 2).

token	count
ивановская_область	908
ребенок	677
развитие	606
губернатор	601
проект	581
школа	523
поддержка	503
образование	462
работа	432
семья	423
город	342
регион	317
городской	309
глава	303
помощь	302
сво	299
ремонт	265
социальный	250
россия	241
возможность	238

Рис. 2. Распределение частот лексических единиц, шт.

Очевидное доминирование словосочетания «ивановская_область» указывает на определенную трансляцию именно региональной политической повестки в пабликах малых городов и районов региона. То есть многие сообщения разворачиваются от общего к частному, от Ивановской области к конкретному городу и району. Заметно присутствие губернаторской повестки в соцмедиа. А вот все остальные лексические единицы дают вполне конкретный срез тем, которые соотносятся с вопросами развития инфраструктуры детства и образования (социальная сфера и качество жизни населения), что не раз подчеркивалось в ежегодных отчетах, посланиях и заявлениях главы региона².

Региональные программы ремонта детских садов и школ также находят место в региональной политической повестке, тем не менее в этих сообщениях может стоять вопрос актуальности и релевантности для конкретного муниципалитета. В топ-5 входит также проектирование. Определенно здесь есть сообщения о краткосрочных и среднесрочных проектах развития как городов, так и региона в целом. С точки зрения малых городов и муниципалитетов такие сообщения могут задавать дискурс конструирования образа будущего. Работа, семья и городская среда уравнивают сообщения региональной повестки наряду с помощью СВО и другими актуальными вопросами.

² См. напр.: Станислав Воскресенский на встрече с жителями региона: «Все наши решения пронизаны одной мыслью: семьям с детьми должно быть комфортно в Ивановской области». URL: <https://ivanovoobl.ru/?type=news&id=74026> (дата обращения: 13.01.2026).

В рамках этого исследования нам показалось важным попробовать представить ключевые слова сообщений региональной политической повестки в визуальной форме. На финальном этапе результаты анализа были визуализированы в виде «облака слов» с использованием метода WordCloud, основанного на отображении частотных единиц с пропорциональным масштабированием.

Визуализация (рис. 3) построена на основе словаря частот: размер слова соответствует его частоте, применяется цветовая карта для повышения различимости, многословные токены преобразуются в читаемый вид (замена _ на пробел в случае токена «ивановская область»).

Рис. 3. Визуализация «облака слов» региональной политической повестки (топ-50 слов)

Полученные результаты исследования позволяют заключить, что региональная политическая повестка в Ивановской области формируется преимущественно институциональными акторами и ориентируется на репрезентацию достижений, развития социальной сферы и реализации государственных инициатив. Публикации с ориентацией на негатив также существуют, но не значительно выделяются среди всех материалов и представлены преимущественно в неофициальных сообществах. Предмет данного исследования составили тематическая структура, тональность публикаций и частотность лексических единиц сообщений повестки, однако в следующих замерах целесообразно его расширить и включить в анализ комментарии жителей под постами, что позволит сильнее углубиться в исследование альтернативного дискурса, сосредоточенного на проблемах региона.

Региональная политическая повестка, транслируемая в соцмедиа малых городов Ивановской области, в анализируемый период выглядит уравновешенной и тематически сбалансированной. Она в полной мере отражает заявленные губернатором области приоритеты развития региона в целом и малых городов в частности. К некоторым таким приоритетам можно отнести:

- *социальное равенство*: одинаковый доступ жителей к инфраструктуре образования, здравоохранения и культуры. Отсюда и присутствие в повестке повторяющихся сообщений на темы ремонта детских садов, обновления школ, ремонта поликлиник. Акценты делаются на том, что в результате преобразований меняется качество жизни отдельно взятого человека.

- *экономическая эффективность*: акценты на поддержке малого и среднего бизнеса, привлечении инвестиций, создании новых рабочих мест и поддержке предпринимательства. Каждый малый город должен иметь свою экономику, она будет учитывать специфику градообразующих предприятий и бизнеса.

- создание многофункциональных общественных пространств и городской среды: участие местного населения в программах инициативного бюджетирования (местные инициативы), вовлечение жителей в проекты создания комфортной городской среды. В каждом малом городе Ивановской области уже создано и благоустроено какое-то знаковое общественное пространство.

Безусловно, это далеко не все обозначенные в политической риторике последних лет приоритеты развития Ивановской области. К ним также можно добавить транспортную связанность региона, вопросы безопасности и комфорта, культуры и идентичности. Отдельные темы артикулируются в региональной политической повестке сезонно или в связи с возникающими рисками. Отсюда более перспективным в дальнейших исследованиях является обращение к еще более широкому текстовому массиву, который включал бы в себя временной промежуток от 3 до 12 месяцев.

Список литературы / References

- Докучаев Д.С., Стробыкин К.А. Региональная политическая повестка: понятие, акторы и механизмы формирования // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. № 2. С. 165—175.
(Dokuchaev D.S., Strobikin K.A. Regional political agenda: concept, actors and formation mechanisms, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2025, no. 2, pp. 165—175. — In Russ.)
- Дружинин А.М., Иноземцева Е.В., Гуров Ф.Н. Преодоление «информационного пузыря»: постановка задачи, методология, аналитическое чтение // Ценности и смыслы. 2022. № 3 (79). С. 96—110.
(Druzhinin A.M., Inozemtseva E.V., Gurov F.N. Overcoming the “information bubble”: problem definition, methodology, analytical reading, *Values and Meanings*, 2022, no. 3 (79), pp. 96—110. — In Russ.)
- Дьякова Е.Г. Массовая коммуникация и власть в теории установления повестки дня // Антиномии. 2002. Вып. 3. С. 155—168.
(Dyakova E. Mass communication and power in the agenda-setting theory, *Antinomies*, 2002, no. 3, pp. 155—168. — In Russ.)
- Николаева А.С. Региональный медиадискурс и мозаичность массового политического сознания в эпоху COVID-19 // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 167—178.
(Nikolaeva A.S. Regional media discourse and the mosaic of mass political consciousness in the era of COVID-19, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2023, no. 1, pp. 167—178. — In Russ.)
- Николаева А.С. Медиа дискурс и формирование информационной повестки: факторы и тренды современности // Региональная журналистика, реклама и связи с общественностью: вызовы и решения: сборник статей и материалов IX Всероссийской научно-практической конференции. Иваново, 2024. С. 103—114.
(Nikolaeva A.S. Media discourse and the forming the information agenda: modern factors and trends, *Regional journalism, advertising and public relations: challenges and solutions*, Ivanovo, 2024, pp. 103—114. — In Russ.)
- Назукина М.В. Регионализм в «посланиях» глав субъектов РФ: дискурсивный аспект // Полис. Политические исследования. 2022. № 2. С. 68—82.
(Nazukina M.V. Regionalism in the “messages” of the heads of subjects of the Russian Federation: a discursive perspective, *Polis. Political Studies*, 2022, no. 2, pp. 68—82. — In Russ.)
- Паризер Э. За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас? М.: Альпина Бизнес Букс, 2012. 304 с.
(Pariser E. The Filter Bubble: What the Internet is Hiding from You?, Moscow, 2012, 304 p. — In Russ.)
- McCombs M., Shaw D. The Agenda-Setting Function of MassMedia, *Public Opinion Quarterly*, 1972, vol. 36, pp. 176—187.

REGIONAL POLITICAL AGENDA IN SMALL TOWNS AND DISTRICTS OF IVANOVO REGION: CONTENT ANALYSIS OF SOCIAL MEDIA

Denis S. Dokuchaev, Natalya A. Dokuchaeva, Kirill A. Strobykin

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
den-dokuchaev@mail.ru, natdok85@gmail.com, kirill.strobykin@mail.ru

Abstract. The article examines the regional political agenda in small towns and districts of Ivanovo region through the application of content analysis to textual publications in social media, combined with Python-based computational text analysis. The analytical framework is oriented toward identifying the thematic structure, sentiment, and lexical dominants of the collected materials. The empirical basis of the study comprises 1,655 publications from 41 official and unofficial communities of the VKontakte social network, covering the period from November 15 to December 15, 2025. The research results indicate that the regional agenda is predominantly socially oriented, with a focus on the quality-of-life issues, civic engagement, and public events. Sentiment analysis reveals the prevalence of neutral and positive messaging, with a comparatively low proportion of negative content. Via lexical analysis, the authors identify the prevailing “general-to-specific” principle in the municipal communities’ postings, determine the dominant emphasis on issues related to childhood infrastructure development and education, and delineate thematic clusters which are likely to shape the future-oriented discourse. The authors also outline the prospective directions for the further research in this field.

Keywords: politics, political communication, region, regional information space, agenda, political agenda, regional politics, regionalism, regional discourse, regional political agenda, content analysis of social media

For citation: Dokuchaev D.S., Dokuchaeva N.A., Strobykin K.A. Regional political agenda in small towns and districts of Ivanovo region: content analysis of social media, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2026, iss. 2, pp. 181—191.

Статья поступила в редакцию 01.04.2026; одобрена после рецензирования 05.05.2026; принята к публикации 11.05.2026.

The article was submitted 01.04.2026; approved after review 05.05.2026; accepted for publication 11.05.2026.

Информация об авторах / Information about the authors

Докучаев Денис Сергеевич — кандидат философских наук, заведующий отделением журналистики, рекламы и связей с общественностью, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, den-dokuchaev@mail.ru, SPIN: 9445-2952

Dokuchaev Denis Sergeevich — Candidate of Sciences (Philosophy), Head of department of journalism, advertisement and public relations, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, den-dokuchaev@mail.ru

Докучаева Наталья Александровна — кандидат исторических наук, доцент отделения журналистики, рекламы и связей с общественностью, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, natdok85@gmail.com, SPIN: 9433-2116

Dokuchaeva Natalya Aleksandrovna — Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the department of journalism, advertisement and public relations, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, natdok85@gmail.com

Стробыкин Кирилл Александрович — магистрант кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, kirill.strobykin@mail.ru, SPIN: 8553-1706

Strobykin Kirill Alexandrovich — master's student of department of sociology, social work and personnel management, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, kirill.strobykin@mail.ru

ЮБИЛЕЙНОЕ ANNIVERSARY

К 90-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ НИНЫ ВИКТОРОВНЫ РЕВЯКИНОЙ

Нина Викторовна Ревякина

В мае текущего года свой юбилей отмечает доктор исторических наук, профессор Нина Викторовна Ревякина, более сорока лет отдавшая служению Ивановскому государственному университету, создавшая целое научное направление, связанное с изучением истории европейского и прежде всего итальянского Возрождения, воспитавшая плеяду талантливых учеников.

Поздравляя Нину Викторовну с ее юбилеем, мы публикуем очерк ее ученика и главного продолжателя ее начинаний Дмитрия Владимировича Самотовинского и присоединяемся к пожеланиям здоровья, оптимизма и научного горения.

КАК НИНА ВИКТОРОВНА РЕВЯКИНА ВОЗДЕЛЫВАЕТ СВОЙ САД

Как известно, Арон Яковлевич Гуревич «возделывал свой аллод». Нина Викторовна Ревякина, несомненно, возделывает свой сад. Его можно было бы уподобить садам Медичи, д'Эсте или Фарнезе. Но мне хочется сравнить его с «садиком» Валафрида Страбона и садами-огородами Франческо Петрарки в Воклюзе, в которых каждая травинка и плод — свидетельство труда, заботы и любви Садовода.

Творчество Нины Викторовны — огромный Сад, воплощение гуманистической «varietà», открытой её добрым другом и коллегой Леонидом Михайловичем Баткиным. В этом саду не скучно, и каждое растение хочется рассматривать

• Серия «Гуманитарные науки»

долго, возвращаясь к нему вновь и вновь. Но я выделю несколько фундаментальных трудов, в которых, на мой взгляд, полнее всего выражен интерес Нины Викторовны к человеку и природе в культуре Возрождения.

Ещё в 1977 г. вышла в свет абсолютно новаторская работа Нины Викторовны «Проблемы человека в итальянском гуманизме второй половины XIV — первой половины XV в.» (Москва), ставшая основой докторской диссертации, защищённой в 1979 г. Новаторской была уже сама постановка проблемы, которая была «подслушана» у самих гуманистов и раскрывала суть их культуры. Гуманисты были «сосредоточены на человеческой тематике». Казалось бы, отцы церкви и средневековые авторитеты давно дали ответы на все антропологические вопросы. Но сам ход жизни итальянских городов и их новая психологическая атмосфера породили интеллектуалов, которые, примеряя эти ответы на себя, вдруг обнаружили, что они скроены не по их мерке. Предстояло на свой страх и риск, заручившись поддержкой античных коллег, переопределить «отношение человека к самому себе и к другим людям, к обществу, миру, богу». Эту потребность, эту работу и обнаружила Нина Викторовна, прислушиваясь к многоголосию писем и трактатов гуманистов. Она проследила, как на протяжении первого столетия гуманизма постепенно выработывалась новая концепция человека, в рамках которой он представал как привилегированное творение, обладающее особым «достоинством», статусом во вселенской иерархии. Этот статус определялся его бессмертной и разумной душой, благодаря которой он может не только познать Бога, но и исследовать, преобразовывать мир, общество и самого себя, как бы соучаствуя в творении.

В монографии «Человек в гуманизме итальянского Возрождения» (Иваново, 2000) Нина Викторовна представила результаты своего исследования судеб итальянского гуманизма XIV—XVI вв. через призму проблемы человека. Антропология раннего гуманизма во второй половине XV в. была доведена до своего логического предела флорентийскими неоплатониками. Для них человек, с его безграничными возможностями по преобразованию мира и себя самого, занимал исключительное место в иерархии мироздания и мог претендовать на роль Бога на земле. Но в это же время другие гуманисты, тесно общавшиеся с медиками, астрологами, натурфилософами, развивали иные стороны антропологии раннего гуманизма, делая акцент на включённости человека в природу, на естественных ограничениях его возможностей, высказывая менее восторженные и более трезвые оценки человека.

Эта последняя тенденция получила своё развитие в итальянском гуманизме XVI в. На широком материале Нина Викторовна показала процесс эволюции гуманизма, который, как и всё живое и подлинное, изменялся со временем, реагируя на новые реалии (Итальянские войны, религиозный раскол, Великие географические открытия), на развитие естествознания и рождение ренессансной натурфилософии, блестяще исследованной другим добрым другом и коллегой Нины Викторовны — Александром Хаимовичем Горфункелем. Тема достоинства человека в XVI в. получила неожиданное преломление: герои диалогов Капры сравнивали достоинство мужчины и женщины, поочерёдно критикуя оба пола, что не шло на пользу человеческому достоинству как таковому. Более того, гуманист сделал акцент на теме *miseria*, подчёркивая, что многие человеческие достижения не заслуживают высокой оценки, будучи бесполезными, а то и вредоносными. Удел человека — подверженность порокам и страдание.

Другие гуманисты оспаривали сами основы традиционного гуманистического антропоцентризма: предназначённость мира для блага человека и превосходство человека над животными. Макиавелли и Джелли (диалог этого гуманиста,

«Цирцея», был переведён Ниной Викторовной и опубликован в 2005 г., а в 2025 г. вышел доработанный вариант) сравнивали человека с животными, становясь при этом на точку зрения самих животных, лишая человека монополии всех мерить своей меркой. У животных появилась своя правда: они наделены природой не только телесными преимуществами, но и практическим разумом, добродетелями. Попытка принизить животных, объясняя все их действия примитивным инстинктом, — лишь высокомерный человеческий взгляд. Каждый вид признавался совершенным по-своему. Человеческая система координат переставала быть единственной и привилегированной. Это означало отход от дорогого гуманистам антропоцентризма.

Взгляд гуманистов на человека стал более трезвым, лишённым идеализации. Макиавелли обращается к человеку эмпирически данному, поскольку именно такой подход позволяет быть эффективным в политике. В этом Нина Викторовна видит «отход от традиционного гуманизма», а точнее его превращение «в новое течение мысли, связанное с требованиями жизни». Конечную точку эволюции гуманистической антропологии Нина Викторовна видит в творчестве французского гуманиста Мишеля де Монтеня, которому посвятила специальную статью «Человек и природа у Мишеля Монтеня» (2015).

Исследуя эволюцию гуманистической антропологии, Нина Викторовна убедилась, насколько в осмыслении гуманистами человека была важна тема природы. Природа и животный мир стали новым фокусом её исследовательского интереса, благодаря чему родился спецкурс «Природа в культуре Возрождения» (текст лекций опубликован в 2015 г.). Более того, в конце 2025 г. Нина Викторовна выпустила монографию «Тема природы у итальянских гуманистов XIV—XV вв.» (Иваново), показывающую, насколько живо гуманисты интересовались миром природы, разыскивая и изучая естественнонаучные труды древних, интересуясь астрологией и медициной, непосредственно наблюдая и взаимодействуя с животными и растениями. Этот интерес, как правило, ещё не приводил к составлению энциклопедических трудов по биологии, как в XVI в., и не породил научного метода Нового времени, но стал их необходимой предпосылкой.

Гуманисты не создали единого учения о природе, но относились к ней как благому началу. Она понималась и как некая сила, сотворённая Богом ради человека, и как непреложный закон, налагающий на человека существенные ограничения, и как эманация божества (флорентийский неоплатонизм); была предметом эстетического отношения, объектом познания и преобразования. Природа человека также постепенно начала оцениваться как благая, почти неповреждённая первоначальным грехом, способная к добру, а значит, могущая стать основой новой этики (Валла). Придя к пониманию человека как гармоничного телесно-душевного единства, гуманисты также легитимировали заботу о теле, здоровье, продлении жизни.

Особую роль в гуманистической антропологии, озабоченной проблемой достоинства человека, играло сравнение человека и животных. В раннем гуманизме преобладало стремление подчеркнуть превосходство человека над животными, лишёнными разума, однако в дальнейшем, в связи с утверждением более трезвого и критического взгляда на человека, животные всё чаще выступали примерами благоразумия, умеренности, дружелюбия, трудолюбия и прочих добродетелей. Подобные оценки получают развитие в XVI в., поставив под сомнение один из краеугольных камней гуманизма — антропоцентризм.

Такова историческая одиссея итальянского гуманизма, представленная в трудах Нины Викторовны. Эти труды привлекают не только своим содержанием,

но и научной честностью, обстоятельной аргументацией, взвешенностью выводов, уважением к предшествующей академической традиции и чужой мысли.

Нина Викторовна Ревякина продолжает возделывать свой Сад, работать над новой книгой, посвящённой отношению гуманистов к животному миру. Поблагодарим Нину Викторовну за её труд, душевную и интеллектуальную щедрость, вдохновляющую любовь к своему делу, гуманизм и любовь к ученикам! Пожелаем Нине Викторовне новых открытий, здоровья, радости и полноты жизни — ad multos annos!

Самотовинский Дмитрий Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии Ивановского государственного химико-технологического университета

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**
**Серия «Гуманитарные науки»
2026. Вып. 2**

12+

директор издательства *Л.В. Михеева*
корректор *Е.Е. Андреенова*
технический редактор *И.С. Сибирева*
компьютерная верстка *Е.Е. Андрееновой*

Дата размещения на сайте 27.06.2026 г.
Формат 70 × 108¹/₁₆. Уч.-изд. л. 15,7. 4,4 МБ

✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

**Вестник
Ивановского
государственного
университета**

Научный журнал

*Научный журнал
Гуманитарные науки*

Адресован преподавателям,
научным сотрудникам,
студентам вузов

Распространяется по предварительным заявкам и подписке

Освещает результаты
фундаментальных и прикладных исследований,
осуществляемых по гуманитарным наукам

Журнал основан в 2000 году

Выходит 4 раза в год